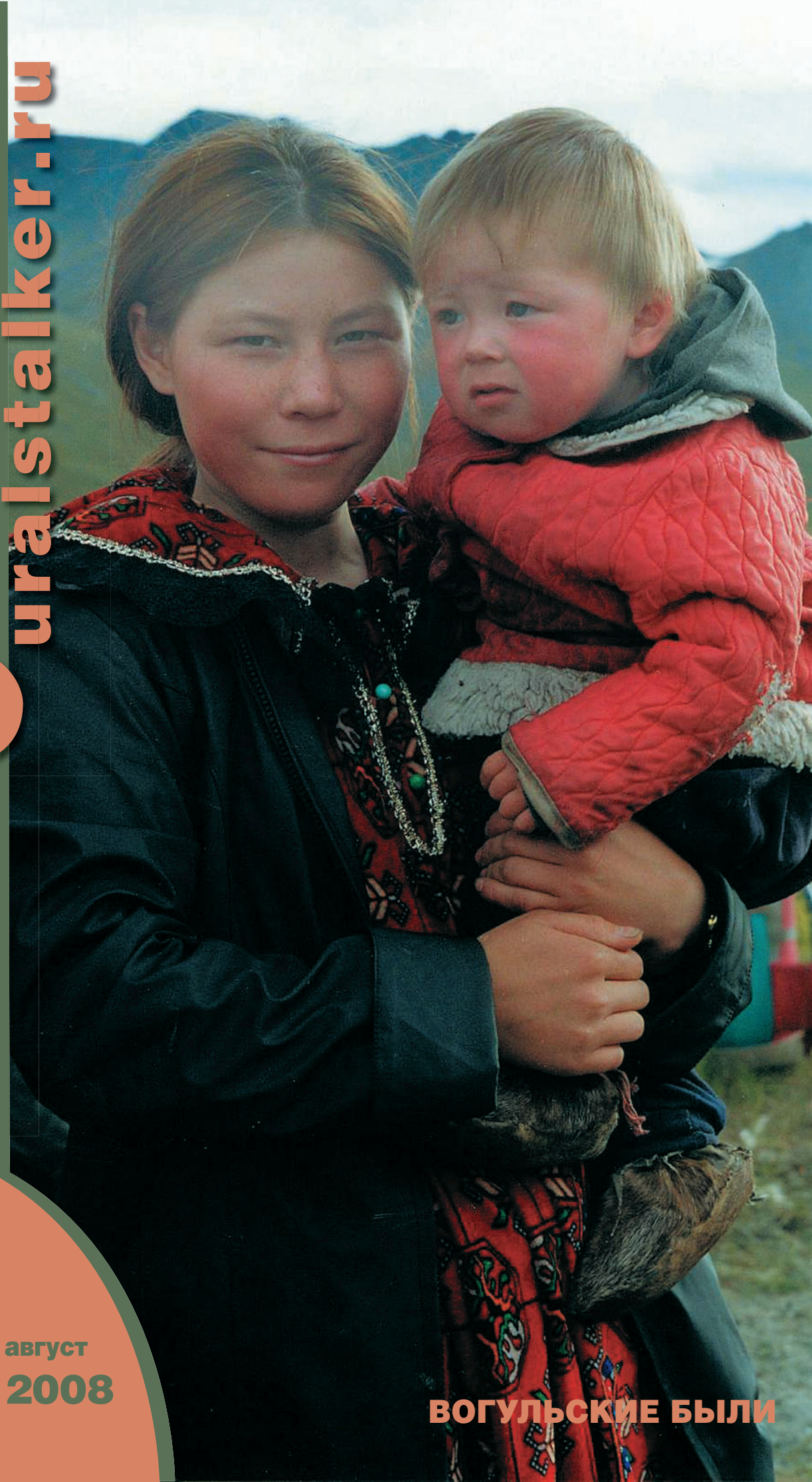

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

uralstalker.ru

Уральский следопыт, август 2008

август
2008

ВОГУЛЬСКИЕ БЫЛИ

ботки, копи, шахты и отвалы надо беречь и охранять от бездумного уничтожения.

На страницах 334–349 приведены несколько маршрутов минералогических экскурсий. К сожалению, и здесь яшмы обойдены молчалием. А ведь еще в 1959 г. Челябинская областная детская экскурсионно-туристская станция выпустила брошюру с описанием «маршрута № 15» под названием «В страну яшм».

В большой таблице на стр. 350–358 сопоставлены

физические свойства наиболее распространенных минералов. Самого же распространенного – кварца – в ней почему-то нет. Пожалуй, его нужно внести в таблицу, да еще с основными разновидностями. Еще в класс окислов и гидроокислов я добавил бы ильменит, куприт, корунд (с главными разновидностями), а также лимонит (в одной графе с гетитом). В классе сульфатов при описании гипса упомянул бы селенит, хотя бы в графе «примечания». Среди минералов класса силикатов явно не хватает циркона, топаза, турмалина с разновидностями, вишневиты, на-

тролита и – опять же, хотя бы в «примечаниях», – нефрита и амзонита. Кроме того, не указано, что все минералы под порядковыми номерами 60–64 входят в группу гранатов.

В тексте книги на странице 267 упомянут геолог Б.А. Макарович. Хорошо бы включить справку о нем в раздел «Персоналии».

Мои замечания ни в коей мере не умаляют достоинств этой замечательной книги. Я бы пожелал этой книге второго издания – исправленного и дополненного.

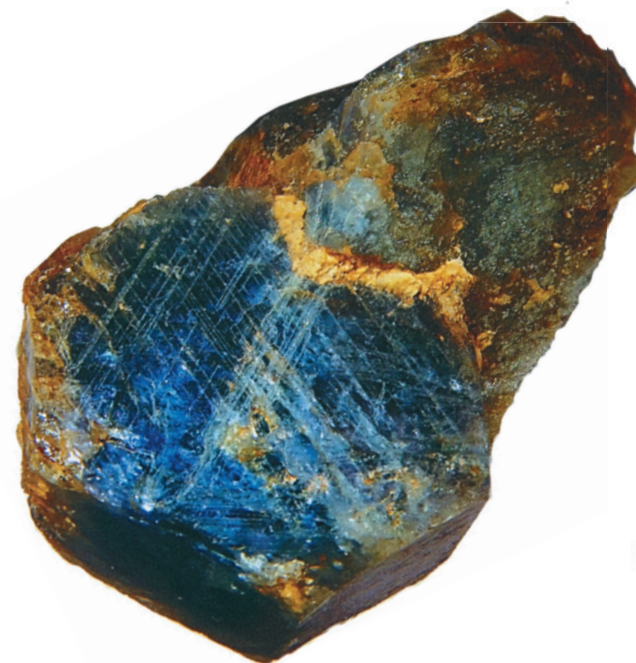
В.Изварин,
инженер-геолог и гидрогеолог.
г.Озерск Челябинской области.

Аметист. Тайгинское месторождение, Южный Урал

Гелиодор.
Ватиха, Средний Урал

Изумруд. Малышевское месторождение, Средний Урал

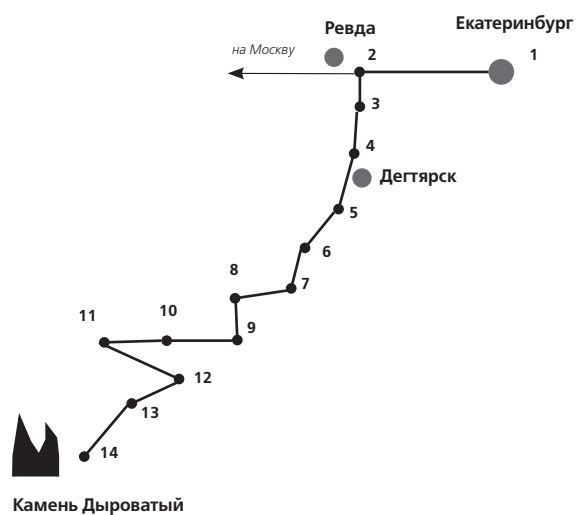
GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":
 Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 258-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-41-48
 Тюмень, ул. Семанова, 20, тел.: (3452) 24-22-88
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32
www.gpsplus.ru

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых пунктов и постройте маршрут поездки в аятское охотхозяйство, чтобы увидеть живописные пейзажи и узнать много интересного об уральской природе

Камень Дыроватый

Фото Виктора БАЙДУКОВА

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция	N56°50'144"	E60°35'382"
2	поворот на Ревду	N56°49'537 "	E59°58'776"
3	кольцо на Дегтярск	N56°47'786"	E59°59'161"
4	поворот на объезд	N56°42'870"	E60°04'856"
5	съезд с объезда	N56°41'024 "	E60°06'392"
6	Съезд	N56°41'074"	E60°05'866"
7	выезд большегрузного транспорта	N56°40'035"	E60°06'499"
8	съезд на гравий	N56°39'430"	E60°06'265"
9	поворот с ЛЭП	N56°38'741"	E60°06'414"
10	поворот кварт.	N56°38'824"	E60°04'094"
11	гора	N56°38'934"	E60°03'067"
12	съезд на просеку	N56°38'741"	E60°04'042"
13	оставить машину	N56°38'415"	E60°02'368"
14	камень Дыроватый	N56°37'526"	E60°01'541"

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

УРАЛЬСКИЙ следопыт uralstalker.ru

август 2008

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Легенды и были		
В. ТРУСОВ	Проверено: клада нет.....	3
Тропой поиска		
Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России.....	5
Литературное краеведение		
В. ДЕРЯБИН	На вогульской тропе.....	12
Версия		
И. ПЛОТНИКОВ	Яков Свердлов и покушение на Ленина.....	70
Далекое - близкое		
В. ЗАЙЦЕВ	Позывные Герда Буркхарда.....	7 5
Книжная полка «Следопыта»		
В. ИЗВАРИН	О самоцветах по Ферсмановски.....	8 0

АЭЛИТА

Законы Вселенной		
И. ЛОГВИНОВ	Трудно быть мужчиной.....	6
Законы Вселенной		
Д. ШОРИН	Купи жену!.....	3 2
Законы Вселенной		
Е. ГАМАЮНОВ	2158 минус любовь.....	3 6
Законы Вселенной		
И. ГАРДА	Дядя.....	4 2
Законы Вселенной		
А. СКОРОБОГАТОВ	Паспорт.....	6 3
Законы Вселенной		
И. ТЁ	Тварь.....	6 6

СВЕЧА ГОРЕЛА

Наши знакомые		
Н. СЕНТЯБОВА	Стихи.....	10
Время мастера		
Ю. ТОСКАЛЕВ	Стихи.....	40
М. НЕМЧЕНКО	Ремни.....	48
Молодые имена		
Е. МИРОНОВА	Стихи.....	46

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Маршруты «Уральского следопыта»		
В. БАЙДУКОВ	Камень Дыроватый.....	2 пол. обложки

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А.Надь.
Худ. редактор, верстка – Ю.В. Ульянова.
Художники – А. Федотов, А. Митрофанова, Я. Ахметшина.
Ответственный секретарь – Е. Ю. Дурко.
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Т.В. Сергеевко.
Фото 1 и 4 полос обложки – А. Слепухин

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Издатель – СОЮЗ «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»».

Редакционный совет –
 Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
 • Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;
 • Семен Спектор, заслуженный врач России.
 • Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

Все школы г. Березовского получают журнал «Уральский следопыт» благодаря администрации города и главе города В.П. Бровозовскому

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
 Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд, тел. (343)269-22-34
 Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
 E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕРПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

- Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»
- ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37
- ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40
- ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73
- ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43
- ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81
- ул. Победы, 38, тел. 330-16-82
- пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21
- ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46
- ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.ru», № 11 подписан к печати 25.05.2008 года. Печать офсетная. Тираж 4500. отпечатано в ГУП СО типография «Монетный шебеночный завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №:

Проверено: клада нет

В середине 1970-х годов происходили на Чусовой интересные случаи. Кроме того, что три летних месяца работал Всесоюзный туристический маршрут, по реке сплавлялись внеплановые искатели приключений и кладов. Большинство заброшенных деревень — старинные. А при строительстве соблюдался обычай закладывать под все четыре угла между фундаментом и срубом монеты — в большинстве случаев серебряные, чтобы дом стоял долго, не развалился, не покосился и не сгорел. Так вот, группа «деловых» людей, захватив с собой домкрат, проверила все углы строений в заброшенных поселениях. Говорят, добыча была неплохая.

Денежки у местных жителей и в старые времена водились.

А где в сельской местности хранить деньги и драгоценности? Конечно, в тайниках, схронах, потаенных местах. Дальше положишь — надежнее сохранишь, но главное, чтобы никто не знал.

В одной деревне на Чусовой 9 мая 1945 года, когда дошла весть о победе в Великой Отечественной войне, одна старушка вынесла из дома икону «Распятие с предстоящими» и пошла с ней по селению, причитая: «Бог все видит и помог». Икона была старая. В середине вырезано углубление и вставлен бронзовый литой крест. Бабушка споткнулась по дороге о камень, икона выпала из рук и ударилась о землю. Крест из доски выпал, а под ним лежала записка, сложенная пополам. Бабулька была неграмотная и отправилась читать текст к своему внуку.

Сообщение в записке было такое: «В шестой день, шестого месяца, шестого года каждого десятилетия, тот, кто придет в двенадцать часов ночи к кресту, то ему откроется клад. Возьми его, и будешь жить богато до конца своего века».

Внучок долго размышлял, но все-таки показал записку еще трем друзьям. Все пришли к мнению, что это может быть только один знаменитый крест — на Чусовой.

В начале XVIII века на берегу Чусовой появился на свет Никита Акинфиевич Демидов, на этом месте установили каменный крест:

Открытка В.Л. Метенкова

Кладоискатели. Старый снимок

«1724 года сентября 8 дня на сем месте родился у действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова (что тогда был дворянином) сын Никита статской советник и кавалер Святого Станислава. Поставлен оной крест на сем месте по желанию ево 1779 года мая 31 числа». Крест имеет размеры: длина 165 см, ширина 93 см. Вместе с постаментом высота 260 см.

Когда впервые смотришь на камень Писаный, то не видишь креста, вырубленного в скале. Лучше всего сделать остановку на противоположном берегу. Встав на поляне, в нескольких метрах от креста, посмотреть на вершину камня Писаного. И увидеть почти такой же по размерам крест. Текст на кресте камня Писаного идентичный приведенному выше.

Внучек с друзьями 6 июня 1946 года с помощью самодельных блоков, укосины и рычагов вытащили крест из плиты. Клада под плитой никакого не обнаружили. Поднялись на камень Писаный и проверили пещеру, которая находится справа на скале ниже креста, но также ничего не нашли.

Но сразу же приходит и другая догадка. Может, клад зарыт под каким-то другим крестом? Ведь о тайне знал только один человек,

написавший записку и спрятавший драгоценности. Тогда нужно искать и обращать внимание и на другие кресты.

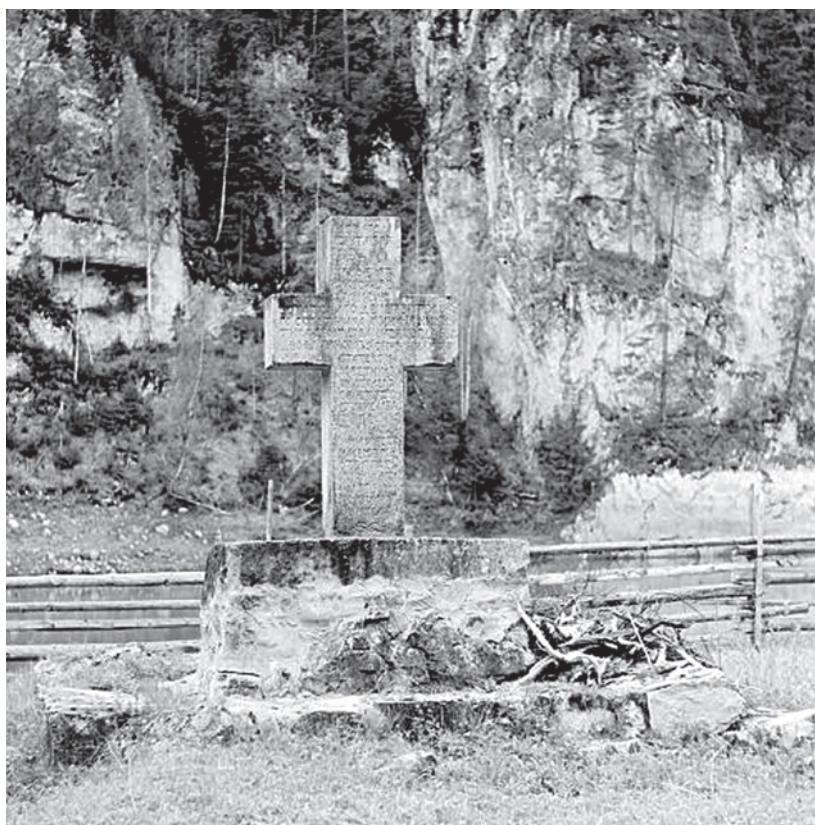

Фото 1912 года. Автор С.М. Прокудин-Горский

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГАДЗЯЦКАЯ В., поэтесса.

Участв. в стихотворном сб. «Норд». Баку, 1926. Розанов.

ГАДЗЯЦКАЯ Н.

Начальница Острожского женского училища гр. Блудовой. Сост. кн. «Игра в школу: Русская грамматика для дет. чтения» (СПб., 1872). О ней: в «Отчетах» по Острожскому братству гр. А.Д.Блудовой.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГАДМЕР Е.

(См. Голова Е.С.)

ГАЙДЕБУРОВА Евгения Карловна (урожд. Кемниц), писательница.

Жена издателя и публициста П.А.Гайдебурова.

ГАЙ-САГАЙДАЧНАЯ Ек.

(См. Шебалина).

ГАККЕЛЬ Вера Евгеньевна (псевд. Аренс, В.), поэтесса 1910-е гг.

Сотр. в «Вестн. Евр.» (1913); «Нов. журн. для всех», «Совр. летопись», «Пламя» (1918-1919).

Масанов.

ГАЛАБУТСКАЯ Л.

«Стихотворение» («Вестн. Евр.». 1915. № 6); «Тоска» (Там же. 1915. № 8).

ГАЛАТИ Екатерина Александровна (1890 — 1935; писала также под фам. мужа — Косвен), поэтесса.

Жена этнографа М.О.Косвена. Незадолго до революции дебютировала сб. «Тайная жизнь» (1916), затем написала поэму «Гибель»; участв. в альм. «Кольцо» (М., 1922, кн. 1); сотр. в журн. «Сполохи» и «Лит. прилож. к газете Накануне». Вторая ее кн. — «Золотой песок» (М., 1924). Была близка к лит. кружку «Зеленая лампа». Пробовала свои силы в драматургии. Авт. кн. для детей «Животные жарких стран» (1928).

Масанов; Розанов; «Сто одна поэтесса...»

ГАЛЕНКОВСКАЯ О.А., детская писательница.

Упом.: «Сев. Вестн.», 1889. № 7. С.84.

ГАЛИ Клавдия

Авт комедии из народ. быта (Каз., 1912).

Венгеров. Источ.

ГАЛИНА Г. (по офиц. докум. — Глафира Адольфовна Ринкс (брак матери с А.И.Ринксом не был расторгнут); урожд. Мамошина; псевд. Шустова, Л., Эйнерлинг, Г., Норд, П.; 1870 (в автобиографии — 1873) — 1942), поэтесса, дет. писательница, переводчица.

Вторым браком была замужем за писателем С.И.Гусевым-Оренбургским; расстались между 1913 и 1916. В разных журналах печатала стихи, пов. «Из телеграфной жизни», детские стихи и сказки. В 1903 г. они вышли отд. изданием. Стихи первого сб. «Стихотворения» — в рамках пейзажной и любовной лирики конца XIX в. (рец. в журн. «Рус. мысль», 1902. № 2. С.35). На стихи Г. писали романсы С.В.Рахманинов, Р.М.Глизер и др.. А «Трансвааль», посв. событиям англо-бурской войны, стала народной песней. Поэтич. сб. «Предрассветные песни» (СПб., 1906) уже отличалась большим тематич. разнообразием и профессионализмом. Г. занималась также переводами Г.Ибсена, К.Гамсуна и др., не выделяясь из числа рядовых переводчиков. После 1917 г. в лит. процессе не участвовала. Автобиография Г. напеч. в кн. Фидлер Ф.Ф. Первые литературные шаги. М., 1911. С.141-14

Русские писатели (портр); Масанов; ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 863; Голдин; Владиславлев; Розанов (Галина, Шустова Л.).

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 9

А кресты на Руси были. Их еще называли заветными или кладеными. Они очень редко встречаются. В сороковых годах XIX столетия в Карсунском уезде Симбирской губернии крестьяне откопали один такой кладеный крест. Высечен он был из мела, но со временем потемнел. Кресты изготовлялись и клялись в землю с целью обмануть легковерных людей. В то время действительно находили клады. Они были малоценны, состояли из медных монет или серебряных украшений. Но были и большие клады. Так, на берегу Волги недалеко от Симбирска найден большой клад на месте, где стоял монастырь, разграбленный Стенькой Разиным, как выяснилось позднее — это была монастырская казна, зарытая монахами.

Указание на кресте на сокрытие клада «пугачевскими воинами» могло вызывать доверие, особенно тогда, когда предания о Пугачеве и пугачах были еще свежи: «Кто сей заветный крест найдет, тот и казну нашу возьмет». Далее советовалось: «По вынятии креста как можно скорее исправить завет», так как если «вы просрочите более трех суток, то и казны нашей не получите»... Далее автор «завета» предписывает ночью положить его в яму, отойти «на запад солнца» на 60 локтей, молиться там Богу, не оглядываясь назад, под страхом потери зрения, а возвращаться к яме только после двенадцати часов. Затем он требует отнести завет домой, положить его под образа, на другую ночь повторить операцию, а на третью — рыть клад. Вынувши сундук, зарыть вместо него «завет» (т. е. «100 серебряных монетов»), а сундук отнюдь не вскрывать на месте, а отнести домой.

Вероятно, караулящий автор «завета» имел в виду воспользоваться именно последним моментом, когда обрадованный находением подложенного на этом месте и наполненного камнями сундука мужик понесет его домой. Тогда он смело и не спеша мог вынуть зашитые в холст «100 монетов» и посмеяться над наивностью кладоискателя. Эти кресты представляют собою редкие образчики предметов народного суеверия.

На старой открытке Вениамина Метенкова — вид креста напротив камня Писаного начала 1890-х годов. На снимке четко видна надпись со стороны поляны (луга). После выемки креста из плиты кладоискатели обратно установили его, но наоборот — текстом к реке. У всех туристов, у которых есть это фото, могут проверить интересный факт. Так и в книге братьев Постоноговых «По Чусовой» (Свердловск, 1980. С. 63) указывается: «На стороне, обращенной к реке, крест имеет почти такую же надпись, что и на камне».

В мире ходит много легенд и преданий, и, как говорят, доля истины в них есть. Для прапорщика Задова и других кладоискателей еще раз повторюсь: в пещере под крестом камня Писаного и на противоположном берегу, на поляне, где родился Никита Акинфиевич Демидов, под каменным крестом клады не найдены. Проверено.

Трудно быть мужчиной*

Фантастический рассказ с элементами сатиры

«...период с 2052 по 2056 годы, когда руководящие посты ведущих стран мира, таких как Россия, Китай и США, заняли женщины, стал переломным в истории земной цивилизации. Закончилась эра «мужского шовинизма» и наступил «золотой век» нового матриархата, где женщины взяли на себя традиционные обязанности мужчин и заполнили профессии, исконно считавшиеся мужскими. Отныне представители мужского пола превратились в людей второго сорта, достойных лишь заниматься домашним хозяйством и воспитывать детей. Сделать мужчине карьеру в подобном обществе — стало невозможно! Как и заниматься любимым делом, свободно выбирать профессию по душе. Единственной мужской привилегией остается, как и раньше, освоение Космоса...»

Из доклада на Всемирном Конгрессе мужчин

7:36 — семь часов двадцать четыре минуты до старта.

Понедельник для Олега Астрова не задался с самого утра. Началось все с того, что он элементарно проспал. Давеча, в воскресенье, Олег допоздна за-

сиделся возле компьютера, дожидаясь полуночных новостей на «Глобал-ТВ», где должны были показать интервью, в котором он принимал непосредственное участие. Ясное дело, что этот ролик крутили в каждом выпуске новостей по всем основным каналам в течение суток, и Олег просмотрел его уже не единожды, но... Как-никак не каждый день ты мелькаешь на экранах мониторов миллионов пользователей Сети!

Дабы скоротать время до выхода новостной ленты, Олег с интересом наблюдал за перипетиями пяти парней и трех девушек из программы «Космодом», которую в прямом эфире транслировали со станции «Мир-2». Шоу настолько увлекло Астрова, что он прозевал новостной блок с собственным интервью и лег за полночь в весьма расстроенных чувствах.

Настолько расстроенных, что он спал лишних тридцать шесть минут, не услышав звонка будильника. Естественно, что на этом неприятности Олега закончатся никак не могли, и дальше все покатилось с горки, как снежный ком. Вначале, торопясь позавтракать, он опрокинул на себя чашку с кофе, затем,

когда хотел сменить рубашку, потерял запонку. В итоге пришлось одеться весьма фривольно — в рубашку свободного покроя с отложным воротником и салатного цвета спортивный пиджак.

Олег очень надеялся, что подобная вольность в одежде не вызовет гнева Генерального. Известно было, что Тамара Таривердиевна весьма скептически относится к их команде, и давать ей лишний повод для раздражения было глупо, но рубашка с отложным воротником была последней чистой рубашкой в гардеробе Олега. Запас из двух чистых «строгих» сорочек казался ему вполне достаточным для того, чтобы не спешить с посещением прачечной.

8:11 — шесть часов сорок девять минут до старта.

Увы, сегодня от Олега явно отвернулась Фортуна! Когда он преодолел на своем «Порше» почти половину расстояния от дома до работы, его «тормознул» аэроинспектор. Олег как раз со скучающим видом смотрел по бортовому визору повтор футбольного матча между сборными России и марсианских колоний.

* Рассказ — победитель конкурса короткого рассказа на фестивале «Аэлита-2008»

Игорь Анатольевич Логвинов родился в 1972 году в пос. Слатино Харьковской обл., Украина. Там же проживает и ныне. Окончил Слатинскую среднюю школу, пытался учиться на историческом факультете ХГНУ им. Каразина, но предпочел учебе службу в армии.

Автор нескольких фантастических рассказов и документальных статей на историческую тематику, публиковавшихся в журналах «Реальности фантастики», «Шалтай-Болтай» и газетах «Просто фантастика», «Тайны XX века».

Один из инициаторов создания литературного объединения «Тьма», сообщества любителей «темного» направления в литературе (хоррор, мистика).

Сборная проигрывала, счет был 3:0 в пользу колоний, и Астров ждал лишь традиционного обмена майками по завершению игры – уж очень ему нравилась грудь Швыдченко, центральной нападающей марсиан! И вот, когда до финального свистка оставалось полторы минуты, неприятно заверещал зуммер, да так неожиданно, что Олег едва не выпрыгнул из кресла пилота, ощутило приложившись макушкой о потолок кабины гравилета. Пока он морщился, потирая ушибленную голову, заработал голосовой синтезатор бортового компьютера, ретранслировавший приказ аэродорожного инспектора, рекомендовавший борту 11/12 взять вправо и снизиться до двухсот метров. Как ни торопился Олег на работу, игнорировать приказ аишника он не решился – лучше получить взыскание от Генерального, нежели лишиться прав пилота на неопределенный срок! Олег лишь

надеялся, что серьезных нарушений за ним нет и «разборки» с полицейским займут не много времени. Оказалось, он ошибался.

8:16 – шесть часов сорок четыре минуты до старта.

Как только его гравилет замер на указанной высоте, к «Поршу» подрулил полицейский аэророллер и выжидающе завис возле водительского окошка. Олег быстро опустил стекло и изобразил на физиономии выражение, подобающее случаю.

– Какие-то проблемы, инспектор?

Буркнув что-то типа «заколебали меня эти брютеты», инспектор небрежно козырнула, поднеся два пальца правой руки к форменному шлему, дунула на выбившуюся из-под поднятого плексигласового забрала белокурую прядь волос и представилась:

– Инспектор Полевая! Почему нарушаем, гражданин?..

Олег изумленно захлопал глазами.

– А в чем, собственно, дело?

– А дело в том, гражданин, – инспектор, с видом фокусника, извлекла из кармана электронную планшетку и теперь деловито тыкала в нее «стилом», – что левый «стоп» у вас не горит, на посадочных соплах явные следы коррозии... Госномер опять же грязью заляпан. Кстати, где я вас могла видеть?

Олег просиял и попытался развернуться в кресле так, чтобы лицо было повернуто на три четверти к инспектору, именно так он был изображен на официальном сайте и рекламных роликах.

– Наверно, по визору или в глобальной Сети...

– Надеюсь, не в разделе «их разыскивают»? – инспектор недовольно скривила губы. – Из-за таких, как вы, нарушителей, вверх некогда глянуть, не то, что возле монитора развлекаться!..

– Ага, так я и думала! – полицейский удовлетворенно помахала планшеткой. – Вы же систематически нарушаете, можно сказать, злостно – то-то и лицо мне ваше знакомо! А то начинаете мне здесь песни петь про визоры, да про Сеть...

Олег сник, действительно его несколько раз останавливали аэроинспекторы за мелкие нарушения. Последний раз именно за неработающий фонарь «стопа».

– Так что будем делать, гражданин... – инспектор заглянула в планшетку. – Астров? На месте будем штраф платить, или как?

– Господин инспектор, а может, уладим дело без штрафа? – Олег как бы невзначай расстегнул пуговицу на рубашке, демонстрируя густые завитки черных волос на рельефной груди. – Может быть, обойдемся предупреждением на этот раз?

Как незадачливый пилот и надеялся, его облик «мачо» сработал и на этот раз. Инспектор, не сводя глаз с груди Олега, облизала явно пересохшие губы и, запинаясь, проговорила:

– Ладно, штрафовать я вас не буду в этот раз, но вы должны понимать, что и отпустить просто так

не могу — вы представляете потенциальную опасность на воздушных трассах. Поэтому...

Несколько тычков «стилом», и инспектор Полевая спрятала планшет в боковой карман форменного комбинезона.

— Я запрограммировала ваш бортовой компьютер, теперь он работает в режиме автопилота и доставит ваше воздушное средство на ближайшую станцию техобслуживания.

— Но, — заволновался Олег, — я и так опаздываю на работу...

Инспектор сразу посерьезнела и нахмурилась.

— Послушайте, гражданин Астров, я иду, можно сказать, на должностное преступление, не оформляя на вас протокол, так что будьте любезны не усугублять!

И уже закрыв забрало:

— Покрутишь перед начальником задницей, авось за опоздание и не накажут!..

С грустью Олег наблюдал, как айшный аэророллер исчезает вдаль, а его «Порш», повинувшись чужим командам, тихим ходом выкруливает на заданный инспектором маршрут. Обреченно вздохнув, Олег попытался отвлечься и посмотреть визор, но футбол закончился, а больше смотреть было нечего. Даже новостной выпуск, где в очередной раз демонстрировали его интервью, не принес удовлетворения. Что толку во славе, если она не приносит дивиденды?!

8:41 — шесть часов девятнадцать минут до старта.

Ближайшая мастерская по обслуживанию гравилетов действительно оказалась рядом, путь к ней не занял и пяти минут. Но на этом узенькая полоска везения для Олега закончилась. Гораздо дольше, нежели сам путь до мастерской, у него заняло ожидание, пока механики закончат игру в маджонг и соизволят обратить на него внимание. Наконец одна из работниц сервиса, высокая блондинка с огромными мускулистыми ручищами, перепачканными пятнами машинного масла, завершив игру, подошла к «Поршу».

— Яки проблемы, красавец? — с прокуренной хрипотцой и мало-российским акцентом поинтересовалась она, склонившись к открытому водительскому окошку.

— Да вот, — промямлил Олег, — айшник к вам направил. У меня «стоп» не горит и на соплах коррозия...

— Вах! — воскликнул подошедший следом второй механик, мелкая, явно кавказских кровей, брюнетка, внимательно приглядываясь к Олегу. — Наташка, ты знаешь, кто осчастливил нас своим присутствием?

Блондинка смачно сплюнула на бетон и откровенно почесала задницу.

— И кто это?

— А это, дорогая, один из космонавтов, которые сегодня отправляются на Юпитер...

— Та ты шо?!

— Мамой клянусь, да! — горячилась брюнетка.

— Вернее, на один из спутников Юпитера, — вяло попытался уточнить Олег, будучи абсолютно не рад тому, что эти грубые женщины смотрят «Глобал-ТВ».

— И як этих мужиков только в космос пускают? — удивилась блондинка, постукивая носком ботинка по посадочным соплам, игнорируя слова Олега. — Сидели бы дома, занимались детьми, так нет же, все доказать чего-то хотят! А летать-то толком и не умеют — он як аппарат угробил, тут одним ремонтом не обойтись...

— Значит так, — подвела итог блондинистая Наташка, вытирая руки куском чистой ветоши, хотя ни к чему и не притрагивалась. — Сопла надо менять, цэ раз. Для твоей модели сейчас в наличии отсутствуют. Цэ два. Со склада их подвезут к вечеру. Цэ три. Так шо, вылезай, красавец, и двигай дальше своим ходом.

— Как своим ходом? — глаза Олега превратились в чайные блюдца. — Мне на другой конец города надо. Я и так опаздываю!

— Э, — брюнетка нагло ущипнула Астрова за щеку, — зачем нервничаешь, на пневмовагон садись, да.

Отсюда сорок минут до конечной ехать. Мамой клянусь!

9:59 — пять часов одна минута до старта.

Сказать, что Олег влетел в здание Космоцентра — это ничего не сказать! Вид он имел весьма потрепанный, в переполненном пневмовагоне ему оттоптали все ноги и оборвали пуговицу на пиджаке. Как он ни молил бога, проскользнуть незамеченным ему не удалось.

— Астров! — Окрик Генерального звучал, как глас небесный. — Астров, отца твоего, ты, где шляешься? Ты на время смотрел?!

— Тамара Таривердиевна... — Олег сделал виноватое лицо и приготовился врать, но Генеральный был не намерен выслушивать его объяснения.

— Быстро давай переодеваться — у нас через час предстартовая пресс-конференция. И чтобы выглядел у меня красавчиком! Губки там подкрась, глазки подведи...

— Ага, сейчас! — возмутился Олег в широкую спину Генерального конструктора, но так тихо, чтобы Тамара Таривердиевна не услышала. — Я вам не Костян!..

11:40 — три часа двадцать минут до старта.

— ...наша задача получить подтверждение того, что спутник Юпитера Европа пригоден для колонизации и последующего заселения его землянами.

Пока Генеральный конструктор и капитан корабля отвечали на вопросы журналистов, Астров склонился к уху бортинженера и тихонько, чтобы не было слышно в микрофоны, прошептал:

— Я пока ехал в пневмовагоне, меня три раза за задницу ущипнули и облапали всего...

Бортинженер растянул подкрашенные губы в улыбке.

— Надо было «мужским» вагоном ехать, а ты в «женский», видать, вошел.

— Да знаю я все, Костян, но что было делать? Я и так опаздывал, подожди я следующий вагон, «мужской», как ты говоришь, так и на пресс-конференцию не успел бы.

Случись такое, Тамара меня не то чтобы за задницу ущипнула, она бы мне ее попросту оторвала!

— Тихо, балаболки! — Михалыч, капитан корабля, незаметно толкнул Олега под столом коленом. — Нас же телевиденье снимает!..

15:00 — старт!

Космический корабль тяжело оторвался от стартовой площадки, и с каждым мгновением набирая скорость, помчался прочь от Земли.

— Поехали! — словно молитву, прошептал Олег, чувствуя, как его тело наливается тяжестью и вминается силой притяжения в перегруженное кресло. — Поехали!

15:18 — восемнадцатая минута полета.

— ...полет проходит нормально. Следующий сеанс связи через двадцать четыре часа.

Едва связь с Центром управления полетами отключилась, Костян принялся с остервенением стирать с лица макияж. Михалыч убежал в кубрик и вернулся переодетый в старую застиранную тельняшку и треники с пузырящимися коленями.

— Еще дедовская, — с гордостью произнес он, разглаживая ткань на груди. — Мне от отца досталась!

Капитан корабля хитро подмигнул Олегу и заговорщическим голосом прошептал:

— Ну, что, не грех и отпраздновать удачное начало полета?..

16:03 — шестьдесят третья минута полета.

— Знаешь, Костян, — Олег разлил по стаканам контрабандой пронесенное на корабль пиво, — если этот спутник, как говорят, пригоден для жизни, то я вот возьму и останусь на нем! Буду жить в свое удовольствие.

Михалыч поднял стакан:

— За свободу!

Мужчины со звоном сдвинули посуду и отпили по глотку ячменной жидкости. Впереди были девяносто шесть суток безграничной свободы. Девяносто шесть суток без женщин.

ГАЛИНА Г.

Авт. ром. «Как мне больно»

ГАЛИЦИНСКАЯ О.

и др. «Материалы по вопросам организации продовольственного дела». Под общ. ред. А.Чаянова. Вып. 11. Организ. торгового дела в Моск. губ. М., 1916. 121 с.

ГАЛИЦКАЯ Е.

Печатала статьи в журн. «Свободный час» (1918. № 3, 6). ЛЖР.

ГАЛЛА Аста

(См. Ермолаева А.Д.)

ГАЛОЧКА

Печатала стихи в гимназическом журнале «Общими силами» (Екатеринбург, 1915). Голдин.

ГАЛУНОВА А.

Была в числе учредителей об-ва «Московские вечера» (1922) и участвовала в его деятельности. ЛЖР.

ГАЛЬ Анна, проэссеса.

Авт. кн. стихов «Клетчатое солнце». Берлин. 1932; рец.: Червинская Л. \\ Числа. 1933. № 7-8. С.272-273.

ЛЗР; Алексеев А.Д.

ГАЛЬБЕРШТАДТ Р.С. (псевд. Михайлова, Нат.).

Сотр. «Гол. соц.-дем», 1910, № 19-20.

Масанов.

ГАЛЬПЕРИН Ада (Агата) Артемьевна.

(См. Чумаченко А.А.)

ГАЛЬПЕРИНА Пелагея Захаровна (Захарьевна) (псевд. Фосса), член Моск. об-ва драматич. писателей.

Масанов; Венгеров, Источ.

ГАЛЬПЕРН-АНДРЕЕВА Саломея Николаевна (урожд. Андроникова; по первому мужу Андреева; 1888—1982).

Ей посв. стихотв. А.Ахматовой «Тень». Об их отношениях см. «Огонек», 1988. № 3. Ей посвящали стихи многие поэты в том числе О.Мандельштам. Диаспора. 3.

ГАЛЬПЕРСОН Анна Михайловна (1856 — 1902), газетный работник, переводчица.

Некролог: «Ист. вестн.», 1902. № 12.

Венгеров. Источ.

(Продолжение на стр. 65)

ГАМАЗОВА М.

Сотр. «Пантеона» (1840. № 3) — М.Г. Масанов.

ГАМАЛЕЯ Мария Николаевна, авт. воспоминаний.

Дочь микробиолога Н.Ф.Гамалеи. «Выдающийся микробиолог». — «Знание — сила», 1952. № 4. С.6-11 (портр.) ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 5675.

ГАМБУРГЕР Любовь Борисовна

(См. Хавкина, Л.Б.)

ГАН Елена Андреевна (урожд. Фадеева; псевд. Зенеида Р-ва; 1814 — 1842), беллетристка

Сестра писательниц В.П.Желиховской и Е.П.Блаватской. Рано увлеклась поэзией. В 16 лет вышла замуж за арт. капитана П.А.Гана и вместе с ним кочевала по Украине и России, изучала иностр. языки, пробовала сочинять и переводить. Весной 1836 г. жила в Петербурге, была знакома с Пушкиным, Лермонтовым, О.И.Сенковским, общение с которым определило лит. судьбу Г. Творчество Г. автобиографично. Ее героини, как правило, отражают душевный мир, а иногда и события жизни самой писательницы. Такова ее первая пов. «Идеал». Автобиографизм в ее произв. сочетается с литературностью, основанной на романтич. канонах и штампах: ее лит. имя Зенеида было заимств. из пов. Сенковского, а затем передано Г. главной героине пов. «Суд света». По мнению Белинского, центр. мотивом творчества Г. явл. «апология женщины и протест против мужчины». Ее творчество воспринималось как одна из первых в рус. литературе попыток борьбы за женское равноправие. Ее произв. охотно переводили на евр. языки. Печаталась гл. обр. в журнале Сенковского, а после расхожд. с ним — в «Отеч. Зап.» А.А.Краевского. О ней: Старчевский А.В. Роман одной забытой романистки. — «Ист. вестн.», 1886. № 8-9.

Русские писатели; КЛЭ; Масанов; Слов. рус. писательниц.

ГАНДЭ М.П.

(См. Рожицына М.П.)

ГАНДУРИНА Н., писательница для детей 1890-х гг.

Венгеров. Источ.

ГАНЖУЛЕВИЧ Т.

(См. Проскурнина Т. Я.)

Наталья СЕНТЯБОВА

* * *

Жаловалась Тьма седому Богу:
Застилает Свет мою дорогу,
Нет мне воли, нет мне славы, Боже!
Всюду Свет, и я хочу быть тоже.

И спросил у Света Бог устало:
Что же вам одной вселенной мало?
Тьма в твоих лучах изнемогает,
Ни покоя, ни любви не знает.

Удивился Свет. Пусть подойдет поближе!
Только где же Тьма?..
Ее не вижу.

* * *

Сюжет картины: юная Венера
Пленяет неземною красотой,
Лицо прикрыла маскою пантеры
И увлекает зверя за собой.

Крадется зверь за ней;
В нем мощь единорога,
И гибкость барса, и оленя стать.
Он морду прикрывает маской бога,
Чтобы избранницу не напугать.

Так день за днем инстинктов искушенья
Бросает нас на поиски любви.
В соединенье разных – смысл рожденья
И жизни к совершенству на пути

* * *

Что шумишь, мой лес смущенный,
Или стало грустно очень,
Что в ветвях твоих зеленых
Рыжая гнездится осень?

Но не я откликнусь стоном,
Мне все это мило, люблю,
Я нашла под тонким кленом
Листьев золотое чудо.

И над речкой, над певуньей,
Видно, тайну разгадала,
Желтоглазая колдунья
Солнцу косы заплетала.

И из глаз ее красивых
Янтарем струились слезы
На скучающие нивы,
На печальные березы.

Листья, как пасьянс гадальный
Чьих-то судеб отгоревших,
Прочь летят. Наряд венчальный
Уж готов из кружев снежных.

Я приду домой под вечер,
Расскажу тебе, любимый,
Про таинственную встречу
У пылающей осины.

И еще скажу, послушай:
Как печален мир и светел.
В легком вальсе осень кружит
Или жизнь маэстро-ветер.

Несбывшийся

Нам с тобою не быть никогда,
Опустится моя рука
На плечо твое не посмеет,
И лишь память жива пока,
Как весной подо льдом река,
Пробудилась и нет ей меры.

По волнам ее, как в бреду,
С бесконечной мукой плыву
И признаться себе не смею,
Что давно, как в аду, живу,
Что любовь твоя, на беду,
Так робка была и несмела.

А теперь, что судить теперь?
Не вернуть нам былых потерь
И ошибок своих не исправить,
Лишь во сне ты откроешь дверь,
Мой несбывшийся, милый Грей,
И цветы на столе оставишь.

Осень клонит ладони ниц,
Слезы падают с длинных ресниц,
Далеко от тебя и напрасно,
Среди сотни и тысяч лиц
Лишь твое надо мной царит
Независимо и прекрасно.

Наталья Александровна Сентябова-Сумакова родилась в г. Свердловске, после окончания школы поступила в УПИ на экономический факультет. Работает ведущим менеджером по сбыту, председатель Новоуральского Дамского клуба «Гармония», вице-президент Ассоциации творческих союзов г. Новоуральска «Созвучие». Замужем, имеет дочь.

* * *

Фегейраса горячий ветер
 Все окна распахнул души,
 Дали причудлив, ярк, светел,
 И снова удивить спешит.

Любой каприз, любая склонность
 С ним обретают остроту,
 И растворяет отрешенность
 Привычной жизни суету.

Здесь все непрочно, все условно,
 Чужих миров – земные сны,
 И я – не я. Я стала словно
 Ожившим призраком Галы.

В смятенье грез, в сплетенье стилей,
 В оттенках страсти и любви
 Километраж безумных милей
 Пытаюсь за нее пройти.

Почувствовать, как видит гений,
 Завесу тайны приподнять,
 Каких намеков, откровений
 В его любви не избежать?

Услышать пульс большой вселенной,
 Где бесконечности исток,
 Неуловимо и бесцельно
 На новый перейти виток.

Инстинктов, снов, галлюцинаций
 Лицо откроется вблизи,
 Сквозь лик страстей и провокаций
 Лицо безумного Дали.

Предназначение

Поэму написать, сонет, картину,
 Научный труд – достойная судьба.
 Родить и воспитать дочь или сына,
 Прославивших в столетях имена...

Важнее что, прекрасней и труднее?
 Быть просто женщиной, дающей право жить
 Ребенку – демону иль ангела светлее,
 Способного историю вершить?

О, женщина, тебе другие кисти
 Даны природой и другой резец:
 Рисуешь душу ты, характер, образ, мысли –
 Своих детей художник и творец.

В твоих руках рецепты исцеленья
 Безумной ненависти и вражды,
 Высокий жребий и предназначенье –
 Мир созидать в гармонии любви.

Рис. Анастасии Митрофановой

Стань бабочкой прекрасной...

Не дай себе сгореть в огне страданий,
 В них смысла нет. Спроси себя – зачем
 Твои ночные, горькие терзанья?
 О чем ты плачешь и болеешь кем?

Не любит он, не хочет – значит «Принц» не твой,
 Дай сердцу от него освобожденье.
 В пути к тебе твой истинный герой,
 Не разминись с ним, наберись терпенья.

Учись счастливой быть даже тогда,
 Когда от боли изнывает тело,
 Все преходяще... Вновь за тьмою Белый
 Свет явит неизбежная Заря.

Улыбкой ясной каждый день встречать
 Учись. Она способна уничтожить все преграды.
 Тому, кто жить спешит и верить, не роптать,
 Любовь и счастье – лучшая награда.

Поверь в себя и соверши поступок,
 Найди свое затерянное «Я»
 В мельканье сумасшедших, хмурых суток,
 Стань бабочкой прекрасной из червя!

На вогульской тропе

9

Артём рано утром, ещё до зари, встрепенулся во сне с ощущением страха, что опоздал на собственную свадьбу. Он открыл глаза, встал с лавки и в одном исподнем белье подошёл к занавеси, отделяющей горницу от кухни, и заглянул за неё. Мать, как обычно, поднялась раньше всех, растопила печь и суежилась в кухонном закутке, приготавливая пойло скотине и харч домашним.

— Ты на кой ляд так рано проснулся? У меня ещё ничего не готово.

— Мне спозаранку одно дельце сделать надо, за раз коня напою и поеду.

Он взял приготовленную в ушате болтанку для лошадей, на босу ногу надел коты и вышел на двор, в хлев. В деннике его радостным ржанием приветствовал Савраска, переминаясь с ноги на ногу, конь тянул морду к пойлу, прядая ушами. Артём потрепал его по холке, погладил гриву и шепнул на ухо: «Ты уж меня не подведи сегодня, будь молодцом!» Насыпал в кормушку овса и вернулся в дом. Одеваясь, он никак не мог найти штаны, натянув рубаху и шлёпая босыми ногами по горнице, обшарил все углы, заглянул под лавки и стол — злополучных штанов нигде не было. И тогда он в панике обратился к матери:

— Мама, мне венчаться пора, — и сообразив, что проболтался, тихо добавил: — а штанов нигде нет.

Мать от неожиданной новости выронила из рук деревянный черпак, присела на край табурета и, пока до конца не осознав смысла сказанных Артёмом слов, зашептала:

— Коль дело такое, так новые возьми, там, в сундуке, — а затем, очнувшись, тихо запричитала: — Ты чё удумал-то, сынок, без родительского благословения, што отец-то на это скажет?

Артём не стал слушать мать, открыл сундук, нашёл штаны, похватал верхнюю одежду и выскочил из дома, на ходу одеваясь. Потом, одумавшись, вернулся в дом и упал перед Евдокией на колени.

— Матушка, родимая, прости меня, но я люблю её, и без неё мне жизни нет, благослови меня, и я поеду с лёгким сердцем.

Евдокия, утирая передником слезы, натрое перекрестила его и поцеловала в лоб, давая своё благословение.

— Нешто я тебе вражина какая? Поезжай с Богом... пока отец не проснулся.

Когда Артём приехал на условленное место, Прасковья уже ждала его, держа в руках узел с вещами.

У ворот церковной ограды их уже поджидал Савка. Завидев возок Артёма, он оживился, выскочил из своих саней.

— Я уже давно вас поджидаю, и, решил было, что ты пошутковал, — сказал он, а увидев Прасковью, осёкся, замолк.

В храме молодой служка и старая сгорбленная бабка, орудуя суконными тряпками и толчённой в порошок известью, наводили блеск и меняли догоревшие свечи на паникадиле. Служка, обратив внимание на вошедших и догадавшись, кто пришёл, обстоятельно пояснил:

— Отец Амвросий предупредил о вашем приходе и наказал, чтоб ждали, пока он панихиду дослужит.

Прасковья, не теряя времени, сняла полушалок, развязала свой узел и из вороха белья достала кокошник, искусно вышитый бисером с нанизанными длинными висюльками по лбу. Глядя на своё отражение в бронзовом, натёртом до зеркального блеска потире, надела кокошник на голову, а поверх накинула кружевной белый покров. Артём, удивляясь находчивости и предусмотрительности своей невесты, восхищённо глядел на неё и шептал: «Золотая моя, ненаглядная, век буду любить».

Вдруг входные двери с грохотом распахнулись, и в церковь ворвался разъярённый Сафон, за ним Фома, а следом Евдокия с семейной иконой Богородицы в руках.

Валерий Дерябин родился в г. Верхотурье Свердловской области. По специальности — электрик. Учился в петербургском театре-студии при ДДТ, мечтал стать актером. Но литература взяла верх. Статьи и рассказы печатал в местных газетах. В крупном жанре выступает впервые. Повесть, которую мы печатаем, — только первая часть трилогии.

Окончание. Начало в № 6, 7.

— Я те покажу, шельмец, как без отцовского благословения под венец ходить! — отцовы глаза сверкали негодованием и не предвещали ничего хорошего. Евдокия, путаясь ногами в длинной юбке, еле-еле поспевая за ним, пыталась успокоить взбешённого мужа.

— Сафон! Побойся Бога, в храме нельзя скандалить, угомонись!

Отец уж, было, замахнулся на сына кулаком, но в самый последний момент Прасковья вышла и встала перед Артёмом. Не ожидавший от девушки такой прыти, отец резко остановился, будто налетел на невидимую стену, и в растерянности вытаращился на неё удивлёнными глазами. Прасковья спокойно откинула с лица кружевной покров и чистыми, как небо после дождя, голубыми глазами без страха посмотрела на будущего свёкра. Он сразу как-то сник, весь обмяк и зачем-то развёл руки в стороны, а вместо негодования и злости на лице появилась легкомысленная улыбка. Сафон сменил гнев на милость и восхищённо произнес:

— Вот это девка!.. Огонь!

Мать, стоявшая сзади отца, не растерялась и поднесла ему в руки икону. Прасковья первая опустилась перед иконой Богородицы на колени и, потянув стоявшего в столбняке Артёма за руку, заставила его сделать то же самое.

С навернувшимися на глаза слезами, слегка волнуясь, Сафон заговорил:

— Вот, дети мои, вам наше родительское благословение. Живите в мире и согласии, почитайте друг друга, уважайте родителей и нарожайте побольше детишек. — Артём и Прасковья перекрестились, поочередно приложились губами к образу и поднялись с колен, чтобы троекратно, по русскому обычаю, поцеловаться с родителями.

— Всё тайное рано или поздно становится явным.

Все обернулись на прозвучавший неожиданно голос — это отец Амвросий, вернувшийся с погребения, притворил распахнутые настежь врата храма и продолжил разглагольствовать:

— Нельзя новую семейную жизнь начинать с обмана, ибо за сказанной однажды ложью обязательно последует другая. А у вас, как я погляжу, с одной стороны всё обошлось. Значит можно приступать к обряду венчания. Сенька, сынок! — обратился он к служке. — Поди, принеси из алтаря венцы, да начнём, пожалуй.

Сенька принёс венцы, и Савка с Фомой встали позади жениха и невесты, держа сверкающие золотом венцы над их головами. Отец Амвросий, попробовав голос на зычность, крикнул в кулак и начал:

— Венчается раб Божий Артемий с рабой Божьей Прасковьей. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь...

Сразу после венчания служка забрался на звонницу и при выходе жениха и невесты из церкви ударил в колокола. Отец в приподнятом расположении духа шёл позади молодожёнов и, не переставая, в голос удивлялся:

— Ай да Артюха! Вот сынок удивил! Таку кралю отхватил, заглядеться можно. Не чета твоей стрельчихе-бабихе, — поддевал он Фому. Тот криво улыбался, пожимал плечами и шутливо оправдывался:

— Да куда уж нам со свинячьим рылом да в калашный ряд.

Сафон прытко оббежал молодых и, пока они проходили церковный двор, отвязал Савраску, лихо подкатил к жениху и невесте.

— Прошу садиться, бояре, ныне я вашим возницей буду. Эх, прокачу, да с ветерком! — он крутанул над головой вожжами, хлестнул ими коня и залихватски, по-разбойничьи свистнул. Управляя жеребцом, встав на полусогнутых ногах по-молодецки, громко, чтобы слышали все, прокричал:

— Домой приедем, свадьбу играть будем! Пир на весь околоток закатим. Пусть все знают, что у Сафона сын женится! А то, ишь, выдумали — тайное венчание!

Сделав по городу добрых два круга, свадебный поезд подъехал к дому жениха.

В открытых настежь воротах стояла мать с хлебом-солью на руках, Фома держал икону с рушником, а сёстры — туеса, наполненные семенами жита, ячменя и конопля. Перед встречающими была разостлана шуба. Артём и Прасковья рука об руку встали на шубу, сёстры осыпали молодых зерном, а Савка уговаривал жениха и невесту по очереди куснуть каравай, при этом шептал Артёму: «Больше кусай, жоркой будешь, ежели жорко отхватишь, значит — главный в семье».

Два дня в доме у Сафона шло гульбище. Соседи и дальние родственники, прознав о свадьбе, подходили пешими и подкатывали на лошадях, поздравляли молодых и дарили подарки, всем хотелось посмотреть на красавицу-невесту, а заодно и погулять всласть и вволю, так, чтоб ноги от пляски гудели и глотку ломило от песен. Выпили по ведру зелена вина, съели кабанчика и мелочи всякой из погреба, огурцов, грибов да капусты по ведру. Рыба на столе не переводилась, стерлядь паровая, хариус жареный, уха белужья...

...И какая же русская свадьба обходится без драки, и она случилась, на третий день поутру.

Молодожёны вот уже вторую ночь спали в бане, по причине нехватки места в избе. Изрядно подпившие и поднадоевшие гости никак не могли разойтись. Прасковья с Артёмом, уставшие от веселья, не хотели появляться на людях и лежали на разостланной на банном полке перине, наслаждаясь одиночеством и друг другом. В дверь бани громко постучали, и тут же раздался голос Савки:

— Артём, подымайсь, хватит прохлаждаться, вот вот лихо начнётся.

Артём вышел в предбанник, спросил запыхавшегося от бега взъерошенного Савку:

— Какое лихо? Ты чё несёшь?

— Зараз я был в съезжей избе, так там зыряне к целовальнику Гавриле Семёнову приехали с челобит-

ной на тебя, что ты-де не по закону у них девку под венец увёл.

– И чё дале? – спросил Артём.

– Так зыряне с целовальником к тебе на разборы собираются. Заберут у тебя Прасковью, и всё, пиши – пропала ваша любовь.

– Ну, это мы ещё посмотрим, у кого чё пропадёт. Не дам я за просто так судьбу свою и ейную ломать.

Гости, прознав о том, что родители невесты хотят её вернуть, давали Артёму разные советы:

– Ты, Артём, не пужайся, мы их зараз проучим, будут знать, как наших невест забирать.

– Что с воза упало, то пропало, очухались, мать их за ногу, когда венчалную уже отслужили.

Мужики, закатывая рукава, бахвалились друг перед другом, как они зырян будут бить.

Зыряне-челобитчики явились на двух санях и с ними – возок целовальника Гаврилы Семёнова.

Санний обоз остановился у Сафонова дома, где у ворот скучковались вокруг Артёма мужики, решительно настроенные не давать в обиду своего друга. Целовальник, побряхтывая, вылез из возка и направился к мужикам, за ним следом шли коренастый зырянин с рыжей бородой, отец Прасковьи, и здоровенный Николька, бывший её жених. Остальные зыряне, человек пять-шесть, остались сидеть в санях.

Гаврила, напуская на себя грозный вид, спросил, глядя на Артёма:

– Кто из вас Артюшка Сафонов? – Целовальник сразу узнал парня, который интересовался пищалью на дворе лабаза, но спросил для проформы.

Артём вышел вперёд из кольца окруживших его дружков.

– Ну, я буду Артемий, сын Сафонов, – задиристо ответил он. Сзади подошёл отец и встал рядом.

– Што ж ты, Артюха, рожно те в брюхо, традиций старых не считаешь? Али не учили тебя отец с матерью, что чужое брать нельзя?

– Это наговоры всё, я чужого не брал, сызмальства к воровству не приучен.

– А вот эти почтенные люди, – Гаврила указал рукой на стоявших сзади зырян, – утверждают, что ты у них девку увёл без согласия родителей и старейшин рода, – отец Прасковьи и бывший жених закивали головами, подтверждая слова целовальника. Артём не растерялся и уверенно ответил:

– Что родителей не спрашивал и сватов не засылал – тут я грешен, но эти почтенные люди ни в жисть не отдали бы мне её, а Прасковья пошла со мной под венец по своей охоте и доброй воле.

– Так вы венчаны? – удивился Гаврила.

– А то как же, вот и свадебку гуляем по такому случаю, – встрял в разговор Сафон.

Тут из-за мужиков вышла Евдокия, поднося в руках на вышитом рушнике хлеб-соль и жбан с вином. Встала рядом с мужем и, низко кланяясь, затянула певучим голосом:

Юрта вогулов

— Прошу гостей дорогих отведать наш хлеб-соль, а также испить за здоровье молодых чарку вина! Чтоб житушка их была долгой и счастливой.

Целовальник, не зная, как решить этот вопрос, смутился, но потянулся к чарке.

— Ну, ежели они в церкви, перед Богом венчаны, то я с Отцом нашим небесным не спорщик, пусть он теперь за них и отвечает. — Он взял жбан и под общее одобрение мужиков с Артёмовой стороны выпил вино, отломил от каравая щепотью хлеб и, шумно потянув воздух, занюхал краюшкой.

— Вот это по-нашему — справедливо решил.

— И чарку до дна выпил. Молодец, Гаврила Семёнов!

— А теперь гуляй! Веселись, честной народ!

Вдруг Николька снял с себя полушубок, шваркнул его о дорогу и зло прохрипел:

— Не буду я такого позора терпеть! Не хочу просто так от девки своей отказываться! — Он ткнул в Артёма пальцем и закричал: — Биться с тобой желаю! Кто победит, тот и станет ей мужем! — и пошёл на Артёма, отодвигая с дороги целовальника. Не дав никому опомниться, размахисто ударил крюком, шибанул так, что Артем отлетел на три сажени и зарылся головой в сугроб.

Савка и несколько мужиков двинулись на Никольку, почёсывая кулаки, но тут вмешался целовальник.

— Погодьте, православные, ежели есть желание подраться, то это без меня. Зыряне приехали ко мне с челобитной, и я не потерплю, чтоб у меня инородцев обижали. Пусть поединок будет честным, один на один.

Угроза Гаврилы Семёнова подействовала на дружок Артёма отрезвляюще.

— Да што ж это деемся-то, — заголосила Евдокия, — такенного здоровяка на Артюшку травите? Где ж ему с таким боровом справиться-то?

Сафон затолкал упирающуюся Евдокию во двор, за ворота, дабы не слышать ее причитаний, а сыну подал руку, помог подняться на ноги и тихо проговорил напутствие:

— Сынок, не посрами отца, бейся. Он хоть и здоровый, а духу в нем мало, ежели с хитринкой к делу подойти, то можно одолеть бугая.

Артём выбрался из снежной кучи, в голове гудело. Здоровяк-зырянин, надеясь на свою немереную силу, опять кинулся первым. Махая руками, как пудовыми гириями, он пролетел мимо увернувшегося Артёма, чуть-чуть не угодив целовальнику по физиономии. В последний момент Артём успел нагнуться от просвистевших над головой кулаков и ухитрился врезать сопернику под дых, одновременно отскочив в сторону. И пока Николька соображал, что случилось, Артём налетел на него и поочерёдно обеими руками нанёс несколько ударов по переносице. Кровь ручьём хлынула у Никольки из сломанной сопатки, заливая рот и окрашивая в багряный цвет светлую рубаху-косоворотку. Зырянин кинулся на Артёма, поймал его в охапку и сдавил объятиями, как железным обручем. Артём понял, что ещё мгновение, и

он задохнётся. От безвыходности положения, в котором оказался, и от охватившей его ярости он что есть мочи стал бить головой по лицу Никольки. Зырянин от удивления скосил глаза, а затем зрачки его поплыли куда-то под лоб, и он всей тяжестью своего тела упал, придавив собой Артёма, так и не расцепив объятий.

Не в силах свалить с себя бугая Никольку, Артём беспомощно елозил ногами по снегу, пытаясь выползти из-под бесчувственной туши. Первым подскочил на помощь Савка, а за ним и Сафон. Друг и отец кое-как расцепили руки-клевши зырянина и поставили Артёма на ноги.

Все, кто следил за схваткой, взревели от восторга, а Гаврила Семёнов, подойдя, ударил парня по плечу.

— Ты, оказывается, не только наглец, но и драчун отменный. Поздравляю. Теперь девка по чести и по закону твоя, а ежели что, так приходи ко мне, чем смогу — тем помогу. — Целовальник сел в свой возок и толкнул возницу в спину:

— Трогай, тут уж боле мне никаких дел нет, — сказал и уехал.

Отец Прасковьи, коробясь, перебарывая себя, подошёл к Артёму и попросил, коверкая русские слова:

— Раз уж так вышло, то будь мне зятем!.. Не обижай понапрасну свою жену и мою дочь. Она у меня хорошая.

— Я знаю, — соглашаясь, ответил Артём.

Новоиспечённый тесть помог подняться Никольке и, поддерживая его, усадил в розвальни на солому, сам сел на передок и, вымещая свою злость на коне, с отяжкой хлестанул кнутом его вдоль крупа.

10

Вслед за Крещенской неделей подоспела весёлая Масленица. С вечера накануне праздника Прасковья и Артёмовы сёстры готовились и рядились на завтрашнее гулянье. Лукерья оторочила свой кафтан белкой, Фрося подшила куний воротник, и обе ходили по горнице туда-сюда мимо друг друга, делали шуточные поклоны, здороваясь между собой, представляя, как они будут прохаживаться по гульбищу. Пришёл сосед Савка, якобы поговорить с Артёмом по важному делу, а сам, так и не начав разговора, сидел и исподтишка пялился на Лушку.

Прасковья в горнице творила тесто. Артём с Савкой, сидя подле на лавке, лениво переговаривались. Поинка вертелась на печи и уговаривала зайца поесть, она тыкала в его морду капустный лист и звонко смеялась. Евдокия, как всегда, гремела горшками в своём закутке. Фомы не было дома, все догадывались, где он, но делали вид, будто не замечают его отсутствия.

Приехал отец, ввалился в избу, заполняя собой и шумом тесную горницу. Он ездил в земскую избу по делам и привёз с собой незнакомого человека.

— Примай, мать, гостя, — крикнул Сафон с порога, — на постой к нам стрельца определили.

— Да кудыть нам ешо-то, и так друг у дружки на шее сидим. — Евдокия вышла и оглядела постояльца.

— А кудыть мне деваться-то, — передразнивая голос жены, сказал Сафон, — староста сказал взять, значит взять, супротив власти-то не попрёшь, — скидывая полушубок, оправдывался отец. — Вона, как оно выходит, опять войско за Камень отправляют.

— Здорово живёшь, бабонька? — для приличия поинтересовался гость.

— Слава Богу, не тужим, — неприветливо ответила Евдокия.

— Вы шибко-то не беспокойтесь, харч у меня свой имеется, ежели место где выделите, я там и выплюсь. Мы люди привыкшие, — спокойным ровным голосом сказал незнакомец.

— Знаем мы ваш харч, хоть вой, хоть плачь, — ворчливо высказалась мать и ушла обратно к печи.

Все, кто был в горнице, с интересом разглядывали гостя. Это был крепкий, коренастый мужик лет тридцати, с наголо выскобленной шишкастой головой, одутловатым лицом в оправе чёрной кучерявой бороды, выпученными глазами и проломленным носом. «Видок ещё тот, кистень в руки — и на большак, лихоимством заниматься», — глядя на незнакомца, подумал Артём. Примерно то же подумали и остальные.

— Ты проходи за стол, чё на пороге топчешься, — предложил гостю хозяин, — моя, хоть и ворчит, а так баба добрая.

Ратник снял кушак с пристёгнутым к нему широким казацким палашом-саблей, скинул казённый кафтан и прошёл за стол. Артём и Савка уважительно проехали задницами по лавке в сторону, уступая место бывалому человеку. Прасковья быстренько прибралась на столе с тестом, а мать с Лушкой из закутка притащили ведёрную корчагу с духмяной, наваристой ухой, поставили стопу блинов и заставили стол мелочью. Помолвившись, все дружно принялись вечерять, ели долго и молча, с пониманием, растягивая удовольствие, таская по очереди деревянными ложками уху из корчаги. Первый Сафон, за ним гость, а потом и все остальные по старшинству. Когда брякнула на стол последняя ложка, хозяин семьи, оглаживая бороду, уважительно обратился к гостю:

— Тебя как звать-величать, мил человек?

— Спасибо за хлеб-соль, хозяин, — поблагодарил гость, — а звать меня Платон Ломонос, с Москвы, на службе восьмой год, вот уже другой раз иду на Сибирь, — вяло и нехотя ответил стрелец. Видно было, что он устал и желал только одного — спать.

— Я вижу, ты старый бывалец, может, поведаешь нам о своих походах. Где был, что делал? Мне шибко интересно знать, что там за Камнем делается.

— Из меня рассказчик-то никудышный, но ежели желание есть, то слушайте. Отчего бы и языком не почесать маленько, — сделав нажим в голосе на слово «маленько», он давал хозяину понять, что не хочет долго рассусоливать, исполнит просьбу, расскажет как дань гостеприимству, а как там будет, вы уж не обесудьте.

— Шесть лет назад, — спокойно начал он, — три сотни стрельцов, среди коих был и я, определили

под начало князя Семёна Болховского. Выдали нам казённые пищали и из Москвы отправили в Сибирь, на выручку атаману Ермаку. От Соли Камской шли мы на стругах вверх по речке Чусовой, гиблое, скажу я вам, место, перекаты такие, аж дух захватывает, вода кипит, бурлит, будто черти её закручивают, — говорил стрелец не спеша, ровным спокойным голосом, будто бы отработывая повинность. — Ну а дальше ещё хлестче, волок, через перевал пройти надо, а там кручи высокие, ямы глубокие, идёшь по краю, и душа от страха трепещет. Раз, было, чуть не сорвался, да обошлось, товарищи поддержали. Перебрались мы кое-как, с Божьей помощью, на ту сторону Камня и поставили под медвежьим утёсом маленький Верхтагильский острожек. И уже от этого городка по реке Тагилу поплыли на стругах до Туры, а потом и до Тобола добрались. Ермак-то уже к тому времени сгинул, и ни одна душа не знает, где косточки его покоятся. Царствие ему небесное, — стрелец перекрестился, перекрестились и все остальные. — Ну так вот, несколько сражений у нас с Кучумом было, и били мы его войско, и убегало-то оно от нас, а самого хана изловить так и не удалось. Помытарились мы по той Сибири, похлебали горюшка, — стрелец, широко раскрыв рот, зевнул. — Князь наш помер, не к ночи будь помянут, — служилый опять перекрестился, — а потом от голода и холода, почитай, большая половина стрельцов пропала, светлая им память, — он опять перекрестился. — В общем, таких страстей натерпелись, врагу не пожелаю. А вертались-то мы уже другим концом. Сначала по Туре до Тобола, от Тобола в Тавду, да от Тавды на Лозьву, через Камень прошли, Вишерою-рекою до Печоры добрались, а тут уж и до Москвы рукой подать, — Стрелец грустно замолчал.

— Да, что-то невесел твой рассказ да короток, — заметил Сафон.

— Я же сказал, что рассказчик я никудышный, — невозмутимо оправдался стрелец. — Мы больше по военной части.

— А зараз зачем в Сибирь идёте? — не отступался Сафон, пытаясь разговорить бывальца.

— Кучум ныне на Тобольск напал, разорил окрестности и вогулов с остяками на свою сторону сманил. Ох, и хитрые они, эти вогулы да остяки, из-за каждого дерева из лука стрельнуть могут. В тайге так спрячутся, что мимо пройдёшь и не заметишь. Вот нас, бывалых, туда и посылают, так как мы уже знаем их обычаи. Как бы страшно ни было, да что ж поделаешь, я человек служилый, куда скажут, туда и пойду.

— А страшно в сече? — спросил Савка.

— Страшно всегда, но лучше об этом не думать, — ответил стрелец.

— Как это?

— Вот ежели ты когда дерёшься и вдруг задумаешься о своей жизни, что она у тебя одна, страх тебя скуёт, и ты перестанешь руками махать, вот тут-то тебя сразу и забьют, как кутёнка. Так? — спросил он у Савки.

— Ясно дело, так, — не сомневаясь, подтвердил тот.

— Так и в сече, один раз сабелькой не успеешь махнуть, глядишь, а твоя голова уже и покати́лась. Так что лучше думать, как врага первым уложить, а о жизни можно и на досуге покумекать, ежели живой останешься. А смерть сама по себе не страшна, страшно её ожидание.

— А как широко Камень тянется? — спросил у стрельца Артём.

— Где сто вёрст, а где и поменьше, по-разному. Я всего-то два раза Камень переходил. По тагильскому пути туда, и по лозвинскому обратно, и оба очень тяжёлые. А на кой ляд тебе за Камень идти?

— Хочу короткий путь в Сибирь найти.

— Ой, парень, не буди лихо, пока оно тихо. — Стрелец немного подумал и, будто спохватившись, продолжил: — Хотя, может, ты и прав, от Москвы до Перми Великой быстрее дойдёшь, чем от Перми до Сибири, хотя тут и ближе по верстам, ежели напрямки махнуть. Мне один служилый человек, который с лялинского юрта ясак брал, говорил, будто бы река Тура, по которой мы сплавлялись в Тобол, начинается с Камня, а стало быть, здесь, недалече, и ежели ты к верховьям Туры путь найдёшь, великое дело для Российского государства сделаешь.

Стрельца от сытной еды и тепла сморило, и он за столом начал клевать носом, роняя выскобленную голову на подставленные руки. Место ему определили на лавке Фомы, он как упал на неё, так сразу и уснул, разливая по горнице густой, переливчатый храп.

* * *

На масленичные гуляния Сафонова семья пошла всем скопом, с утра объявился Фома и, не желая попадаться на глаза, тёрся сзади. Отец, идя рядом, тихо сказал Артёму: «В бане холодной спал, видать, вдовушка его тоже не шибко жалует, в полночь я слышал, как ворота сбрыкали».

Сафон с утра был под хмельком, что было на него не похоже, говорил много и как-то по-свойски, как давнишние друзья, шептался с Платоном, подмигивал ему и хлопал по плечу, будь то за ночь они стали крепкими приятелями. Увязался за ними и Савка, он теперь не упускал случая, чтобышний раз побыть рядом с Лукерьей.

Изъявил желание идти с Сафоновыми и стрелец, его красный кафтан, позвякивающий на поясе палаш и бравая военная выправка придавали большой вес семейству, отчего Сафон был горд и полон достоинства. «Когда семья не бедно одетая, сытая и всем довольная — это ли не счастье», — думал он. Они дружно шли по улице на площадь, Сафон здоровался с соседями и знакомыми, и весь вид его показывал: «Вот так, знайте наших, и мы не лаптем деланы».

На гульбище толпа разношерстного народа приняла Сафоново семейство и растворила его в себе. Отец с матерью и маленькой Полинкой пошли по торговым рядам, стрелец, завидев своих сослуживцев, ушёл с ними в казённый каба́к, Фома тихо отклеился, будто его и не было, а Артём с Прасковьей, сёстрами и Сав-

кой направились на место, где устраивались шутихи и игрища. В центре игрищ стояли большие качели на три лады. Девичий визг и смех летели во все стороны, а стоила эта радость всего полушку. За порядком на качелях приглядывал смотрящий, он собирал деньги и определял, сколько кому качаться. Лушка сразу потянула Савку в очередь.

— Савушка, пойдём, покачаешь меня, — попросила она ласково, с напевом.

— А не забоишься? Я желаю, чтоб шибко вверх заносило.

— Страсть люблю, когда жутко, — ответила Лушка.

Девки на качелях верещали от страха, от свистящего в ушах ветра и захватывающего дух падения сердце заходило стучком, а кровь играла в жилах. Парни, сами боясь, не подавали вида, приседали, выжимая вверх девичью сторону, а когда сами оказывались вверху, били с подскоком по доске, ещё сильнее раскачивая ладью, чтоб показать свою смелость и удаль перед избранницами.

— Может, тоже покачаемся? — предложил Артём жене.

— Ты что, Артёмушка? Я уже не девушка.

— Ну и что из того, какая разница?

Вместо ответа она выразительно посмотрела на него, и, догадавшись, он удивлённо спросил:

— Что, уже?

— Не знаю, но всё может быть. Бережёного Бог бережёт, — сказала она и потянула его к другим развлечениям.

Артём и Прасковья прошли по площади, любопытствуя, что происходит вокруг. Из наскоро сбитых дощатых лавчонок через прилавки перегибались торговцы, зазывая к себе народ. Лотошники кричали: полденьги пара, с пылу с жару — совали прохожим пироги, хватили за полы, удерживая и уговаривая купить товар. Юродивые тянули руки за милостыней, заголяя свои лохмотья, показывая гнойные раны и страшные увечья. Бродячие собаки путались под ногами, принохиваясь к прохожим.

Прасковья, услышав призывный голос зазывалы, потянула Артёма в его сторону. Лукавого вида парень, не то татарин, не то коми-пермяк, ряженный сибирским лучником, кричал звенящим, пронзительным голосом:

— Кому пятиалтынный за копейку, кому пятиалтынный за копейку? Отдам — не продам, копейку ставишь, метко стреляешь, пятнадцать берёшь.

Прасковья подошла к зазывале, спросила:

— Что нужно сделать, чтобы пятиалтынный был наш?

— Всего-то навсего сбить стрелой три щепки подряд с десяти шагов.

Артём всегда плохо стрелял из лука, и эта задача ему была не по плечу, но Прасковья сама взяла лук, ногтем тронула натянутую жилу, попробовала снасть на упругость, приладила первую стрелу и по очереди с трех раз сбита все щепки. Сунула лук в руки ряженого парня и подставила ладошку лодочкой для расплаты.

Зазывала, сильно удивлённый, смотрел то на девушку, то на сопровождавшего ее парня и ничего не мог понять. Поставивший его сюда проходимец уверял, что никто этого не сможет сделать, а тут?

Прасковья ждала, парень молчал. Артем грозно стал напирать на зазывалу.

— Так, это, у меня пока только восемь, — растерянно сказал парень.

Он нехотя высыпал деньги в ладонь Прасковье, и больше не слышно было его голоса.

— Где ты так наловчилась? — спросил у жены Артём, когда они отошли.

— Тятя надолго в тайгу уходил, а я училась управляться с луком.

Подбежали раскрасневшиеся и растрепанные, но довольные сестрёнки и Савка.

— Пойдем покрасуемся, — предложила Лукерья, приплясывая.

— Как это? — спросила Прасковья.

— Пошли, там увидишь, — и обе сестры потянули её на «Смотрины».

В центре толпящихся парней и девушек лежала борона вниз зубьями. Девушки по очереди заскакивали на неё и красовались, показывая себя. Борона решетчатая, со сквозными ячейками, на ней нужно поворачиваться осторожно, чтобы не провалиться в ячею. Когда девица на бороне ловко вертится, парни могут лучше её разглядеть, приметить её сноровистость и выбрать себе понравившуюся, узнать имя, а потом засылать сватов.

Первая на борону заскочила Лушка и, приплясывая, ловко переступая по ячейкам, вертелась во все стороны, показывая себя. Со стороны парней слышались одобрительные выкрики:

— Хороша!

— Как звать-то тебя, красавица?

— Лукерья я, Сафонова, — смеясь, ответила Лушка.

— Ну, теперь жди сватов.

Артём посмотрел на друга, тот стоял весь красный, а на скулах играли желваки.

— Не переживай, дружка, это же всё баловство девичье.

Не успел Артём опомниться, как Савка с Лушкой подхватили его жену и поставили на борону. Прасковья сначала хотела соскочить, а потом задорно вскинула голову. Волосы её выбились из-под платка, щеки раздурянились. Мужики ахнули и давай кричать наперебой.

— Кто такая? Почему не знаем?

— Куда сватов засылать, краса-девица?

Артём опомнился, подбежал к жене, поднял её на руки и крикнул толпе, довольно улыбаясь:

— Всё, мужики, опоздали, моя она навеки, — и унес её из круга, с мужичьих глаз долой.

— Вот, шустряк, девке и опомниться не дал, прямо с бороны под венец!

Артём поставил Прасковью на ноги и, обняв в кучу сестёр и Савку, задорно спросил:

— Ну что, заговорщики, теперь куда?

— Скоро на кулачки созывать будут, я бы потешился, размял косточки, — тихо прошептал на ухо Артёму Савка. Тот с загоревшимся взором мотнул головой в знак согласия.

— А я блинов хочу, с мёдом, — изъявила желание Луша.

— С горы нам с тобой, Артёмушка, надо съехать, — предложила Прасковья. — У нас, у зырян, поверье есть: ежели молодые с катушки после свадьбы вместе быстро скатятся, то так они смогут ускользнуть от бед, какие за ними гонятся.

— Тогда пошли на катушку, — согласился Артём.

После ледяной горы компания направилась к балагану с куклами. Пока они смеялись над тем, как две тряпичные куклы с деревянными головами, обидно обзывая друг друга, бутузились между собой, отводя по очереди подзатыльники, Савка, слышав призывный свист с пустыря, потянул Артёма за рукав, и они тихо отошли от девушек и юркнули в толпу.

На пустыре, прилегающем к рыночной площади, где летом растёт сплошным ковром репей и бурьян, пасутся козы да коровы, нынче собрались парни и молодые мужики, в коих ещё не утих азарт острых ощущений, желание подраться на кулачках и показать свою удаль.

Артём с Савкой, скинув с себя в общую кучу верхнюю одежду, примкнули к ребятам из своего околотка. По команде старшего, выбранного общим голосованием из уважаемых людей, две дружины сошлись стенка на стенку, и потасовка началась.

Поначалу вяло, без охоты, мужики как бы шутливо поколачивали друг друга по плечам да в грудь, но с каждым мгновением ярость дерущихся нарастала, и начинали сыпаться совсем не шуточные тумачи. И, достигнув какого-то всеобщего неистовства, бились уже по-серьёзному, в кровь, так что утопанный снег пустыря стал кое-где окрашиваться багряными заплатками.

Одним из первых вывалился из гущи Савка, ему изрядно досталось, и он, пошатываясь, в изодранной в ленты рубахе, с окровавленной сопаткой сел в сугроб и, покачиваясь взад и вперёд, приложил пригоршню снега себе на лицо.

Прасковья первая всполошилась, стала озиаться по сторонам, выглядывая мужа в округе, и, не найдя его глазами, спросила у Луши:

— Лукерья. Ты не видала Артёма?

— Они, кажись, на потасовку подались.

Забеспокоившаяся Прасковья потянула сестёр на пустырь.

Артём из последних сил старался держаться на ногах и уже не бил кулаками, а просто отмахивался, пытаясь прикрыть руками голову от прямых ударов. Гурьба дерущихся заметно поредела, из доброй полсотни человек, какие начинали драку, на пустыре осталось с десяток мужиков, не считая упавших и продолжающих лежать на снегу без памяти. Драчуны от усталости и потери сил, не разбирая, где свой, где чужой, как пьяные, шатались, толкались между собой,

тыкая руками без разбору, куда придется, в ожидании команды прекратить побоище.

Потом появилась Прасковья, и к Артёму будто вернулся старый сон: она снова была в золотом и с бубном.

Артём очнулся, с трудом приоткрыл тяжёлые опухшие веки, сознание вернулось к нему. Прасковья с Савкой помогли одеться, он сам умылся снегом, после чего окончательно пришёл в себя.

Ближе к вечеру Артём с Савкой запрягли Саврасого для весёлых катаний, и Савка, улучив момент, без свидетелей спросил Артёма:

— Ты, может, подумал, что я с драки убёг? Так меня вон как шарахнули по башке, я даже в день-деньской начал звёздочки считать.

— Нет, Савка, мы же рядом были, и я видел тот удар, какой тебе достался, а как юшка носом пошла, ты сразу и свалил. Так, нет? — жёстко спросил Артём друга.

Тот, виновато потупившись, ответил:

— Так, но...

Артём, не дослушав объяснение Савки, перебил его:

— Ежели бы мы с тобой стояли до конца спина к спине, поддерживая друг друга, то мне бы меньше досталось, и твоего позора бы не было. Я нынешним летом за Камень хочу пойти. Пойдёшь со мной? — спросил Артём друга, глядя прямо ему в глаза.

— Да я уж было и сам хотел тебя об этом просить... Ей-ей пойду, — Савка побожился, перекрестясь, и заговорил с азартом:

— Ты знаешь, я круч совсем не боюсь, когда на седмицу на нашу колокольню залажу, мне даже нравится, — Савка хотел продолжить свои бахвальства, но Артём его перебил:

— Вот там и посмотрим, какие кручи нам по плечу.

Пока ребята разговаривали, девушки украсили кошёвку разноцветными лентами и унизили упряжь бубенцами. А потом молодёжь до полуночи каталась на лошадях, пели песни и веселились.

11

Прошли, пролетели зимние праздники: Рождество, Крещение и разгульная весёлая Масленица. Артём и Прасковья целый месяц прожили в родительском доме. Семья первую невестку приняла хорошо. Её умение вести всю работу по хозяйству подкупило новых сородичей, и они, каждый по-своему, привязались к Прасковье. Мать берегла невестку, надеясь на скорых внуков, и относилась к ней, как к сироте. Жалеючи молодуху, она не раз говаривала:

— Надобно тебе, Праскева, повидаться с родителями-то да в ноги упасть, повиниться им, может, и простят. Не гоже так, не по-христиански это. Да и нам с отцом со своими сватами познакомиться бы надо. Вон, у соседа Прохора сват — остяк некрещёный, а и тот ныне на Масленицу приезжал, оленины да рыбы привёз, а Прохор муки ржаной пять пудов в обрат им отвесил. Лад да уважение должны быть между роднёй.

Сафону просто нравилась невестка, и он иногда заглядывался на неё, смотрел, любясь, на то, как она сноровисто управлялась со скотиной или как подавала на стол, и не было в его взгляде ничего похабного, а только восторг и любовь.

— Вот это баба! — хвастался он соседям. — Золотая, что по облику, что по хватке до работы.

Со временем эта молва укоренилась, и если речь заходила о ком-нибудь из Сафоновой семьи, то обязательно добавляли или уточняли: «А, это те, у которых золотая баба живёт». Так и прилипла кличка-приставка к их именам — Бабины.

Сёстры Лукерья и Фрося подружились с золовкой, иногда подсмеивались и безобидно подтрунивали над её неумением выговаривать правильно русские слова, но это ничуть не мешало их приветливости и дружбе. Больше всех к Прасковье привязалась маленькая Полинка, она ни на шаг не отходила от жены старшего брата и везде топотила за ней.

По вечерам, когда рано становилось темно, а спать ещё не хотелось, девки залезали кто на печь, кто на полати и, устроившись тесным рядком, просили Прасковью что-нибудь поведать про сказочное житьё-бытьё. Все старые русские байки и небылицы они с детства знали наизусть, а былицы коми-зырян для них были новы. Когда Прасковья рассказывала о старичке Пеле, добром лесном духе, или о сарчике, весенней маленькой птичке, с которой с полудня прилетает тепло, то все притихали и слушали с интересом, раскрыв рты.

Фома дома почти не бывал, приходил к вечеру, молча ел и ложился спать. С утра у него обязательно находился предлог или причина, по которым нужно было куда-то ехать или идти.

Однажды после вечерней трапезы отец с серьёзным видом обратился к сыновьям:

— Вот что, сынки, я так гляжу, что промеж вас ладу не будет? Да-а-а, верно говорят: «Мужик предполагает, а Бог располагает». Все мои задумки насчёт Усолки в тартарары полетели. Как быть-то теперь, даже и не знаю?

— А чё тут знать, Фома никогда не хотел туда перебраться, так что мы с Прасковьей вдвоём на Усолку поедем, начнем потихоньку ставить дом, — горячо заговорил Артём. — А когда наше житьё наладится, вы к нам переедете. Прируб к дому пристроим, места всем хватит.

— Ладно, на том и порешили, так тому и быть, — согласился отец и закрыл на этом мучавший его вопрос.

В первый день строгого поста молодожёны, загрузив на сани-розвальни маломальский скарб, собрались выезжать в безымянный новый починок на маленькой речке Усолка. Отец отдал им старую лошадь Мурашку, торжественно пригласил молодых, как отделившуюся семью, в гости на Пасхальные праздники и пообещал, что как только весной отсееется, так сразу приедет к ним помогать ставить дом.

Провожать вышли все домашние. Евдокия крестила сына и невестку в дорогу, тихо плакала, утирая

слезы передником, и шептала молитву. Ревела и маленькая Полинка, держалась за юбку Прасковьи и не хотела отпускать. Отец напутствовал Артёма, как правильно надо вести хозяйство, сетовал на то, что отправляет детей одних без присмотра и долго не сможет их навестить.

Дорога на Усолку далась трудно. По большаку до своротки на Усолку доехали быстро, а далее путь шёл по лесу и был сильно переветён. Не доехав до землянки десяти вёрст, Артём и Прасковья скоротали ночь у костра, а с рассветом тронулись дальше. С Божьей помощью и тяжкими усилиями к полудню они всё-таки добрались до выруб, где стояла землянка. Подъезжая ближе, Артём ещё издали заметил над зимовьем столб дыма, поднимающийся из трубы жилища.

— Прасковья, глянь! Кто-то у нас хозяйничает!

— И впрямь дым идёт столбом. Может, кто из своих?

— Свои все здесь, ты да я, а остальные дома — в Чердыни. — Артём подхлестнул Мурашку. — Сейчас посмотрим, что за хозяин у нас объявился.

Когда до зимовья оставалось примерно сто сажень, дверь с грохотом распахнулась, и из землянки выскочил невысокий человек с чумазым лицом. Он из-под руки посмотрел на подъезжающих и, на ходу надевая через голову вогульскую парку, опрометью кинулся в противоположную сторону.

Артёму показалось, что совсем недавно он уже видел такую же парку и уморительно смешной бег на кривых ногах вразвалочку.

— Так это тот мужик, который крендель свистнул у лотошника! — воскликнул он, вспомнив вогулича с церковного двора и убегающего вора на базаре. — Смотри, какой пряткий! Уже до леса доковылял.

Подъехав к становищу, Артём кинул поводья на сани и поспешил в землянку.

— Мать моя родная! — досадно удивился он. — Што тут было-то?

Зрелище, увиденное ими в землянке, повергло их в полное изумление. В потрескавшийся свод печи вырывалось пламя огня, отчего дым сизым туманом плавал по помещению землянки и оседал черными хлопьями сажи на стенах и утвари. По полу ворохами катались пух и перья ощипанной птицы. На столе громоздилась куча обглоданных костей, грязной посуды и неубранных после разделки дичи потрохов.

— Как так можно? — не переставая удивляться увиденному, ошарашено проговорил Артём. — Это же надо, до такого состояния загадить всё!

Вечером, наведя в избушке порядок, Артём и Прасковья повечеряли и легли спать, но на новом месте да ещё в первую ночь самостоятельной жизни, несмотря на то, что они оба сильно устали, спать не хотелось. Вдоволь налюбившись друг другом, они проговорили всю ночь, мечтая и загадывая планы на будущее. Им казалось им: как они сейчас придумают свою жизнь, так оно всё и сложится. Сколько у них будет детей? Как надо построить дом? И как долго и счастливо они будут жить? И никогда ничего плохого в их придуманной судьбе не случится.

На следующий день после приезда у новой семьи начались обычные крестьянские будни. Артём шкурил лес, подготавливая его к строительству, Прасковья иногда помогала ему ворочать тяжёлые брёвна и хлопотала по хозяйству. Чтобы иметь в семейной казне живую, наличную копейку, решено было заняться промыслом. Артём и Прасковья вместе, дабы обоим знать места закладки капканов и ловушек, обошли окрестный лес и поставили ловчие снасти на пушного зверя, а заодно и петли на рябчиков и тетеревов, для пропитания. Прасковья, приученная с малолетства к охотничьему делу, каждый день брала лук и на лыжах обходила расставленные ловушки. Охотничье счастье не изменяло ей, и она всегда возвращалась с добычей. Но с середины марта она всё чаще стала приходить с обхода капканов пустая и жаловалась Артёму что кто-то разоряет ловушки, опережая её. Вор ходит по проторенной Прасковьей лыжне и пользуется разными хитростями, снимает пойманного зверя аккуратно, чтобы скрыть кражу, и замечает следы снежной порошей. Артём решил во что бы то ни стало поймать пакостника. Таёжные законы суровы и безжалостны, об этом знают все, и когда человек совершает такой поступок, он должен понимать, что расплата может быть жестокой.

Ночью Артём приготовился к предстоящему поединку. Взял нож, крепкую верёвку и по темну, загодя до того момента, когда Прасковья обычно выходила на обход своих угодий, встал на лыжи и отправился искать удобное место, где можно будет легко поймать и повязать вора. Обходя свои капканы, он нашёл сработавшую ловушку с попавшейся в неё куницей. Чтобы не испугать вора, Артём прошёл далеко вперёд, в удобном месте сошёл со следа и сделал большой крюк на лыжах вокруг того места, где стояла сработавшая ловушка.

Осторожно подобравшись с побочной стороны к пойманному зверю, он спрятался за стволом большого дерева и стал терпеливо ждать появления лиходея. Каково же было его удивление, когда на лыжне он увидел знакомого, кривоногого вогулича-бегунка. «Ну, тут-то ты у меня не убежишь», — подумал Артём. Вогул заметил пойманного зверя и, довольный, цокая языком, принялся аккуратно вытаскивать куницу. Он и не понял, как перед глазами что-то мелькнуло и сзади у него оказался человек и приставил к горлу нож. Вор на мгновение растерялся, но, быстро сообразив, кто его поймал, плаксиво заканючил:

— Русская, охотника, не убивай, жрать хотел, голодный был...

— Жить хочешь? — кое-как выговорил Артём утрашающий вопрос, давясь хохотом и задыхаясь от смрада, идущего от вогулича.

— Яшка очень хочет жить, Яшка любит жить!

Артём на всякий случай связал ему руки и легко, как ребёнка, поставил на лыжи.

Вдоволь насмеявшись и немного успокоившись, Артём извлёк из ловушки куницу, засунул её в ятаган и, повел вогула к себе на становище.

Посадив его со связанными за спиной руками на чурбак у входа в землянку, Артём зашёл внутрь.

— Принимай, жена, злодея! Изловил я его. Тока вот не знаю, что с ним делать, поди глянь, может, ты чё решишь?

— Что, сильно страшен?

— Страшнее и не видывал, — смеясь, ответил муж.

Яшка сидел на чурбаке с отрешённым видом, готовый на все испытания, приготовленные ему судьбой.

Увидав женщину, вогул снова начал канючить: «Хозяйка, отпусти! Яшка хороший. Яшка муху не обидит». Его жалкий вид не возбуждал злости. Прасковья попросила Артёма развязать его и зашла в землянку. Распутывая узел, он спросил Яшку:

— Не убежишь?.. А то догоню, хуже будет.

Из землянки снова вышла Прасковья, неся в руках миску с похлёбкой, хлеб и ложку. Подала вогулу. Тот взял миску, хлеб засунул за пазуху, а от ложки отказался и стал пить варево через край, громко хлюпая и давясь, проливая жирные капли на грудь. Выпив жижу, Яшка запрокинул голову, вытряс остатки гущи себе в рот, отдал пустую миску хозяйке, вытер рот рукавом и сел смиренно в ожидании, что будет дальше.

Прасковья, махнув рукой на вогула, вернулась в землянку, на ходу тихо сказала мужу:

— Бог с ним, отпусти его.

— Нет, теперь, кажись, у меня к нему интерес появился. — И задал вопрос вогулу:

— Ты из какого рода будешь?

— Из лялинского.

— А где это?

— Там, за Камнем, — махнул в сторону восхода Яшка.

— Почему один?

— Меня князька из юрта выгнал.

— За што?

— Я брата убил.

— Вот те на, как это?

— Мамкиной клюкой, — Яшка показал, как он махнул клюкой.

— Пошто убил-то?

— Выпить шибко хотел. А он соболя не давал. Я брата убил, шкуру взял, на вино менял. Пьяным был, плохо помнил.

— Ну, а дальше?

— Я русский стал, — Яшка полез за шиворот, вынул оловянный крестик. — Видишь? Я совсем русский, поп крестил, грешки снимал, теперь я брата не убивал, князь не верит, в юрт не пускает.

— Ничего себе грешки! — изумился Артём. — Тропу за Камень знаешь?

— Знаю. Чё не знать-то.

— Покажешь?

— За брата прогнали, а путь покажу — убьют. Тебя убьют, меня убьют, всех убьют. — Яшка отчего-то развеселился и толковал про убийство, посмеиваясь.

Понимая, что под страхом смерти вогул не выдаст тайну своего рода, Артём решил отложить разговор до лучших времён и спросил:

— Ты ныне-то где живёшь?

— Чум поставил, елка, берёза крыл, дувал горит, хорошо, однако холодно, но Яшка привык.

— Шалаш лубяной, значит, соорудил, из бересты и елового лапника, — догадался Артём.

— Вот-вот, шалаш, шалаш, — подтвердил Яшка, кивая головой.

— Хочешь, как мы, в землянке жить? Каждый день хлеб есть?

— Твой дом — большой дом, мне хорошо. Баба твоя хорошо, хлеб делает хорошо, наша баба не могут делать, оленя могут, рыбу могут, а хлеб не могут.

— Ладно, так и быть, я тебе помогу. Только услуга за услугу, — предложил Артём.

— Нет, нет, — испуганно замахал руками вогул, — за Камень нельзя, — он страшно выпучил глаза и резанул себя ладонью по горлу. — Убьют!

— Да мне туда и не надо вовсе, я просто так спросил, — схитрил Артём. — Я хочу, чтоб ты помогал мне лес шкурить, брёвна катать, в общем, дом строить. А ежели согласишься, то за это я буду тебя кормить, и хлеб каждый день давать. Договорились?

— Яшка всегда согласен, хлеб есть, дома жить, тебе помогать, — вогул от радости, что не поколотили,

сразу согласился, прыгнул с чурбака, всем своим видом показывая, что он готов работать.

— Ладно, пойдём, я тебе землянку покажу. Она здесь недалече, — Артём взял топор и повёл Яшку в старую, заброшенную землянку зырян, в которой раньше жила Прасковья.

Новое жилище вогулу понравилось, он хозяйски сразу стал определять, что надо подремонтировать, что заменить, а что выбросить за ненадобностью. Они вместе навесили оборванную дверь, заменили сгнившие жерди на нарах, и Артём стал думать, как восстановить развалившийся очаг. Но Яшка не захотел ставить печь и объяснил это так:

— Печка не надо, чувал надо, огонь горит, дым в дырку идет, хорошо, — он разбил обухом топора остатки очага, выложил из кусков обожженной глины на земляном полу круг, затем выбежал из землянки, залез на крышу и топором прорубил в центре кровельного ската дыру. Просунув в неё свою голову, вогул радостно сообщил стоявшему внизу в землянке Артёму:

— Теперь совсем хорошо, как в чуме.

— Ты смотри-ка, на что-то ещё способен, — сказал Артём. — Вот и чудно, тогда ты тут осваивайся, налаживай житье, а я домой пойду, своих дел невпроворот.

12

Утром другого дня Артём проснулся спозаранку, вышел из землянки по малой нужде и вздрогнул от неожиданности. В утренних сумерках на чурбаке у входа сидел Яшка, беззаботно болтал короткими кривыми ножками и широко улыбался.

— Ты чё в такую рань припёрся?

— Яшка мало спит, Яшка долг принёс.

— Какой долг?

Вогул прыгнул с чурбака, вытянул из-за чурки, на которой сидел, большую драную рогожину и вывалил из неё под ноги Артёма кучу не выделанных мороженых шкур разных зверей.

— Вот!.. — гордо начал свою речь вогул. — Он твой зверь брал, Яшка тебе вернул. Яшка твой друг.

— А кто брал-то? — засмеявшись, спросил Артём.

— Вогул Абашка брал, я нашёл, — Яшка неопределённо махнул рукой в сторону, назвав своё прежнее имя.

— Ладно, я всё равно такого не знаю и искать концов не буду. Ты мне вот что лучше скажи: ты шкуры выделывать можешь? — спросил Артём. — А то у меня скорняцкое ремесло плохо выходит. Научиться бы надо.

— Яшка всё может, тока шкуры не может, — вогул отрицательно помотал головой.

— Почему это? — удивился Артём. — Рухлядь, однако, на базар готовую тащите.

— У нас шкуры делать баба должна. Охотник добыл, баба сделал.

— Во как? А ты перебори себя и сделай, у тебя же бабы нет?

— Нет, — грустно согласился вогул.

— То-то! — нравоучительно заметил Артём. — Мы на Пасху с Прасковьей в город поедем, надобно с родными повидаться. И ежели у тебя желание есть, то можно новую одежонку тебе сладить. А то ходишь весь драный, как собаками рваный, срамотой сверкаешь.

Вогул задумался, глядя на восход солнца, туда, в сторону Урал-Камня, где жил его род, попинал разбитым валенком снег и, наконец, согласно махнул рукой и цокнул языком:

— Обратная дорога у меня до дома нет, буду жить, как мужик русская, — решительно объявил он. И, смущаясь, виновато добавил: — Хлеба дашь?

Артём зашёл в землянку и, вернувшись, подал Яшке целый каравай ржаного вчерашнего хлеба. Вогул от запаха чуть не захлебнулся слюной, схватил каравай, поспешно засунул его за пазуху и быстро, как вор за работой, затолкал шкуры в рогожу, закинул мешок за плечи и побежал, смешно кривя ногами, к себе на зимовье.

Через несколько дней вогул торжественно объявил, что с завтрашнего дня он начинает заниматься шкурами и приглашает «хозяина» к себе учиться скорняжить. Заинтересованный наловчиться прибыльному ремеслу Артём, как и договорились, пришёл с рассветом. Когда открыл в землянку дверь, сразу в нос емушибанул резкий запах человеческого дерьма, угара и какой-то кислоты. От запаха и дыма у него потекли слёзы, к горлу подступила тошнота. Внутри землянки жарко пылал чувал, дыра в крыше не справлялась с вытяжкой дыма, и он плавал по жилищу сизым туманом. Сам Яшка в одной драной грязной рубахе и таких же подштанниках сидел на полу и мял шкуру вперемешку с болотным мхом. Увидав Артёма, вогул помахал рукой, приглашая гостя зайти.

Немного привыкнув к запаху и дыму, Артём стал осматриваться и наблюдать за всем, что делал вогул. В глиняном полу землянки была вырыта яма на четыре ведра. Яшка её утрамбовал, обжёл костром, чтобы жидкость не просачивалась в землю и не обваливались стенки. А потом в этом глиняном корыте разложил шкуры и ходил в это место по нужде всё то время, пока они квасились. Когда, по мнению Яшки, шкуры дошли до нужного состояния, он вытаскивал их по одной, выбегал из землянки, полоскал заготовку в снегу, а потом долго мял вперемешку с сухим мхом до лёгкого влажного состояния. Затем, разложив шкуру на ровном месте, ножом срезал остатки мездры и мяса, потом опять долго мял, снова скоблил и снова мял. И эти действия повторялись, чередуясь, до полного высыхания и готовности шкуры.

Артём шёл до своего становища и всё думал о том, какие народы бывают разные. Много сотен лет вогулы выделывали шкуры именно так, и для них это нормально. А к хлебу у них отношение совсем другое. У северных народов, вогулов и остяков, никогда не было своего хлеба. Они не умеют его сеять, не умеют жать и не умеют печь. Выменивают на муку

шкур зверя, которого сами бьют и сами выделывают. Для них рухлядь стоит меньше, чем мука.

В первых числах березня-апреля весна полностью завладела тайгой. Снег на глазах начал спадать, лес наполнился весенними звуками прилетающих с полудня птиц, а небо стало пронзительно голубым.

Артём, беспокоясь, что снег сойдёт быстро и надо успеть до полной потайки и половодья выехать в Чердынь, засобиравшись в дорогу.

К строительству дома всё уже было готово, отторцован в размер и ошкурен лес, напилены плахи на пол и потолок и наколото сосновая дрань для кровли. Несмотря на очевидную природную лень и глупость, Яшка оказался послушным работником и старался угодить Артёму изо всех сил. Наскучавшийся по своей родной семье, он привязался к новым знакомым, очень дорожил дружбой с Артёмом.

Накануне отъезда Яшка притащил ворох готовых шкур и попросил Прасковью, чтобы она выбрала ему на рынке одежду получше и женский платок покрасше.

— Плат-то тебе зачем? — спросила Прасковья.

— Лето придёт, в юрт пойду, бабу себе воровать буду.

— Баба — не чурка, подмышку не сунешь, потом родичи девушки поймают, опять бить будут.

— Яшка хитрый, платок дам — сама пойдёт. Ты только покажи ей, как хлеб делать и вино курить, — говорил Яшка о своей женщине, как о решённом вопросе.

— Ты сначала приведи жёнку, а там уж видно будет.

Артём, дабы пробрать Яшку ответственностью, с серьёзным видом обратился к нему:

— Яков, мы завтра поутру отъезжаем, так что всё хозяйство оставляем на тебя, смотри, чтоб всё путём было.

— Яшка будет добрый сторож, Яшка крест целовал, — он, довольный оказанным доверием, расплылся в улыбке и вытащил из-за пазухи крест, показушно поцеловал его, клятвенно обещая не шалить и добросовестно охранять имущество.

Чтобы одолеть дорогу одним днём, Артём и Прасковья ещё задолго до рассвета, при свете новой луны, выехали с зимовья. Усаживаясь в сани, Прасковья рядом с собой положила лук и стрелы.

— Плохой сон видела, — объяснила она. — Будто оборониха меня в лесу выслеживала, а это не к добру. Оборониха — злая лесная баба, которая пакостит и блудит человека в парме. Так что бережёного Бог бережёт.

И верно: через пару вёрст размеренного, спокойного хода Мурашка запрядала ушами, прислушиваясь к лесным звукам, и сама собой ускорила шаг. Прасковья, чувствуя неладное, стала озираться по сторонам, вглядываясь в чёрный лес. У Артёма по спине пробежали мурашки, как в случае, когда он первый раз увидел в темноте глаза рыси.

— Вон они! — неожиданно крикнула Прасковья. — Волки!

— О, мать моя! Да их целая стая?! — Артём подхлестнул лошадь, нащупал рукой в сене топор.

Волки, не решаясь напасть сразу, бежали сбочь по лесу саженьях в двадцати от саней и готовились к удобному моменту для нападения.

Прасковья заложила стрелу и, готовая стрелять из лука, стояла в санях на коленях, в ожидании, когда стая начнёт атаковать. Петляющий между деревьями извилистый путь не давал возможности разогнаться Мурашке, и для волков ничего не стоило её догнать. Артём гнал, подстёгивая, лошадь, с надеждой поглядывал в предрассветное небо, ожидая скорого расвета.

Тенькнула тетива, выпущенная Прасковьей первая стрела прошла мимо. Волки, почуяв момент, сразу пошли на сближение и бежали уже вровень с санями на расстоянии десяти саженьей. Самый крупный, судя по всему, вожак стаи, вырвался вперёд и, догоняя лошадь, готовился к прыжку.

Прасковья перебралась на передок саней, прицелилась и выпустила стрелу. Хищник, не издав ни звука, кубарем пролетел несколько саженьей и застыл в снегу лохматым клубком. Волки по инерции какое-то время ещё бежали за санями, но потом отстали и, приняв хиваясь к запаху свежей крови своего сородича, подошли к убитому вожаку.

Мурашка, пробежав с версту, вся в клубах пара, совершенно выдохшаяся и уставшая, встала, шумно раздувая бока. Она потянулась к снегу, стала жадно хватать его трясущимися брылами. Артём, крепко сжимая в руке топориче, озирался вокруг.

— Ежели бы не твой лук, плохо могло всё обернуться! Топором-то я не шибко много бы намахал. Надо убираться отсюда подальше, пока они не пошли по следу.

— Нет, они не пойдут, волки утолили голод, съев своего собрата, теперь они сытые и ленивые.

— Ну да всё одно, поспешать надо.

Артём понукал Мурашку, лошадь вяло, тяжело тронулась, устало волоча задние ноги, и казалось, будто бы она стала ещё дряхлее.

В Вербное Воскресение, за неделю до Пасхи, опередив полную потайку снега на два дня, Артём и Прасковья поздним вечером добрались до Чердыни.

Отец, во дворе помогая Артёму распрягать лошадь, делился новостями:

— Фома-то наш к бабихе в примачи подался, так и греховодничают невенчанными, перед людьми стыдно, приходит помогает мне — и обратно. Так сказать, на два конца работает, но ничего, я его после Пасхи загону под венец, никуда не денется. Савелий с отцом на Москву с обозом ушли, к праздникам должны обернуться. По приезду Сава-то хочет до Лукеры свататься. Мы с матерью тут решили: пущай женятся, у Андрея хозяйство справное, да и знаем друг друга давно.

Вечером после поздней трапезы домашние с интересом слушали отчёт Артёма. Закончив рассказ, он со вздохом добавил:

— Надобно где-то пищаль прикупить, хоть плохонькую, потому как, если стая волков на Усолке объявилась, от них одним луком не отстреляешься. Но у меня в таком разе совсем другая мыслишка имеется, — Артём чуток разволновался. — В нашем лесу на Усолке соболя, бобра, чернобурку уже давно извели, и, чтоб на охотничьем промысле деньгу зашибить, надо уходить дальше. Вот и Прасковья не даст соврать, её отец за хорошим зверем до самого Камня ходит. А я думаю, что нужно за Урал-Камень идти, там зверя богато, и он непуганый, его там с пищалью легче взять будет. Так что, батя, ежели хочешь живые деньги иметь, надо раскошелиться.

Отец после убедительного рассказа Артёма долго думал, а потом, хлопнув себя по колену, сказал:

— Да-а, сынок! Задал ты мне задачу на три рубля с копейкой... а где их взять? — он вопросительно посмотрел на сына и сам ответил: — Не то, што ты не знаешь, но и я не ведаю. У меня всё до последней полушки рассчитано, и ружо твоё в тот счёт никак не входит.

— А ежели потолкаться средь народа в лабазах, поговорить со знающими людьми, да поторговаться, может, где и подешевше пищаль прикупить выгорит...

Отец на мгновение задумался.

— Ладно, сделаем так! — Сафон принял решение и оживился. — Ты завтра поедешь в лабазы рухлядь сбывать, так вот, сколько денег выручишь за меха, на них и присмотришь пищаль, а ежели малость не хватит, то я тебе додам, и запомни: больше пяти гривен не дам! — он смачно зевнул. — Ладно, поздно уже, разбирайтесь спать, утро вечера мудренее, — и потом, как бы спохватившись, сердито добавил, грозя пальцем: — Только смотри, шибко дорогое не бери, на красоту не зарься, выбери, што попроще, а то я тебя знаю.

Путру Артём с Прасковьей въехали на широкий двор Строгановских лабазов. В обнесенном частоколом, с невысокими сторожевыми башнями дворе суетилось много народа. На реках Колве и Каме вот-вот вскрыется лёд и поднимется большая вода. Двор лабазов своей тыльной частью выходил на берег реки с пристанью и мастерскими для ремонта стругов. На берегу в огромных чадящих чанах работники варили смолу, промазывали ею борта стругов, латали снасти, распускали круглый лес на доски, кипела работа. Готовились струги для спуска на воду, чтобы по весеннему половодью успеть добраться до труднодоступных мест в верховьях рек.

Объезжая по кругу амбары, Артём определился, где скупают рухлядь, и, отдав вожжи жене, зашёл в открытые ворота лабаза.

Потолкавшись среди охотников, сдающих добытое за зиму добро, Артём прознал цену на меха. Колонок полушка, белка по копейке, горностаи алтын, куница пятак, соболь тридцать, но за всю зиму Артём ни одного соболя так и не видал. Он долго подсчитывал

в сторонке от толчеи свои будущие барыши, и вышло все про всё — два рубля и полторы гривны, вместе со шурами Яшки. «Да, негусто, и отцовский полтинник не поможет». С этой мыслью, почесывая затылок, Артём вышел на мостки посоветоваться с женой и нос к носу столкнулся с целовальником Гаврилой Семёновым и его подручными.

— Аа! Артюха, рожно в брюхо! С чем пожаловал к нам? — весело спросил целовальник.

— Рухлядь привёз сдавать, да цена мала, — нерастовно ответил Артём.

— Выше нашей цены тебе никто в округе не даст, — слукавил Гаврила, хотя и знал, что в городе есть другие скупщики, с которыми можно было поторговаться. — Памятуется мне, ты на пищаль в прошлый раз зарился, на кой она тебе?

— Волков в тайге много развелось, да и от лихих людишек, ежели что, так оборониться. — Артём оживился и с азартом продолжил:

— Я ныне хочу за Урал-Камень пробраться, дорожку новую, короткую, в Сибирь разведать.

— Так-так, а за Камень-то тебе зачем? — заинтересовался Гаврила.

— Там, говорят, землицы бесхозной много, и зверя богато.

Целовальник, задумавшись, повёл взглядом по двору и увидел Прасковью, сидящую на телеге.

— Твоя, што ль, баба-то? — спросил он.

— Моя, — не без гордости ответил Артём.

— Да-а! Из-за такой стоит драться! — восхитился красотой девушки Гаврила, ощупывая её масляным взглядом. — Ладно, так и быть, помогу я тебе, будем считать, что это задаток. Ежели справишься, отыщешь путь, прощу долг, ну а коли нет, взыщу с лихвой. И наш уговор будет такой: как добротную дорожку за Урал-Камень прознаешь, так мне доложишь. Да приглядись там хорошенько к местности, где острожек можно будет поставить, земельку пощупай, годна али нет для пахоты, в общем, сам должен понимать, что да как. А там уж и порешим, что к чему. Согласен?

— Согласен, — ответил Артём, довольный неожиданным поворотом событий. — Только пусть ещё запишут пять аршин сукна и десять аршин холста.

— Ну ты наглец? — удивился Гаврила и добродушно добавил: — Ладно, будет тебе и сукно, и холст.

Тотчас Семён Гаврилов отдал приказчику распоряжение рассчитать Артёма по справедливости, недостаток записать в долговую бумагу и выдать ткань, пищаль и зелья, да свинца на пули сколько потребно. И уже, проходя мимо, обернулся и, посмеиваясь, спросил:

— Ты хоть пищалью-то пользоваться умеешь?

— Не-а, я её и в руках-то ни разу не держал, — ответил Артём.

— Обучи его, как стрелять, — обратился он к живому, стоящему рядом, — да покажи, сколь надобно зелья сыпать, а то, не ровен час, погубит себя, и долг мой прахом пойдёт.

13

Как бы Сафон ни переживал, ни ругался по всяким пустякам за дело и без дела на своих работников, а за неделю с посевной управились, и на исходе седьмого дня хлеборобы вернулись в дом. На следующий день всё Сафоново семейство собралось за богато накрытой обедней по случаю окончания сева. В выставленные настезь окна горницы тянулся с улицы дурман цветущей черёмухи, весеннего разнотравья, и лился теплый солнечный свет, заполняя ароматом спёртый за зиму воздух крестьянской избы. Отец, распаренный после бани, уминая наваристую ушку и пережидая, когда сгрудившиеся за столом многочисленные домашние после него поочередно брякали ложками по дну горшка, выживая наваристое белужье мясо, говорил:

— Я, грешным делом, шибко переживал за посевную, а вышло всё точно по сроку.

— Глаза бояться, а руки делают! — заметил Фома.

— Так-то бы и на Усолке лихо с постройками управиться!.. До страды в край надобно поспеть избу срубить, — продолжал заботиться отец.

— Должны поспеть, — подхватил разговор Артём, — у меня, почитай, всё заготовлено, теперь тока веди паз, зарубай тёс в чашку и клади рядком в стену, мы с Яшкой почти всё, что нужно, приготовили, а мох рядом в болотинке надерём...

— Ну, так на том и порешим, нечего в доме засиживаться да лясы точить, поспешать надобно... поспешать... Евдокия с девками пушай тут остаются — за хозяйством приглядывать, а мы после Троицы на двух телегах, не мешкая, выдвинемся... Я тут с матерью порешил отвести вам на Усолку корову, молодуху-трёхлетку, пушай нам там молоко выдаёт. Как раз Прасковья с ей хорошо управляется, ладная коровёнка, справная. Всё одно потом всё хозяйство на починок переводить будем.

— Глянь-ка, Сафон, — Евдокия тронула мужа за плечо и кивком головы показала на открытое окно, — сосед Андрей-то свою тройку в тарантас запряг, а Сава с Глафирой, как бояре, нарядные в коробе сидят, вроде и праздника нет, к чему бы это?

Все обернулись на окна. Сосед Андрей важно тронул упряжку и, описав короткий полукруг по улице, остановился у Сафоновых ворот.

— Мать моя родная! — воскликнул Сафон. — Так они же свататься к нам приехали! Ждали, гадали, а оно всё равно неожиданно вышло. Лушка, а ну брысь за печку! Не положено тебе пока тут быть. Да нарядись как-нибудь побасче!

В ворота громко постучали, Сафон, на ходу опоясывая рубаху, выбежал на двор, за ним Евдокия с новым платом на плечах. Отец, открывая ворота, на ходу начал положенные в таких случаях переговоры:

— Не было ветру — вдруг наваяло, не было гостей — вдруг наехало.

Он распахнул створы ворот и продолжил:

— С чем пожаловали, люди добрые?

Что вам надобно в нашем тереме?

Сафон и Евдокия поклонились в пояс, в ответ им поклонились приехавшие гости, и Андрей напевным голосом заговорил:

— Долго ехали — быстро мчались мы, далеко живём — не видать отсель.

Все, кто был в это время в доме, кроме Луши, высыпали вслед за хозяевами во двор поглазеть на сватовство и от слов свата прыснули дружным смехом. Отец грозно цыкнул на них, а Андрей продолжил переговоры:

— А приехали мы за девицей, да за девицей — за красавицей, что живёт у вас одинёшенька.

На дворе уже стоял откровенный смех, жених от нервного срыва пуще всех заливался хохотом, смеялась и Глафира..

— Быть того не мочь, чтоб одна жила, а живет у нас — дочь любимая, дочь любимая да желанная.

У красавицы — добрый батюшка,

а у девицы — добра матушка.

— Мы приехали — с добрым молодцем

и хотим у вас — вашу дочь забрать.

Вашу дочь забрать — в жёны молодцу.

А Сафон ему отвечал:

— Просто так не дам — буду торг держать,

буду торг держать — по рукам стучать...

Все, кто был во дворе, хохотали уже без удержу и до слез. И только одна ничего не понимающая Лукерья вышла на крыльцо и, увидав смеющихся родственников, горько заплакала, прикрыв лицо ладошками. Хоть и было по традиции при сватовстве будущей невесте слезу ронять, но, по правде, девушку возмутило то, что из обряда сделали ярмарочный балаган. И потом долго по Чердыни ходила байка, как сосед к соседу свататься через Москву ездил.

А Лукерью всё-таки сосватали, и о свадьбе сговорились — на Покров.

14

К летнему солнцевороту новый сруб о пяти стен стоял посреди выруб, как свечечка, выделяясь на фоне тёмного леса свежоошкуренной желтизной древесины, и от жаркого июньского солнца тёс плавился тягучей сосновой смолой, сверкая янтарными бусинами. Почти месяц Сафон, Фома, Артём, Савка и Яшка упирались поставить дом до Иванова праздника и поспели. После того как в кровлю дома был уложен последний лист дранки, они все от удовольствия оконченной работы и от списания со счетов одной заботы радовались, как малые дети. И даже вечно чем-то недовольный Сафон ходил вокруг дома и с одобрением оглядывал сотворённое им и его подручными жилище.

Прасковья по такому случаю накрыла в новом, пахнущем свежей стружкой доме стол с брагой-медовухой, дичью и свежими жареными грибами. Подпив хмельного и набив животы, работнички первый раз за всё время строительства расслабились и

нормально, без заботы, отдыхали, устроившись на траве под окнами дома, наслаждаясь летом, теплом и бездельем.

Выпитая медовуха пуще всех ударила в голову Савке, он от нечего делать куролесил по поляне, дурачился, веселился и, нарвав охапку луговых цветов, забрался на крышу. Прошёл по коньку, как по канату, из конца в конец и водрузил цветы на искусно вырезанную Артёмом на торце конька дома лошадиную голову. Стоя, вытянувшись во весь рост на самом пике кровли, он поднял руки вверх и вдруг радостно, по-детски закричал, обращаясь к солнцу:

— Ур-ра-а-а! Кви-ито-оо-к!!

Сафон, улыбаясь во всю ширь своего бородатого лица, крикнул ему снизу:

— Ты, паря, прям как язычник!... Не балуй шибко-то, не гневи Бога. Поставил квиток, да и ладно, слезай, — и добавил негромко и добродушно, обращаясь к Артёму: — Ну совсем ещё, как дитё малое.

— Это пока его жареный петух в зад не клевал, он шептунной такой. Ничего, я ему ныне настоящее испытание устрою, может, остепенится.

— Ты чё опять удумал, сынок? — лохматая бровь отца недоумённо поползла вверх. Какое такое испытание?.. Всё за Камень метишь попасть?.. Тут дел невпроворот, а ты глупостями хочешь заняться?.. Амбар надо ставить, поветь и хлев ладный к зиме нужен. Не время сейчас, — забеспокоился Сафон.

— Потом поздно будет, — задиристо ответил ему Артём, — ты сам давеча говорил, что народ валом валит и поджигает, и ежели я ныне короткую дорогу в Сибирь не сыщу, то другие найдут, и весь соболь — богатство земли Сибирской — другим достанется.

Сафон задумался.

— Ты, пожалуй, и прав, — непонятно с чем согласился он. — Честно говоря, я тоже так думаю. Мы-то сами сюда с Галитчины перебрались, — Сафон кивнул на старшего сына, — Фома, может, и помнит, какая житуха там была. То война, то неурожай, разор один, бояре податями замучили, казна государева налогами обложила, с голоду пухли, родители мои от чумы померли. Вот и подались мы с тех мест. А как я на Пермь пришёл, так сразу подниматься стал. Теперь и тут такая же свистопляска начинается, — Сафон загрустил, вспомнив прошлое, и, тяжело вздохнув, согласился с Артёмом. — Надо далее перебираться... Ох, когда же эти муки наши крестьянские кончатся? — Сафон с горечью хлопнул себя по колену и ушёл в дом отдыхать.

Поздним вечером того же дня, когда все улеглись спать, Артём подошёл к Яшкиной лавке, где он лежал, как кот, свернувшись калачиком, и завёл с ним тихий разговор.

— Яков! Ты, кажись, женщину себе хотел заиметь? — начал он издалика.

Вогул оживился, сел на лавке.

Лесная хижина вогулов

— Яшка хочет бабу, она в хозяйстве очень нужна, хлеб делать, вино делать, детей делать...

— Я тут хочу за Камень пойти, так могу тебя с собой взять, — схитрил Артём.

Вогул от удивления расширил до пятак свои узкие глаза и, немного погодя, очнувшись, недоверчиво спросил:

— Откуда ты знаешь путь?

— Мы ещё в прошлом году с братом Фомой твоих родственников выследили. Они по осени на большую луну в пещеру шаманить ходили, так мы их и проводили до самого лялинского юрта.

— А-а-а! Хитрый, хозяин, сам знал, а меня пытал? — он соскочил с лавки и забегал по горнице нового дома. — Когда пошли? Яшка готов идти.

— Вот тятю завтра в Чердынь проводим и можем выдвигаться, Савка тоже с нами пойдёт.

Сборы были недолги. «Русскому мужику отправиться в путь — только подпоясаться», — сказал Сафон, отъезжая с Фомой на телеге по еле приметной, только намечающейся дороге с починка до большака, идущего в два конца: Соль Камскую и Чердынь. А Артём, Савка и Яшка, заранее попрощавшись с Прасковьей, не обременяя себя великой поклажей, налегке, взяв только самое необходимое, надеясь на матушку-тайгу, что она прокормит путников, выдвинулись в сторону наполовину показавшегося из-за горизонта солнца.

Как Артём и предполагал, впереди всех бежал неугомонный Яшка: мечта о женщине гнала его за Камень. Когда собирались в дорогу, вогул непременно пожелал нести запас сухарей и даже не побоялся тащить на себе непромокаемый берестяной короб с провизией, величиной в половину его роста, только бы держать при себе хлеб и постоянно знать, что он у него за плечами. Савка с блеском в очах смотрел на пищаль, гладил её, как девку, любовался красотой заморской диковины, и Артёму пришлось доверить ружьё ему. И вот теперь Савка шёл вслед за Яшкой, гордо неся ружьё и заплечный мешок со всякой мелочью, потребной в походе. Сам же Артём с топором, заткнутым сзади за пояс, перекинутым через плечо мотком верёвки из пеньки, с Яшкиным луком и стрелами — шёл замыкающим.

Слегка набитая тропа петляла по лесу, и Артём на основных поворотах или неприметных развилках осторожно, чтобы не слышал Яшка, делал заломы веток в сторону главного направления, примечал особые приметы, встречающиеся на пути, и запоминал местоположение солнца на разных участках.

К середине дня путники вышли на берег реки, и далее тропа шла вверх, вдоль её русла. «Яйва», — пояснил Яшка название речки.

Утром другого дня Артём так же, как и вчера, шёл последним, и перед его глазами опять маячили ружьё и Савкин колпак, впереди из-за его спины мелькал берестяной короб Яшки. Путники уходили дальше на восток, тягучие подъёмы становились круче, а ложбины глубже. Чаше стали встречаться каменные нагромождения причудливых форм, а речушки, бегущие со

склонов холмов, веселее звенели на перекатах, течение их становилось всё стремительней и напористей.

К середине дня перед путниками встала первая серьёзная преграда. Не очень широкая речушка, Чикман, всего саженой десять, но с быстрым течением и очень холодной водой. Для выросших на реке и умеющих плавать Артёма и Савки не стоило большого труда переправиться на другой берег. И они, быстро скинув с себя одежду, связали её в тюки и, держа узлы над головами, перешли речку вброд. Когда они выбрались на другой берег, то с удивлением обнаружили, что Яшка так и остался на той стороне. Вогул беззаботно сидел на берегу, и по его виду было видно, что у него нет никакого желания лезть в воду.

— Яшка, ты что? Воды боишься? — крикнул Артём.

— Яшке нельзя вода голый ходить, Яшке лодка нада.

— А ну давай, живей залазь в воду, а не то я обратно переберусь и такое «нельзя» тебе задам! — щёлкая зубами от холода и от злости, прокричал Артём. — Лодку ему подавай!

Вогул как ни в чём ни бывало, спокойно сидел, хитро улыбался и ни капли не боялся Артёма.

— Ты перебираться будешь — нет?! — подключился к угрозам Савка.

— Чё шумишь? Пойди в тот куст, достань лодка и ходи сюда, меня бери.

— От, шельмец хитрый! Когда к реке подходили, он про лодку ничего не сказал, — возмутился Савка.

Они оделись, прошли в береговые заросли ивняка и нашли там узкую вогульскую долблёнку с коротким веслом. Пока Савка плавал за вогулом, Артём развёл огонь.

Потом, когда обедали, Артём спросил Яшку:

— Ты почему про лодку сразу ничего не сказал?

— А зачем говорить, ты ходил за Камень, должен знать?

Артём замешкался, но быстро сообразил, что сказать:

— Так я знал, что вы на лодке переправляетесь, только я не видал, где вы её спрячете. А мы с Фомой, когда родичей твоих выслеживали, то речку вброд переходили, мы всегда так делаем, ты же видел, нам и лодка-то вовсе не нужна.

— Не нужна? — недоверчиво переспросил Яшка.

— Не нужна, — подтвердил Артём.

— Ладно, — просто ответил вогул.

— Яшка, скажи, почему ты реки боишься и плавать не умеешь, — поинтересовался Савка.

— Раздеваться нельзя, — зашептал вогул, показывая пальцем на реку, — если дух воды к себе возьмёт совсем голого, меня никто не знает, парку знают, штаны знают, шкуру мою никто не знает, это плохо, шибко плохо. У нас много охотников дух воды забрал, их находили, они страшные были, если не узнали, от них род отказался. А потом медведь их драл, волк драл, птица клевал, Яшка не хочет так.

К исходу второго дня путники зашли в места, где скалы высились над рекой высокими, неприступными

стенами, река бурлила кипучим водоворотом и неслась быстрым, громким потоком.

Под карнизом скалы нависшем над берегом, устроили ночлег.

Страшный грохот, раздавшийся в скалах многократным эхом, подкинул Артёма на ноги.

Спросонок, плохо понимая, что случилось, он огляделся вокруг и в молочном предрассветном тумане увидел Яшку. Вогул лежал, плотно вжавшись в береговые камни, обеими руками прикрывал голову и что-то непонятное бормотал на своём языке. Неожиданно из тумана выплыл Савка

— Что стряслось? Зачем стрелял?! — спросил сурово Артём.

— Да вон, Яшка тебя побоялся тревожить, а меня разбудил, сам весь от страха трясётся и говорит: «Лесной дух пришёл на перекат рыбу ловить». Я ему: «Какой дух?» А он говорит: «Медведь». Ну, я за пицаль. Надоело солёное мясо шамкать, свежатинка-то сама в руки пришла... Тока промазал я, не наловчился ещё удачно палить, ушёл зверюга...

Артём перебил его:

— Один воды боится, другой порох понапрасну жжёт... Савва! Скажи мне, на кой ляд нам столько свежатины? Ну сожрём мы ляховку, а остальное куда? Пропадать?! А ежели бы ты его только подранил?.. Вот что, други мои! Давайте договоримся так! Чтобы с сегодняшнего дня вы оба, — Артём ткнул пальцем по очереди в обоих, — ни одного шага без меня не делали. Понятно?!

Оба сотоварища, соглашаясь, закивали головами. А вогул услужливо твердил, как заведённый, от волнения ещё пуще коверкая русские слова:

— Да, хозяин, понял, хозяин, я согласна, хозяин.

— И перестань называть меня «хозяин», — пердразнил Артём Яшку. — Мы товарищи, понятно?!

— Понятно, хозяин, — согласился вогул.

Бедный Яшка, перепуганный насмерть медведем и выстрелом, со всем соглашался, вид его был жалким и несчастным.

Пройдя от места ночлега небольшой отрезок пути, они вышли на гребень холма, с которого открывался окоёмный вид на два высоченных камня, выделявшихся своим исполинским видом среди своих меньших собратьев — невысоких холмов, раскиданных по всему пространству. Между двумя величественными камнями до самого горизонта на восток простиралась долина, заросшая зеленой тайгой. Артём догадался, что путь дальше пойдёт по урочищу — между двумя этими камнями, и выдвинулся ведущим вперёд. Прикинув на взгляд расстояние до первого камня, он решил, что они быстро достигнут его подножия, поднимутся на вершину и ещё до вечера увидят с высоты птичьего полёта весь Урал, от горизонта до горизонта. Но путники прошли около двадцати верст, а гора будто бы отдалялась от них, и они не приблизились к ней даже на половину пути. Солнце уже давно перевалило за полдень и пекло со страшной силой, а до горы ещё оставалось долгое расстояние.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, они подошли под склон высокой горы, к которой стремились весь день, немного поднялись по скалистым уступам над урочищем, но Яшка и Савка, измотанные дневным переходом, наотрез отказались идти дальше в гору.

Вдобавок, вогул подкрепил свой категоричный отказ страшной тайной этого камня.

— Там внутри шайтан сидит, нельзя его трогать. Наверх пойдёшь, сильно топтать будешь — шайтана разбудишь, он рассердится и тебя вниз кинет, — говорил он шёпотом.

— Нет никакой нужды нам зараз туда лезть, — вторил вогулу расслабленным голосом Савка, давая понять Артёму, что силы его иссякли

Артём согласился со своими спутниками, но решил, что утром обязательно поднимется на камень.

Вместе с ушедшим за высокий горный горизонт солнцем спала жара. Прокалившийся за день воздух стал наполняться поднимающейся из урочища сырой прохладой и запахами прелости. У подножия уже были сумерки, а там, наверху, еще светило вечернее, закатное солнце, и камни, как будто изнутри, светились красной медью, как купола храма. Артём очень жалел, что не поднялся на камень, и теперь, глядя на залитую светом заходящего солнца макушку горы, представлял, какие красоты можно увидеть с той высоты.

Поначалу еле приметный ветерок всколыхнул верхушки сосен, затем ветер загудел в расщелине горы, и из-за дальних холмов в ширину всей дали выползла чёрная клубящаяся туча. Как огромное чудовище, она напозла на горы, покрывая их непроглядной мглой, постепенно перекрывая собой небо с только что появившимися звёздами.

Раскатов грома ещё не было слышно, но ломаные серебряные стрелы Бога-громовержца резали горизонт с настойчивой частотой.

Артём, как околдованный, заворуженно смотрел на надвигающуюся стихию и восхищался величием природы. Савка с тревогой глядел на страшную, извергавшую молнии тучу, крестился и шептал:

— Мать моя родная, что сейчас будет-то, никак светопрествление начнётся.

Вогул, сграбастав в охাপку короб с сухарями, метался по камням, ища укрытие, нашёл в склоне горы небольшую нишу с подветренной стороны и забился в неё, укрывшись с головой бортом армяка. Артём с Савкой поспешили туда же. Тесная ниша кое-как вместила троих.

Внезапно налетевший шквал ветра яростно вдарил стеной и пошёл по урочищу, как невидимой рукой, роняя вековые деревья, поднимая в небо волну пыли, щепок и листвы.

Дождя ещё не было, а сухие молнии затрещали над камнями, разражаясь снопами искр, и сокрушительным грохотом сотрясали гору. Плывущая по небу огромная туча словно зацепилась краями за две высившихся над землёй вершины, остановилась в за-

мешательстве, клубясь лохматыми облаками, и разродилась сплошным ливневым потоком, продолжая разить молниями застолбившие её горные пики. Не очень-то набожный Савка со страху постоянно крестился и читал «Отче наш».

Всю ночь туча крутилась над урочищем, выворачиваясь наизнанку, выжимая из себя воду, пытаясь сорваться с зацепивших её вершин...

Измученные непогодой и страхами, не спавшие всю ночь путники после бесшабашного разгула стихии только под утро успокоились и забылись тревожным сном, прижавшись от промозглого холода и сырости тесно друг к другу, согревая друг друга теплом.

Первым зашевелился Яшка, он пытался вылезти из щели, в которую забился ночью, и не мог. Дергая ногами, вогул толкал спавших друзей в бока и скулил.

Артём и Савка проснулись. Жаркое солнце уже стояло высоко над горизонтом и нещадно палило, выпаривая влагу. Горы и вся даль синих холмов плавали в мареве лёгкого тумана, поднимающегося из урочища.

— Яков, ты как туда втиснулся-то? — разглядывая ноги вогула, торчащие из щели, воскликнул Артём. — Сейчас если за ноги тебя тянуть, можно голову оторвать. Так что решай сам, как тебе лучше: чтоб голова была без ног, или ноги без головы?

Вогул от каверзного вопроса ещё пуще задрывал ногами и завыл, как волчонок.

— Это ты, Яшка, от сухарей так распух, их у тебя водицей в нутрях подмочило, они и набухли, отчего ты стал толще и поэтому застрял. Погоди немножко. Солнышко тебя прогреет, ты высохнешь, и тогда сам оттуда выпадешь.

Савка ещё что-то хотел сказать, но Артём его оставил:

— Каждой шутке должен быть предел, давай-ка его попробуем вытащить. А то, не дай Бог, помрёт со страху.

Кое-как, они осторожно вытащили Яшку из щели. Но Артём озадачил его новым испытанием.

— Так как насчёт того, чтоб на макушку подняться? — предложил он друзьям.

— Я согласен, — не задумываясь, ответил Савка.

А вогул, замахав руками, зашептал:

— Шайтан-гора, нельзя ходить...

Но Артём опоясал его веревкой, завязал её крепким узлом, другим концом обвязался сам. И не успел Яшка опомниться, как Артём стал подниматься вверх по склону, увлекая его за собой.

Старания были не напрасны, природа щедро одарила путников открывшимся с вершины видом, во всю ширь, во все стороны света. Они стояли в восторге на пике камня, и каждый думал о своём. Яшка много раз проходил мимо камня и никогда не поднимался наверх. Потрясённый величием простора и красотой земли, вогул стоял, как замороженный, и казался сам себе маленьким и ничтожным, как букашка, отчего жалел себя и по его щекам бежали слёзы. Савке казалось, что вот так, просто раскинь руки, и

Вогульский пауль с пристанью

можно будет взлететь над туманным урочищем, над синими горами и парить свободно, как птица, купаясь в тёплых, поднимающихся от земли потоках воздуха, наслаждаясь красотой жизни. А Артём думал, как на словах рассказать Прасковье то, что он видит сейчас, и не мог подобрать те фразы, те слова, какие смогли бы хоть на толику правдоподобно передать его чувства и состояние от пережитого и увиденного в эти мгновения.

15

На седьмой день путники миновали хребет, и тропа уже стлалась в основном на спуск. Они вышли к реке и дальше уже двигались вдоль берега. Яшка то и дело с тоской и увлажнёнными глазами смотрел на речку и говорил тихо, еле шевеля губами: «Ляля». Он шёл опять первым, и когда Артём попытался его обогнать, Яшка не дал, прытко обежав Артёма.

Весь день любивший поболтать Яшка молчал. По его глазам и лицу было видно, как овладела им тоска по прошлому. Последнюю ночь перед встречей со своими родными юртами Яшка не спал. И ещё не успело подняться солнце, как он разбудил Артёма. И обратился к нему не как всегда «хозяин», а по имени. Это было понятно: путники находились на земле вогулов, и это была его, Яшкина, исконная родовая земля, и на ней он был хозяин. Хоть и изгнанный — но всё-таки хозяин!

— Артём, — тихо тронув за плечо, позвал Яшка, тот очнулся от сна и вопросительно посмотрел на вогу-

ла. — Я в юрт пойду, может, род простит. Оставят... Бабу дадут... Не могу я, плохо мне одному...

— Так иди, я тебя не держу... — спокойно ответил Артём. — Про нас скажешь своим? — спросил он, наперёд зная ответ.

Яшка промолчал.

— Ладно, — согласился Артём. — Ты знаешь, Яков, я тебя обманул, не следил я за вашими, и дороги в Сибирь не знал, — честно признался он.

— Я тоже знал, что ты не знал.

— Из-за лодки догадался?

Яшка кивнул головой.

— Понятно...

— Ты юрт не ходи, река не ходи, кругом тайга ходи.

— Ну, обогну я твоё стойбище, а дальше куда?

И Яшка объяснил, как мог, примерный путь до верховьев реки Туры.

Проснулся и Савка. Они попрощались с вогулом. Яшка, с сожалением оставив короб с остатками сухарей, взял свой лук и, даже не поев на дорожку, ушел налегке в родные юрты, находящиеся, как пояснил вогул, за двумя большими излучинами реки со странным и ласковым названием Ляля. А Артём и Савва быстро собрались и ушли от реки круто вправо, обходя вогульское стойбище по тайге большим крюком.

Как побитая собака, Абакын возвращался в своё родное стойбище Лялинский юрт. Он заметно сник. Ещё издали местные ребятишки заметили одинокого, незнакомого путника, идущего в их сторону, и быстро разнесли весть о чужом человеке в русской одежде. Посмотреть на незнакомца высыпало всё стойбище, кроме мужчин, охотников и рыбаков, которые были на промысле.

Восемь долгих лет Абакын не был на родине, и теперь, проходя мимо людей, вышедших посмотреть на незнакомца, слышал, как те, кто узнал его, говорили тем, кто его не помнил:

— Это Абакын, пьяница и душегуб.

— Глаза бесстыжие! Как ты смеешь приходить сюда?

— Будь ты проклят! — летели ему в спину проклятья. Народ расступался перед ним, пропуская его вперёд и держась на расстоянии. А он шёл, низко опустив голову, и не знал, куда девать себя от стыда и позора.

Раньше, много лет назад, когда Абакын убил брата и его прогнали, по молодости лет ему было всё равно и безразлично наказание, которое вынесли ему старейшины. Казалось, что вся жизнь впереди, и он ещё увидит и получит своё счастье. Но прошло время, а счастья как не было — так и нет, счастливой доли не предвиделось и в будущем. Много передумал Абакын, пока жил на Усолке по соседству с семьёй Артёма, и понял одно: на родине было прошлое, есть настоящее и будет будущее, а на чужбине, среди чужих людей, чужой веры, есть только одно — настоящее. Всё это время, в изгнании, он прожил одним днём, каждое утро просыпаясь с одной мыслью:

как набить желудок и выпить? Но теперь он решил твёрдо: «Будь что будет, пусть хоть убьют». Ему уже было по-настоящему всё равно, тоска по своим родным и близким выела всю душу, но где-то там, глубоко внутри, ещё теплилась маленькая надежда, что всё уладится, и у него будут жена, дети и всё то, для чего человек живёт на белом свете.

Навстречу ему под руки вывели согбенную мать-старуху, всё с той же клюкой, какой он убил брата. Сухое морщинистое лицо матери не выражало ничего, ни радости, ни скорби, она просто смотрела на сына белёсыми, выцветшими от старости глазами, и один Бог знал, какие у неё в этот момент бродили мысли в голове.

Не приняла мать сына, но на совете старейшин рода ему было позволено остаться в стойбище, разрешено поставить юрту в самом крайнем от реки месте. Ему дали в жёны вдову — женщину почти вдвое старше его, у которой муж давно погиб, а она с оравой детишек не нужна была никому. Но Абакын и этому был несказанно рад.

Артём и Савва благополучно обошли кругом по тайге вогульское стойбище и снова вышли на речку Лялю, в пяти верстах ниже по течению. В поисках подходящего места для переправы двинулись дальше. Если Артём правильно понял Яшку, то маяком брода должен быть камень на другом берегу, с нависшим над водой скалистым выступом.

Этот же камень являлся и указателем начинающейся от реки тропы, уходящей в глубь тайги, дальше на восток, до верховьев реки Туры.

Вездесущий Савка попутно просматривал заросли ивняка вдоль берега в поисках лодки, о которой говорил Яшка перед расставанием. Он от чего-то был неудержимо весел и постоянно балагурил, вспоминая Яшкины злоключения. Делился с Артёмом мыслями о предстоящей свадьбе и о том, что хочет поставить на Усолке дом по соседству с Артёмом.

Обходя кусты, Савва неожиданно выскочил на открытый, заливаемый весенними паводками участок старицы и нос к носу столкнулся с двумя вогулами. Один с луком бил стрелами стоящих на мелководье возле берега щук, другой, помладше, таскал на плече лыковый кукан с нанизанной на него добытой рыбой. Савка медленно попятился назад, но вогулы его заметили, и тот, что был вооружён, направил лук на пришлого незнакомца. Один из них громко закричал на языке вогулов, с другого, дальнего конца старицы ему ответили.

Артём стоял и наблюдал за событием из-за деревьев в саженях в пяти от друга, попавшего в беду, и был готов стрелять. Пищаль у Артёма была заряжена, он заложил на полку свежий пистон, подкрутил фитиль, пропитанный селитрой, приготовился к стрельбе, взяв на прицел того, что был с луком.

Вогулы медленно, шаг за шагом, стали подбираться к Савве, который так же, шаг за шагом, отступал назад. Вдалеке, на берегу старицы показались ещё двое, и один из них тоже был с луком. Дело при-

нимало серьёзный оборот, выхода из которого Артём не знал, он никак не ожидал, что придётся стрелять в человека, и не был к этому готов. Лихорадочно перебирая в уме всевозможные варианты, Артём не смог ничего лучшего придумать, как просто взять и выйти из укрытия, держа на прицеле лучника. Вогул, который бежал на помощь, остановился, натянул тетиву, и стрела просвистела у Артёма над головой. Он не помнит, как нажал спусковой крючок, а только увидел, как пистон на полке вспыхнул сине-жёлтым пламенем, зашипел, брызгая селитрой, фитиль, и раздался выстрел. Первый лучник упал на землю, завизжал, извиваясь от боли и испуга, другой, схватившись за плечо, бросился к своим товарищам, которые, в свою очередь опрометью неслись обратно, туда, откуда бежали.

Артём смотрел на корчившегося вогула, ничего не видя кругом, кроме обезображенного страданиями лица раненного им человека. Он подошёл к нему. Умиравший вогул глядел на врага глазами, полными мольбы о помощи. Артём совсем забыл, что это он — виновник его мук, нагнулся и крикнул: «Савка, помоги!» Но друг не откликнулся, не подошёл, и Артём удивился странной тишине вокруг. Даже птицы почему-то умолкли.

Догадываясь, что что-то произошло, он оглянулся и увидел стрелу с черным вороньим оперением, торчащую из груди Саввы. Он бросил вогула, медленно подошёл к другу, всё ещё не веря, что такое могло случиться, тихо опустился перед ним на колени. Стрела пробила грудь Савки, крови не было, а были широко открытые стекленеющие глаза, глядящие в небо.

Отчаяние охватило Артёма. В голове страшной догадкой мелькнула мысль, что это он виновник всего, и смерти ни в чём неповинного вогула, и тем более смерти Савки. И такой мелкой и ничтожной в этот миг показалась ему его идея с тропой на восток.

Артём приподнял друга, снял с него берестяной короб, вытянул из спины за торчащий наконечник стрелу. Кровь хлынула через открывшиеся раны, но Артём, не обращая внимания, взвалил Савку на плечо, прихватил пищаль и вброд перешёл старицу, уходя и унося друга подальше от места схватки. Артём понимал, что остальные вогулы убежали за подмогой и они обязательно будут его искать.

Солнце уже клонилось на закат, а Артём, как в тумане, плохо соображая от усталости, нес Савку на плече, вглядываясь в темнеющую в вечерних сумерках полосу противоположного берега, в надежде увидеть заветный камень. Но бархатная июньская ночь опустилась на землю, долго алея малиновой зарёй за прибрежным лесом, и Артём, совсем ослабший, с трясушимися от напряжения ногами, осторожно опустил тело Савки на траву. Всю ночь, не разжигая огня, он просидел возле погибшего друга, думал, дремал, вспоминал былое, снова дремал и снова думал, и под утро забылся тревожным сном, а перед глазами продолжали маячить страдальческое лицо вогула,

застывшие глаза Савки и стрела с чёрным траурным оперением...

Что-то мягкое, жужжащее упало на лицо спящего Артёма. Артём открыл глаза и увидел прямо перед глазом большого лохматого шмеля. Сожаление и тревога с прежней остротой защемили грудь, на глаза навернулись слёзы. Но надо было что-то делать! Он взял топор и с остервенением начал рубить дёрн, выворачивал его большими кусками, рыхлил лезвием землю и выгребал её руками. Вырыв могилу глубиной на два аршина, положил на прохладное глинистое дно Савку. Прочитал короткую молитву по усопшему, помолчал и похоронил друга, засыпав его чужбинной землёй, выложил дёрном холмик и поставил временный крест из связанных ивовой лозой двух берёзовых стволиков. Оглядевшись вокруг, ища приметный знак для того, чтобы точно знать место захоронения друга, увидел на противоположном берегу, чуть ниже по течению, нависший над водой камень, указатель брода и дальнейшей тропы, ведущей в Сибирь.

— Ну вот, друг мой Савка, прости меня, что не убежёл, и упокойся здесь с миром, а место это отныне будет зваться Савинов берег, — сказал он, перекрестился и бросился, не раздеваясь, в воду, штурмуя речку Лялю вброд.

Двое суток Артём пробирался к реке Туре. Заплутал, потеряв тропу, кружанил по болоту раз, другой и, уже отчаявшись вновь найти правильное направление, вышел к мелкой речушке, берущей свое начало в болоте, которая, как он предполагал, должна была вывести его к большой воде, и не ошибся. На исходе дня, совершенно измотанный, голодный, он вышел из лесной чащи на широкий простор реки и обомлел от неожиданности. Сомнений не было, это была Тура, о которой он слышал от Яшки и стрельца. Он машинально развёл костёр, поджарил, насадив на ветку, подстреленного ещё днём на болоте рябчика, но, не выдержав голода, съел его полусырого и уснул мертвецким сном.

Утром, изрядно отдохнув, поймал в светлой проточной воде приличных размеров хариуса, запёк его в глине и, насытившись, в бодром настроении, двинулся вдоль берега в поисках доброго места для первого поселения, которое, он надеялся, в скором времени появится здесь.

Пройдя вниз по течению около пяти вёрст, обнаружил на крутой излучине реки остров, а за ним — высившуюся на добрую дюжину косых саженой скалу.

— Вот и место для острога, — сказал он вслух, словно делаясь с кем-то своим мнением, и поднялся по крутому, боковому склону на верх камня.

Ширь, раскинувшаяся у его ног, заморозила Артёма, и, как старому другу, с которым он долго искал встречи, он сказал:

— Ну, здравствуй, Сибирь!

* Журнальный вариант.

Купи жену!*

– Жениться тебе надо, Елизар.

Юрий выдавил из тюбика шарик витаминизированной водки, слегка приплюснул его большим и указательным пальцами и решительно проглотил. Выражение его лица при этом ничуть не изменилось. Потом Юрий достал из парившей в невесомости сумки горький оранжерейный огурец, закусил и только тогда крикнул.

– Хорошо пошла? – спросил Елизар участливо.

– Погано идёт тильки першая. И то не всегда, – резонно заметил Юрий и тут же вернулся к теме разговора. – Жениться тебе надо, Елизар. Глянь, на кого ты стал похож. Сухопутные щуры и то липше выглядят.

Действительно, Елизар выглядел неважно: трехдневная небритость, спутанные черные космы, мешки под глазами. Только причиной этому было не отсутствие супруги, а продолжительный запой, в котором находились астронавты. Как говорили древние, было бы что пить, а повод всегда найдётся. В этот раз Елизар откопал где-то файл, в котором описывалась древняя докосмическая традиция земных моряков устраивать празднества при пересечении экватора. Астронавты посчитали это знаком свыше – их челнок пролетал над экватором Нового Хорезма каждые три часа. И ушли в запой.

– Вот была бы у тебя, Елизар, жинка – ходил бы ты опрятный, чистенький, лимончиком бы пах.

– Я астронавт! – хлопнул кулаком по столу Елизар.

Врезать кулаком по столу – нормальный аргумент, которым мужчины пользуются ещё с бронзового века. Вот только в невесомости он не работает. Отдача подбросила Елизара вверх, потолок больно

ударил астронавта по голове. Просклоняв несколько минут бабушку Гагарина, Елизар прошипел:

– Ладно, уговорил, женюсь!

– Шибко ушибся? – испугался Юрий. – Ты... того... потерпи маленько, сейчас с медичним спутником свяжусь.

– У меня всё нормально. Ты прав, Юр, бабу мне надо. Чтобы она за мной присматривала – всё лучше, чем спяну головой о переборку биться. Только где её, жену-то, найдёшь?

Юрий улыбнулся, соорудил хитрую мину, ткнул пальцем в иллюминатор, за которым висела зеленая планета:

– На базаре, Елизар, на базаре. Це ж Новый Хорезм, тут шо хошь купить можно. Хоть жинку, хоть новые форсунки.

На лице астронавта отразилась лихорадочная работа мысли. С одной стороны, бабу хотелось. С другой – было боязно, а вдруг она свои порядки на корабле устанавливать начнет. Феминизм был ночным кошмаром Елизара, да и если честно, большей части мужчин освоенного человечеством космоса.

– Юр, слышь, а как узнать, что она того... не феминистка? – Елизар с опаской посмотрел на напарника. – Нарвемся на эту... бизнес-леди – будем всю жизнь рожденные женской фантазией проблемы решать.

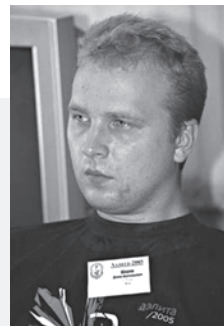
– Нема на Новом Хорезме феминисток. Шариат у них. Гарная вещь. Коли мужчина верен Аллаху, то может видразу несколько женок иметь. И ни одна голос на него поднять не смеет. Порядок! Ты не страдай, выпей лучше, – Юрий протянул Елизару тюбик с водкой. – Горилка, она, мой друг, мозги просветляет.

** Рассказ занял 2 место на конкурсе короткого рассказа фестиваля «Аэлита-2008»*

Дэн Шорин (Денис Анатольевич Шорин) — тульский писатель, потомок И.С.Тургенева. Родился в Тульской области, там же и прожил большую часть своей жизни.

Писать начал еще в школе. Относится к «сетевому поколению» фантастов, вышедших из сетевых конкурсов. Публиковался во многих журналах: «Если», «Шалтай-Болтай», «Порог» и других; в сборнике рассказов «Фэнтези 2005/2», в четырёх сборниках «Аэлита».

Работает копирайтером, создает рекламные тексты для сайтов.

Елизар взял у Юрия тюбик, глотнул, занюхал ароматической нашлепкой на рукаве скафандра.

— Ну что, Елизар, падаем в атмосферу? — спросил Юрий.

— Эх, где наша не зависала, — вздохнул астронавт. — Спускаемся.

Базар на Новом Хорезме заслуживает отдельного упоминания. Здесь нет бесконечных торговых рядов, свойственных отсталым аграрным мирам, нет здесь и множества электронных терминалов, через которые совершаются сделки на мирах индустриальных. Только узкие переулки и двери, двери, двери. На Новом Хорезме можно купить всё, что угодно — наркотики, оружие, пиратские программы, сверхтонкие микросхемы. Нужно только знать, к какой двери подойти и сколько раз постучать.

Астронавты оставили свой челнок в караван-сараяе и неспешно прогуливались по узким улочкам.

— Ну и как мы её найдём? — спросил Елизар через пару часов бесцельного блуждания.

— Як найдём? — Юрий заливисто рассмеялся. — В дверь постучим.

— А в какую? Здесь все двери, как одна — серые да с замками глухими.

— А то мы сейчас и спросим. — Юрий подошёл к сидевшему в тени невысокого дома нищему и бросил монету в лежащую на земле драную шапку. — Скажи, мил человек, як нам жинку для хлопца найти. Дюже кручинится хлопец, деньги есть, а жинки нету.

— Третий перекресток направо, девятая дверь по правую руку, — меланхолично ответил нищий и тут же спрятал монетку в складках одежды. — Стучать три раза, потом ещё три, потом два.

— Будь здоров, мил человек, — ответил Юрий и толкнул Елизара локтем в бок. — А ты переживал.

— А какого космоса мы всё это время здесь бродили? — накинулся Елизар на Юрия с упреками. — Что ты, сразу не мог у нищего дорогу спросить?

— Зато ты проветрился, соображалку включил. А то скажешь, что спьяну не ту жинку выбрал, я же виноватим и останусь.

— Я астронавт! — возмутился Елизар. — Я в поясе Оорта челнок водил. А тогда я не так пил, а настоящему. С трудом до штурвала доползал.

— Ну, брат, ты сравнил тоже. Жинку и пояс Оорта. В Оорте — что? Камни, пустые бутылки и инший мусор. А жинка — це навсегда. Плакать горячими слезами будешь, коли не ту выберешь. При выборе жинки, брат, ответственность треба. И характер. Не горилку покупаешь, судьбу свою вершишь.

— Судьбу? А что, мне это нравится. Творить судьбу собственными руками — что может быть лучше?! — Елизар задумался. — Если только собственными руками бросить челнок на скалы...

— Не жужжи, всё будет в ажуре.

Астронавты подошли к нужной двери, и Юрий решительно постучал условным стуком. Дверь открыл невысокий сарацин в чалме и просторном халате.

— Жинку хлопцу надобно, — твердо сказал Юрий. — Гарную жинку.

По лицу сарацина расплылась улыбка.

— Это вы, уважаемые, в нужную дверь постучали. Только здесь вы найдёте жену — работающую, небалованную, верную. К тому же красавицу — других не держим.

— А такие женщины бывают? — недоверчиво спросил Елизар. — Чтобы сразу работающая, небалованная, верная, красивая... Или пойдут четыре по цене одной?

— Обижаете, уважаемые, себе в убыток не торгую. Одна, только одна. Девушка-персик. Восьмое чудо света. Всю жизнь радоваться будете. Проходите в дом, сейчас товар покажу.

— А она не феминистка? — шепотом спросил Елизар.

— Не произносите этого слова в приличном доме, уважаемые, — торговец от возмущения даже поперхнулся. — У нас порядочная планета, а не бедлам. Здесь для феминисток путь один — под плеть. Плеть, она, знаете ли, уважаемые, быстро мозги вправляет.

Девушка была смугла, симпатична, миниатюрна, будто пришла из старой арабской сказки. На ней были надеты только купальник и прикрывающая глаза тонкая кружевная вуаль ручной работы.

— Здравствуй, красавица, как звать тебя? — спросил Елизар.

— Анною, господин, — щеки девушки залил румянец.

— Верно ли, Анна, что ты работать любишь, мужа во всём готова слушать да покорна ему быть?

— Верно, господин.

— А грамоту понимаешь? Чтению-письму обучена? — спросил Юрий.

— Как можно, господин, как можно?! — возмутилась Анна. — Я не феминистка какая-нибудь, я приличная девушка. Зачем мне это? Дело женщины — дарить мужчине любовь, вести хозяйство, нянчить детей. Грамота мне ни к чему...

— Отлично! — Елизар потёр руки и повернулся к сарацину. — Мы берём её.

После этого началась торговля. Хотя, как известно, сарацины скорее воины, чем торговцы, этот круто знал своё дело.

— Если вы мало за неё заплатите, она ж вас уважать не будет, — верещал сарацин. — Она решит, что вы её не цените!

— Дивчина корыстолюбива? — задумчиво переспросил Юрий. — Це снижает её цену.

— Это вы корыстолюбивы, а она свежа, мила и опрятна! — гнул свою линию сарацин.

— А будет ли жинка хлопца уважать, у которого гроши меж пальцев утекают?

— Будет, будет... Щедрость — достоинство мужчины!

— Вот ты и прояви щедрость. Не жадничай, где ты ещё такого справного хлопца найдешь? Поста-

реет твоя дивчина, и четверти цены за неё не дадут.

— Девушка — сказка. Пальчики оближешь. Всегда покупатель найдётся. Богатый покупатель, не такой, как ты. Она счастлива будет. Зачем я буду голодранцу, который за каждый талер торгуется, свою жемчужину отдавать?

— Не торговаться — не уважать ни тебя, ни себя, ни её. Дивчина — не цибуля, щоб оптом брать, на цену не глядя, — Юрий был красный, как рак, но не сдавался. — Бери половину того, що запросил, и радуйся.

Не желая слушать препирательства, Елизар вышел на улицу. Светило солнце. Где-то недалеко лаяли собаки. На мощеной булыжником улочке играли дети, воздух пах шашлыком и специями. Минут через двадцать из дома вышли Юрий и сарацин, оба довольные до невозможности, они шли рядом, обсуждая состоявшуюся сделку.

— С хорошим человеком и торговаться приятно. Даже когда себе в убыток, — сарацин широко улыбался.

— Ты як лис, сколько не торгуй, ты всё одно — свой прибуток не упустишь.

Сзади шла Анна, в длинном, до пят, платье и парандже. Девушка тащила огромный чемодан.

— А помочь даме не догадались, джентльмены хреновы? — рявкнул на них Елизар.

— Но-но! — возмутился сарацин. — Избалуеть девушку — по гарантии назад не возьму.

— Не избалую, — хмуро ответил Елизар и забрал у Анны чемодан.

Девушка сразу повеселела. В караван-сарай Юрий перевел на счет сарацина деньги, и тот, довольный, сразу куда-то исчез. Челнок подняли на орбиту, при этом Юрий изобретательно закрутил его вокруг своей оси, чтобы избежать невесомости.

— Ну вот, Анна, чувствуй себя как дома, — торжественно произнес Елизар.

А на душе скреблись кошки.

Недаром считается, что женщина на борту приносит несчастье. Неприятности начались почти сразу. В первый же день Елизар с удивлением обнаружил полевые цветочки, закрепленные в вентиляционной трубе. А чтобы цветочки не вылетали во время работы вентилятора, все отверстия, через которые воздух поступал в рубку, были тщательно заклеены скотчем. Елизар подозвал Анну.

— Что это значит? — Взгляд пилота грозно сверлил девушку.

— В доме должны быть красота и порядок, — важно ответила Анна.

— Понимаешь, дорогая, — чтобы не взорваться, Елизар выбирал максимально мягкие выражения, — челнок — это не дом, а транспортное средство!

Анна вздернула носик и, ни слова не говоря, вышла из рубки. Наблюдавший за воспитанием девушки Юрий только хмыкнул, пробурчав что-то типа «пидлабузник». В тот же день Елизаром были

обнаружены цветастая скатерть, приклеенная «супермоментом» к оперативному пульту, и сквозное отверстие над дверью шлюзовой камеры. В отверстие был вставлен гвоздь, а на нем висела большая подкова. Естественно, шлюз после такого надругательства не держал давление, и Елизару пришлось долго ползать по стенке с герметиком. Анна же на все претензии делала каменное лицо и повторяла:

— В доме должны быть красота и порядок.

Кульки для семечек, скрученные из страниц судового журнала, Елизар стерпел. Когда Анна покрасила все иллюминаторы на челноке нежным розовым цветом, он только усмехнулся. Но когда из системы охлаждения был слит весь технический спирт, Елизар позвал Анну для серьёзного разговора.

— Ты что ж это творишь, курва эдакая? Хочешь, чтобы мы все тут поджарились? К Аллаху досрочно попали? Зачем спирт слила, признавайся?

— Аллах не велел! — задрала нос Анна.

— Он его пить не велел, — завелся Елизар, — а это система охлаждения!

— Дом его пьёт, от этого я легче, ты легче, все мы легче, почти как пьяные!

Елизар не сразу сообразил, что Анна имела в виду пониженную гравитацию на челноке.

— Ну ладно, уболтала. — Когда взгляд Елизара падал на округлости Анны, астронавт сразу смягчался. — Иди сюда!

— Не-а, — девушка ловко увернулась от астронавта и скрылась в рубке.

Елизар последовал за ней и тут же запутался в развешанных по всей рубке женских платьях.

— А это ещё что? — спросил он, нахмурясь.

— Пусть соседи завидуют, — бодро ответила девушка, кивнув в сторону подошедшего Юрия. Хохол с трудом сдерживал смех.

— Ну ладно, пусть завидуют, — согласился Елизар. — Иди сюда.

— Не-а, — повторила девушка, выскальзывая из его объятий.

— Вот ведь зараза! — сообщил Елизар Юрию.

Тот уже смеялся в полный голос.

— Так, трахаться мы с тобой будем или как? — завопил Елизар, когда Анна, в очередной раз уклонившись от него, убежала на камбуз мыть посуду, используя при этом накопанный в цветочном горшке грунт.

— После свадьбы, — заявила девушка.

— Ну что там надо сказать для свадьбы? — Елизар прижал девушку к себе. — Я, Елизар, беру тебя, Анну, в законные жены. Так?

— Имам нужен, — ответила девушка.

— Да где я тебе имама в космосе найду? — удивился Елизар. — Лучше иди ко мне, я тебя такому научу...

— Только брак у имама освящает создание семьи, — назидательно произнесла Анна. — А нет имама — нет секса.

Юрий сначала посмеивался над Елизаром, но когда Анна попыталась взять шефство и над ним, вы-

бросив в конвертер тубик с водкой, помрачнел. Последней каплей в чаше терпения Елизара оказались регулярные молитвы, совершаемые Анной. С рассветом (а рассвет на челноке наступал каждые три часа) Анна извлекала из своего чемодана молитвенный коврик и отбивала поклоны в сторону солнца, демонстрируя своё смирение и полностью перекрывая астронавтам проход в рубку. Когда челнок из-за этого чуть не столкнулся с метеоспутником, Елизар подошел к Юрию.

— Слушай, друг, давай опустимся на поверхность.

— Ще одну дивчину хочешь? — улыбнулся Юрий.

— И этой много, — тяжело вздохнул Елизар. — Давай её вернем сарацину, пока не поздно.

Юрий с облегчением кивнул. Через два часа они опустились на упругий грунт караван-сарая. Анна, высоко подняв голову, покинула челнок, и только в самом конце с какой-то обидой и отчасти упреком произнесла:

— В доме должны быть красота и порядок.

На следующий день астронавты решили покинуть систему Нового Хорезма. Юрий был весел и напевал «Ще не вмерла Украина» на мотив «Калинки», Елизар сидел на камбузе и один за другим глушил тубики с водкой.

— Знаешь, Юра, что я тебе скажу? Это всё феминистки виноваты! — Елизар залпом опрокинул тубик и с аппетитом закусил огурчиком. — Это из-за них у меня личная жизнь не сложилась!

Юрий пихнул в плечо Елизара.

— Ты шо? Яка ж вона феминистка? Дура вона! Просто дура!

Елизар собрал глаза в кучку и уставился на Юрия.

— А вот скажи мне, друг ты мой любезный, почему она дура?

— Народилась такую, — ответил Юрий.

— Эн нет! — твердо сказал Елизар. — Дура она не потому, что просто дура, а потому что она учиться не захотела. Феминисткой, стало быть, стать боялась, вот и осталась дурой. Так что, феминистки во всём виноваты. Ну, вздрогнем?!

Астронавты, не чокаясь, выдавили из тубиков водку и молча выпили за феминисток. Потом Юрий спросил:

— Слухай, Елизар, а может, нема феминисток цих? Може, це дуры про них байки травлять, щоб без хлопцев не остаться? А дивчины умные от того и страждать...

— Всё может быть, — согласился Елизар, положив голову на стол. — Вселенная полна тайн.

— А ты от, того... Захотив бы феминистку в жинки взяти? Ну, раз дуры тебе не годятся? — выпалил Юрий.

Елизар поднял голову и, не мигая, уставился на Юрия.

— Всё может быть...

2158 минус любовь*

Начинался обычный рабочий день. Наверняка не лучше (хоть бы не хуже) тех ста девятнадцати дней, что уже прошли на службе.

Всего четыре месяца назад закончилось обучение в кадетской школе для людей-мужчин, получено направление для прохождения службы в пятнадцатый участок города Москвы рядовым отряда быстрого реагирования. Обстановка последние полтора года в городе нормализовалась, стычки радикальных группировок людей-м и людей-ж удалось свести практически к нулю. Тем не менее, за эти неполные полгода Ульрих насмотрелся всякого. Были и столкновения (даже с применением парализаторов), и «зачистки», и разгоны митингов, всякое... Да еще непрерывный поток «азиатов» с юго-востока бывшей Азии. Кто задерживался, кто транзитом в бывшую Европу: на «свободные» места, для проживания. Там они еще оставались...

Хоть бы сегодня все было тихо.

В их работе это самое главное.

— Рядовой Ульрих Светланович Воронов прибыл для несения дежурства по городу, — доложил он в плазмопанель регистрации.

Там высветилось лицо шефа, Инны Инновны (ну, разумеется, ее компьютерная модель):

— Шестой отряд, командир — сержант Гладищев, сбор в комнате шесть.

О, черт, Гладищев! Станный тип, многие так говорят. Сам Ульрих думал, что сержант — садист. По всем отделениям ходили слухи о его «зачистках». Правда, пока все сходило с рук, оправдательные вердикты — необходимая самооборона.

Ага, шестая. Сканер пикнул, проверяя, двери бесшумно разъехались.

Долгов, Семен, Артур, от блин, человек-ж Вера Соболева, Гладищев...

— Сержант ОБР! Рядовой Ульрих Светланович Воронов, назначенный в шестой отряд, прибыл!

На узком, как угол, лице Гладищева отразилась кривая ухмылка.

— Вольно, рядовой, добро пожаловать в... команду!

На последнем слове сержант запнулся и хмыкнул. Ульрих отметил косой взгляд, брошенный в сторону человека-женщины.

Да ему и самому отчего-то стало не по себе. Подумаешь, отряд, сформированный не целиком из людей-м. Древние кадетские предрассудки... Ничего ж необычного.

Хорошо хоть остальные знакомые.

— Дарова, Ульрих! — Семен протянул широченную ладонь. — Сегодня, значит, вместе работаем.

Пришлось здороваться со всеми. Команда работает вместе. Руку человека-ж он сжал совсем чуть и тут же пожалел об этом: кисть, стиснутая железной хваткой, едва не хрустнула. Холодные «азиатские» глаза Веры горели вызовом — что-то еще? Ульрих сдавил посильнее, и хватка ослабла.

— Работаем, рядовой-м, работаем.

Внутри зашевелилось неприятное чувство. Да, началась смена, ничего не скажешь! Чем дальше, тем неприятнее.

— Рядовой Воронов, вашим родителем была женщина? — неожиданно спросил сержант. — У вас вроде неплохой список...

Ульрих обернулся к сержанту, тот просматривал на плазмозкране его личный файл.

— Конечно, Воронежское училище...

— Сержант ОБР, неужели у родителя-ж, по-вашему, не может быть хорошего охранника порядка? — спросила Вера. — Может быть, Вы не знаете, что...

** Рассказ занял 3 место на конкурсе короткого рассказа фестиваля «Аэлита-2008».*

Ефим Владимирович Гамаюнов родился в г. Петровске Саратовской области в 1976 году. Окончил Самарский колледж связи при ПИИРС. Работает программистом в Петровском филиале СГСЭУ. Женат, двое детей. Писать начал давно, публиковаться — с 2006 года. Рассказы печатались в журналах «Порог», «Полдень 21 век», «Просто фантастика» и на CD в «Мире фантастики».

Гладищев вскинул вверх указательный палец.

— Я ваш сержант. Я знаю все...

— Но...

Гладищев поднял палец еще выше.

— И я указываю на часы. Пять минут на получение комплекта №2 и посадку в машину. Есть возражения, рядовой-ж Вера?

— Никак нет, сержант ОБР!

— Выполнять! — бросил Гладищев. — Четыре минуты сорок секунд.

«Второй» комплект формы — синтетический бронекостюм, парализатор, маска с регенерирующим кислород патроном, шлем — это означало либо патрулирование окраин, либо рейд «по наводке», или «зачистку». «Плохо, — подумал Ульрих, — при любом варианте — плохо».

Патрульный «Додж», чуть прошуршав дверь, впустил экипированный в «двойку» отряд и глухо хлопнул, отделяя внешний мир от своего бронированного нутра. Командир был уже там.

— Тишин — водитель, — приказал сержант. — Воронов — оружие, Мещеряков — правый борт, Долгов — левый. Сегодня, хм... команда, патрулируем восточную зону.

Вот это было совсем плохо. Восточные районы — мерзкое место. Несколько лет назад (Ульрих тогда еще был кадетом) именно там вспыхнула трехмесячная война между группировками людей-м «Спартак» и людей-ж «Гемма». Объединенные войска взяли районы в кольцо, только это спасло положение, и бои не распространились на всю Москву.

И сейчас Восток оставался самым нежелательным местом для дежурства. До сегодняшнего дня Ульрих там не работал. Притоны самого разного вида, игорные дома, бордели для людей-м и людей-ж (мерзость). Минус настроению, минус долбанному дню, минус.

Артур Тишин устроился на водительском месте, надел рулевые перчатки, включил экраны переднего и боковых обзоров.

— Готов, — доложил он.

Ульрих протиснулся назад (самое тесное место), нацепил очки объемного зрения, повращал стволом ультразвуковой пушки.

— Готов!

— Работаем! — сержант включил связь внутри шлемов. — Ну, ни пуха! Вперед.

В ухе Ульриха пикнуло: пошла запись патрулирования отряда быстрого реагирования №6 (21 августа 2158 года, 18.00 по московскому времени)...

...Ульрих на минутку прикрыл глаза: от постоянного напряжения под веки будто песок насыпали. На удивление первая половина дежурства прошла спокойно. Ни одного серьезного происшествия. Несколько драк, один несанкционированный митинг радикалов-м...

— Рядовой-ж Соболева — оружие, Долгов — водитель, — услышал приказ сержанта. — Тишин — ле-

вый борт, Воронов — левый. Всем пять минут перерыв, Мещеряков — охра...

Гладищева прервал длинный сигнал тревоги в микронаушниках шлемов.

— Шестой отряд ОБР, сержант Гладищев, — доложил командир.

— Наводка системы безопасности. Сектор 29-72, сектанты «А», количество не выяснено, степень угрозы — не выяснено. Задача — провести арест группы.

— Шестой отряд ОБР, вас понял, — отрапортовал Гладищев.

Связь пискнула, запись продолжилась.

— Отдых отменяется. Вперед, маль... люди-м и люди-ж. Застегнуть броню, приготовить маски, проверить оружие.

— Готов!

— Готов!

Внутри у Ульриха холодком разливалось щемящее чувство опасности. Чертовы психи, сектанты. Маска, поднесенная к шлему, металлически клацнула, соединяясь в единое целое. Достал парализатор, проверил заряд — полный. Бронекостюм вроде застегнут. А, нет, шея. Ульрих провел рукой, застегивая защиту.

По дрожи «Доджа» Ульрих понял, что они уже едут.

— Отряд, слушай инструктаж. Задание: зачистка сектора 29-72, цель: сектанты «А». Если кто забыл: у них отсутствует понятие о нормах общества. Поэтому первое: не слушать, не обращать внимания на слова. Второе: сектанты «А» главными считают людей-мужчин, поэтому первыми обезвреживаем именно их. Третье: но не надо недооценивать людей-женщин...

Недооценивать людей-женщин перестали лет двадцать назад, тогда террористы-смертницы провели взрыв на вручении Нобелевской премии мира. Радикалы-ж выразили протест против присуждения премии человеку-м.

— Слушай, Ульрих, — тихо позвал Семен. — Сектанты «А», это которые главным считают любовь, что ли?

— Ага, — так же негромко отозвался Ульрих. Слово-то какое — любовь!

— Совершенно верно, рядовой Тишин! — вмешался Гладищев. — Которые проповедуют унижение одного человека перед другим, если быть точным. И которые вступают в противоестественные отношения, называемые прежде семьей. И которые производят детей вне закона. А из подобных детей не может получиться достойный гражданин современного общества. Так, рядовой Соболева?

— Так точно, сержант ОБР!

— Так точно! А наша задача оберегать наше демократическое общество от подобного!

Ульрих внутренне содрогнулся. Любовь! Немыслимый пережиток прошлого. Семья. Представить себе проживание с человеком-ж. Возвышение одного и унижение другого. Разве можно жить с... Инной

Инновной? Или Соболевой? Он взглянул в спину человека-ж, вспомнил ее чуть угрюмый, раскосый, стальной взгляд. Передернул плечами: невысказанно.

— Вот дерьмо, то есть они сами делают детей? — спросил Семен. — И у каждого получается два родителя, так чтоли?

— Да! — отрубил сержант. — Глубокие познания! Хватит об этих извращениях! Отслужишь двадцать лет, получишь право на ребенка. И отправишься в лабораторию «Жизнь», и закажешь, и получишь ребенка для воспитания. Все! Таковы свободы и обязанности нашей страны!

Молчание.

— Сержант ОБР, а у Вас есть ребенок? — спросила Соболева.

— Я написал рапорт еще на двадцать лет. Я не нянька, я воин!

— Но разве в этом смысл жизни? — вновь спросила Соболева.

— Отставить разговор! Хватит засорять эфир, рядовой-ж Соболева!

Ульрих увидел на своем экране красную сетку корректировки из участка. Она оплела невысокое одноэтажное здание, в шлемах вновь заверещал тревожный сигнал.

— Сержант ОБР! Сканеры засекли указанную цель по левой стороне, — доложил Ульрих.

— Двухминутная готовность. Включить видеорежимы.

«Додж» подплыл к зданию и резко остановился.

— Отряд! — голос Гладищева глуховато зазвучал в захлопнувшейся маске. — Помните, это психически ненормальные люди! Действуем жестко, по инструкции! Воронов слева, Тишин справа, Соболева и Дол-

гов — центр. Я прикрываю. Мещеряков, идешь через три минуты, отвечаешь за связь. Вперед!

Ульрих выпрыгнул из машины. На внутреннем стекле маски немедленно нарисовался полупрозрачный план стоящего перед ним здания. Красными точками были отмечены стоящие у входа бойцы ОБР.

Отряд, хрустя битым стеклом и мусором, быстрым броском преодолел полтора десятка метров до входа и ворвался внутрь. Там было темно, маска мгновенно переключилась в режим ночного видения.

— Справа чисто, — негромко сказал Артур.

Ульрих, проведя осмотр, также произнес:

— Слева чисто.

— Продвигаемся вперед, ищем вход в подвальное помещение.

Вход был найден быстро. На сомкнутых железных ставнях, в самом углу белел знак — маленькое сердце в круге. Знак секты. Мурашки поползли по спине Ульриха. Всего лишь люди, напомнил он себе.

— Здесь! Заряд! — приказал Гладищев.

Отрывисто грохнуло. Первым между искореженными ставнями мелькнул Долгов. Соболева — следом. Прикрывая друг друга, отряд стремительно скрылся в рваной дыре подвала.

Ульрих спешил спуститься по ступеням, впереди, в клубах пыли светил прямоугольник двери.

— Соболева, гранату! В дверь! — приказал сержант. — И еще раз: всем внимательно!

Он включил наружные громкоговорители, и в тесном помещении заревел многократно усиленный голос:

— Всем лечь на пол! Отряд охраны правопорядка города Москвы! При сопротивлении будут исполь-

зованы соответствующие контрмеры! Всем лечь на пол!

– Затемнение, – раздалась команда в шлеме; Ульрих включил затемнение маски.

Яркий свет на миг вспыхнул, Ульрих бросился за сержантом. Странно, но страх совершенно прошел. Сердце, накачанное адреналином, бешено стучало. Сектанты «А». Главные – люди-м. Действуем по инструкции.

В большой комнате находилось десятка полтора людей. Некоторые лежали на полу, некоторые, словно слепые, шарили руками после взрыва световой гранаты.

– На пол! Всем на пол! Неподчинение приравнивается к сопротивлению! – вновь загрохотал в громкоговорители Гладищев. Люди попадали на землю.

– Мещеряков, вызывай перевозчик. Тишин, Долгов – охрана. Воронов, Соболева – дверь справа, я проверю дверь слева, – проговорил микронаушник.

Ульрих двинулся к темневшему проему в стене. У самой двери он переглянулся с Соболевой. Кивнул – прикрой, ногой распахнул дверь, запрыгнул внутрь.

– Чисто.

Двигаясь с предельной осторожностью, они прошли недлинный коридор. Соболева протиснулась вперед:

– Прикрой ты.

Она распахнула дверь и исчезла внутри.

– Чисто.

Едва Ульрих шагнул внутрь, как что-то сильно ударило его по шлему, срывая маску. Он отшатнулся, ударился спиной об стену. Соболева лежала на полу, разметава руки в стороны. Прямо перед собой Ульрих увидел излучатель парализатора.

– Убийца!

Парализатор сжимала в руках человек-женщина. Лет двадцати. Но... как же она отличалась от привычных людей-ж. Густая копна мягких волос спадала на плечи. А взглянув в темные, горящие гневом глаза, Ульрих почувствовал словно укол в солнечное сплетение. Во рту стало сухо, и, сам не зная для чего, он спросил:

– Кто ты?

Удивительные глаза вдруг стали еще больше, в них промелькнуло нечто неуловимо прекрасное, абсолютно неуместное в этих условиях. Ульрих стоял, словно загипнотизированный. Он даже не обратил внимание, как излучатель парализатора стал опускаться вниз. Он смотрел, смотрел и никак не мог насмотреться. Голова кружилась.

Над ухом негромко прожужжало, Ульрих узнал характерный звук парализатора.

– Нет! – вырвалось у него.

– Все в порядке, рядовой, – по плечу хлопнула рука Гладищева. – Немного страшновато, да?

Он ногой толкнул упавшую незнакомку, наклонился и вырвал из руки парализатор.

– Нападение на сотрудника ОБР при исполнении. Двадцать лет в одиночке.

Ульрих чувствовал себя так, словно заряд парализатора угодил в него. Нечем было дышать, он глядел на безвольное тело, лежащее у ног. Мир вокруг кружился и терял устойчивость. Терял все внушаемые много лет установки. Мораль, этика, общество...

Чуть подрагивающие темные глаза. И – что-то очень теплое в их глубине. Ульриху вдруг подумалось, что когда он заведет ребенка, то он... она (прежде его ужаснула бы такая мысль!), чтобы... была похожа на нее. И такие же глаза.

Его вдруг оторвало от стены и вновь припечатало к прохладному бетону.

– Рядовой Воронов! Слушай сюда! Слушай сюда, щенок!

Это помогло очнуться от наваждения и взглянуть на Гладищева.

– Послушай меня. Слышишь?

Сержант отскочил к лежащей Соболевой, перевернул ее, сдернул маску. Затем рывком поднял рядового-ж на ноги и прислонил к стене рядом с Ульрихом.

– Слышишь меня, рядовой? Соболева! Слышишь?

– Да, сержант ОБР, – тихо ответила Вера.

– Ты спрашивала: в чем смысл этой жизни, помнишь? Помнишь?!

– Да.

– А смысл моей дерьмовой жизни в том, чтобы таких, как ты, женщина, и таких вот, как он, – Гладищев кивнул на Ульриха, – спасти от такого вот дерьма. А знаешь почему? Знаешь?!

Он тряхнул рядового-ж, и Соболева чуть застонала.

– Потому что я мужчина! И это моя работа, моя!

Сержант отпустил Веру и шагнул к двери. Обернулся и посмотрел на Ульриха.

– И ты мужчина. И это твоя работа! Не женщин, не ее. Твоя. Так что привыкай.

– Но ведь... А как же... я... – Ульрих указал на лежащую незнакомку.

– А этого, рядовой Воронов, ничего нет. В этом мире ничего этого нет. Только так. По-иному нельзя. Поверь мне...

Гладищев наклонился к самому лицу Ульриха, снял шлем и тихо спросил:

– А ты знаешь, почему я написал рапорт еще на двадцать лет? Я хочу завести двух детей. Мальчика и... девочку. Но в этом мире по-другому... никак. Привыкай, рядовой.

Гладищев надел шлем и вышел из комнаты.

Ноги не держали Ульриха. Он сполз по стене, сел прямо на пол.

В голове царил полный сумбур, воздуха по-прежнему не хватало.

В глазах вдруг стало сыро.

Рядом всхлипывала рядовая-ж Вера Соболева.

Мир сошел с ума. Мы все сошли с ума.

* * *

Как Диоген с зажжённым фонарём,
ищу без сна, не смеживая веки,
в уездном городишке человека,
заглядывая в лица день за днём,
за веком век... Так ищут циферблат,
движение стрелок по спирали или,
события переиграть не в силах,
так принимал решение Пилат —
светильник не гасить, но уступил
слепой толпе. Так я ищу в руинах
былой цивилизации, в картинах
её адептов — суть согбённых спин.
Так я ищу мыслителя глаза
с зажжённым фонарём, в уездной скуке...
Но нет, не нахожу... Какие муки!
И кто из вас искать мне подсказал
Афины здесь, и кто разрушил их?!

* * *

Квадрат окна... Ты пробовал решить
несложную задачу разделенья
его углов на пять? Так на колени
ты опускаешься. Так, согрешив,
в анамнезе находишь угол свой,
читаешь подходящую молитву,
и вот уж тень твоя ночной улиткой
вползает, обнаруживает свод,
пятиугольник стен, окна — и ты
осознаёшь, как в сущности нелепа
попытка суицида — женский лепет.
Ты видел разведённые мосты —
бездарную попытку разрешить
всё ту же философскую дилемму
двух берегов? Задача на деленье,
когда в кармане сущие гроши,
оставшиеся от имперских форм!

* * *

Дождь спускает на землю косые линейки...
И. Бродский «Фонтан»

Устанет время назначать сатиров
послами на торгующий Арбат.
Скрипеть устанет старая арба,
влачащаяся с пира.
Устану я и удалюсь в пенаты
писать благочестивый натюрморт
с мощами моралиста... Томас Мор,
снискавший за дебаты
в делах Европы славу утописта, —
устанет ждать. И только Дионис,
не без протекции богов, на бис —
себя к весне причислив —
въезжает на Арбат... И с ним сатиры
встречаются, приветствуют вождя.
Линейки опускаются дождя
и, смыв ориентиры,
смывают всё, что ждало обновления!
Конец цивилизации...

* * *

Так время истекает из сосуда
моих скитаний. Так спешит восток
ушедшему на запад. Так у ног
рождённого Иудой
песок струился будней Гефсиманских.
Так помню я свой Вавилон в числе
пленённых с Ним — неизгладимый след
остался жёлтой маской
на высохшем лице моём. Так сладок
воспоминаний тех горячий мёд!
Но кто из вас, но кто меня поймёт —
откормленное стадо
на пастбищах голодных межсезонья?
Но кто воспримет окрик мой как суд
над глупостью?.. Вина не поднесут
и вряд ли кто изгонит
из Вавилона алчущее племя!

Юрий Викторович Тоскалёв родился в 1946 г. Среднее образование получил в 1963 г. В настоящее время пенсионер, инвалид I гр. по зрению. Лауреат городского конкурса имени святителя Иоанна Златоуста 2002 г. в номинации «Поэзия». Неоднократный лауреат городских, областных фестивалей творчества инвалидов в номинации «Поэзия». Дипломант 3-го областного фестиваля 2004 г. в номинации «Поэзия». Номинант международной премии «Филантроп» 2000, 2002, 2004 гг. Член Союза писателей России с 2005 г. Челябинская обл., г. Златоуст.

* * *

Январь — морозный и скупой.
 И в зеркалах двуликий Янус
 мерещится, и век наш канул,
 и форум рухнул под пятой.
 И наши храмы для войны
 открыты. Призваны народы,
 но нет ни выхода, ни входа,
 свободы все упразднены.
 Двуликий Янус... Помнит Рим,
 не помним мы предназначенье
 двух лиц его. Что стоит тщенье —
 не зная правил, ни игры —
 идти вперёд! Смотреть назад —
 в то прошлое, где мы двулики?
 Где мёд речей разлился липкий?
 Нет, лучше выколоть глаза
 мои и вырвать мой язык!

* * *

Мой праздник, нашумевший на исходе, —
 не философствует, строкой не бредит,
 как будто кто забыл по красной меди,
 античной, разбросать из обихода
 Евтерпы юной пригоршню-другую
 июньских пчёл... Как будто кто из ближних,
 из братьев по перу, ушёл из жизни —
 Иосиф мой, — с которым одесную
 сидел б теперь, когда бы повстречался
 с ним, несвободным, в северной столице.
 О, праздник мой! Когда бы ты продлился
 на век, на два, но не хватает часа
 до полночи — продолжить исчисленье
 витков спирали...

* * *

Любили ль вы? И кто из вас ответит
 из мальчиков, из близнецов июньских,
 рождённых от войны при свете тусклом
 светильника? Расстрелянные дети
 не смотрят в зеркала. Любили ль в прежней,
 в той жизни где-нибудь на Апеннинском
 побережье... или тогда, под Минском,
 в болотах, разлагающихся между
 двух берегов на полосе нейтральной?
 Любили ль вы смотреть вязальной спицы
 на острие — присущая лишь птицам
 способность видеть завиток спирали
 речной улитки с высоты полёта?
 Мечталось ли на игрищах июньских,
 когда сидели на карнизе узком
 над бездною — как я над переплётом
 своих экспериментов рукописных
 сию один теперь... Горит светильник.
 Над Апеннинским побережьем ливни,
 и небо на крылах усталых виснет
 из века в век.

Рис. А. Митрофановой

* * *

Туман. Свиданье. День осенний
 с Лолитой, где-нибудь на Невском.
 И неожиданное бегство
 в провинцию — из опасенья
 быть схваченным дворцовой стражей
 за индульгенции — попытку
 продать иллюзию со скидкой,
 как предлагают в Эрмитаже
 взглянуть на зимний сад. Лолита
 останется любить за кадром
 из Рио маленького падре,
 похожего на тень пюпитра
 без нот. Я расstaюсь с интригой
 быть узанным при распродаже,
 распятым быть. Туман бумажный.
 Эзотерические игры.
 Провинция. Сентябрь. Застенок.

Дядя*

Началось все с того, что мы с Серым решили загулять от своих жен и, подойдя к делу обстоятельно, теплым майским днем отправились в лес, чтобы под предлогом шашлыка обсудить диспозицию.

Закупив все необходимое, мы забрались в серегину машину и вскоре были на симпатичной полянке в реденьком лесочке, за которым расстиралось бывшее колхозное поле, ныне плотно оккупированное бурьяном.

Мы вытащили из машины мангал, складной стол, стулья, пакеты с продуктами и, набрав дров, занялись делом. Серега возился с костром, а я нанизывал на шампуры сочные кусочки маринованной свинины с лучком и помидорами, и закончив с этим, принялся накрывать на стол, центр которого украсили три бутылки «Киндзмараули».

Когда я закончил с сервировкой, дрова уже прогорели. Серега придирчиво оглядел алеющие угли и потянулся за шампурами.

Мы стояли у мангала, вдыхая божественный запах, исходящий от мяса, когда мой кореш кивнул куда-то в небо в направлении колхозного поля и благодушно заметил:

— Ни фиги ж себе облако! Прямо летающая тарелка!

Действительно, на совершенно чистом небе белело овальное нечто с ровными краями.

— Ага, — поддакнул я, — сейчас к нам прилетит. Только низкий старт примет.

Серега издал носом звук, призванный показать, что он оценил мою шутку, а затем приподнял шампуры над мангалом, собираясь переложить их на тарелку.

И тут случилось нечто из ряда вон выходящее. По периметру облака понеслась цепочка разноцветных огней, и эта хрень на сумасшедшей скорости рванула в нашу сторону.

— Блин, — прошептал Серый и, уронив шампуры в мангал с раскаленными углями, начал резво отступать к машине. — Санька, вали оттуда! Что ты застрял?

Я честно хотел последовать за ним, но почувствовал, что не могу пошевелить даже пальцем. Это был ночной кошмар наяву. Я слышал, как истошно вопит Серега, видел, как на меня несется НЛО, и стоял огородным чучелом, только дырявого ведра на голове не хватало.

А «тарелка» в это время зависла над бывшим колхозным полем рядом с нашей лесополосой и мягко опустилась на грунт. Сквозь редкие деревья я видел ее поблескивающий корпус в цепочке огней и не мог даже удивиться этому. Потом огни погасли, и воцарилась тишина. Прошло несколько минут, и я, наконец, увидел Его.

Это нечто было росточком около полутора метров, все покрытое зеленоватой кожей, с тоненькими ручками-ножками и непропорционально большой головой, на которой выделялись огромные глаза без белков. На его теле не было ни одной волосинки и каких-либо признаков пола.

Пришелец остановился в метре от меня и стал разглядывать вашего покорного слугу, стоящего перед ним столбом, словно сушеную саранчу в коллекции энтомолога. Затем, произведя фронтальный осмотр, он медленно двинулся вокруг, с видом туриста, осматривающего Колизей.

Похоже, укокошить меня сразу он не собирался, красть — тоже (он бы тогда подогнал свою тачку поближе к костру — глупо тащить на себе почти центнер живого веса через лесок!). Пришлось затихнуть и ждать разъяснения от этой лягушки-переростка. Наконец незванный гость появился в поле моего бокового зрения и все так же, не торопясь, закончил обход.

Оказавшись на месте старта, он еще немного подумал, потом изобразил передней конечностью какую-то загогулину, и я почувствовал себя опять полноценным членом общества.

** Рассказ занял 4-е место на конкурсе короткого рассказа фестиваля «Аэлита-2008»*

Ирена Гарда (Ирина Вадимовна Афанасьева) — родилась под знаком Весов в год Собаки. Зооинженер, журналист, маркетолог плюс еще десяток профессий. Увлекается восточными единоборствами, цветоводством и вышивкой крестиком. Победительница и финалистка нескольких сетевых литературных конкурсов. Пишет в жанрах хокку, фэнтези и криминальная мелодрама. В 2007 году в издательстве «Панорама» вышел первый роман «Каскадер и Амазонка».

Идентифицировавшись во времени и пространстве, я уставился на него с высоты своего почти двухметрового роста и грозно рявкнул:

— Какого хрена!..

Но мой визави только махнул лапкой и пропищал задумчиво:

— Коэффициент интеллекта стремится к нулю, избыточная мышечная масса, «тройка» по шкале психосоматических реакций... Да, племяш, я надеялся, что ты поприличней окажешься.

— Чего? — Мне показалось, что я ослышался.

— Ты же Александр Воронов, тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения?

— И чё?

— Родился в рубашке, с двумя темечками. Правильно?

— Какими еще темечками? — Происходящее все больше походило на бред, и я почти убедил себя, что валяюсь с бодуна на диване и вижу странный сон. Это соображение принесло некоторое успокоение, и я почти расслабился, с интересом наблюдая за инопланетным чудиком.

— Обыкновенными, — проговорил он с грустью, если, конечно, эти парни умеют грустить. — Если ты действительно мой племянник, то у тебя должно быть два темечка.

Теперь настала моя очередь вытарачиться на него, словно на ожившего птеродактиля.

— Какой еще племянник?!

— Двадцатитрехуродный.

— Эй, мужик, ты что-то путаешь. У меня на вашей Тау-Ките нет никаких родственников.

— Я не с ТауКита, — как-то смущенно откликнулся он.

— Ну, значит, с планеты... Как ее? Черт! Ну той, где Люка Скайуокера прятали.

Тут настал черед озадачиться зеленому.

— Я не знаю никакого Скайуокера. Он не относится к числу моих родственников.

— А я отношусь?

— А ты мой двадцатитрехуродный племянник.

— Ну нет у меня родственников в других мирах! Понимаешь, чувак? Нет!

— А кто тебе сказал, что я с другой планеты?

— Это же и ежу понятно! Если ты живешь не на Земле, значит, где? Правильно, где-то там! — И я яростно ткнул пальцем в чистое небо.

— А вот тут ты ошибаешься. Я тоже землянин, только родился много лет спустя после того, так ты бездарно помер после встречи с приятелями в бане. Выпил лишнего, забрался в парилку — и все!

Я почувствовал, как в голове начинают плавиться мозги и встают дыбом волосы. Чтобы не свихнуться, надо было срочно что-то предпринять. Стараясь не тряхать инопланетного дядю из вида, я отбежал к столу, трясущимися руками схватил пластиковый стаканчик и открытую бутылку вина. Налив живительную влагу так, что рубиновый поток хлынул через край, я выпил ее залпом. Немного полегчало.

Не расставаясь с бутылкой, я вернулся к своему новообращенному родственнику и, в свою очередь, с некоторым сочувствием оглядел его с ног до головы. Мелковат, однако, загар какой-то... экзотический... И глаза, как у перепуганного лемура.

Пауза затягивалась, и я судорожно прикидывал, о чем еще можно поговорить с возникшим ниоткуда дядюшкой, чтобы снова не нарваться на нежелательную информацию. Да я теперь ни к одной бане или сауне ближе чем на полкилометра не подойду!!!

Зеленому чудику, похоже, тоже было некомфортно, потому что он переступил с ноги на ногу и, приняв хавшись, поинтересовался, глядя на позорно брошенный корешем обугливающийся шашлык:

— А это вы кого кремируете?

Час от часу не легче!

— Это мы шашлык жарим, мясо маринованное, чтобы потом съесть. Вкусно!

Для наглядности я выудил наименее обгорелый шампур и ткнул его зеленому под нос. Тот отпрыгнул в сторону, будто я попытался всучить ему гранату с выдернутой чекой.

— Что ты делаешь? — в ужасе завопил дядюшка. — Это же каннибализм! Как ты можешь быть таким диким?

— Он, между прочим, из свинины, а не из человечины, — обиделся я.

— Какая разница! Это существо, наделенное разумом! Вместо того, чтобы ментально с ним общаться, ты его сожрал! И друга, который в вашем убогом транспортном средстве заперся, тоже в это втянул!

И тут я, наконец, обиделся. В конце концов, это еще доказать надо, что сей лягушачий мутант мой родственник. И, кстати, я так и не понял, откуда он взялся на нашем колхозном поле? Я сделал еще пару нехилых глотков из стремительно пустевшей бутылки и перешел в атаку:

— Слушай, ты, не знаю, как тебя там... Давай-ка перетрем пару тем. Ты кто такой?

— Дядя...

— Ага, а новогодняя елка моя тетя... Если ты не от туда (я ткнул пальцем в небо), то как ты сюда попал? И вообще, кто ты такой? Только не вешай мне лапшу на уши, а то уфологам сдам на опыты.

— Человек. СМ2412и190.

— Это что за абракадабра?

— Славянский мужчина, 2412 года рождения, с интеллектуальным коэффициентом, равным 190.

— Бред какой-то!

— Ничего не бред, — в свою очередь обиделся мой чудной собеседник, — имя должно нести информацию. Вот я назвал свое имя, и ты почти все про меня знаешь. А как тебя зовут?

— Саша... Александр Сергеевич.

— Слово «Саша» не несет в себе никакого смысла. Таких Саш в Москве в твоё время было пруд пруди, — прихвастнул эрудицией СМ2412и190.

— А Александр Сергеевич? Это же почти Пушкин!

— Ты умеешь писать стихи? — оживился дядюшка.

— Еще чего! — фыркнул я.

— Значит ты обманываешь людей, прикидываясь великим поэтом. За это наказывают.

— Наказывают! Напугал ежа голой задницей! А сам-то ты что, людей не дуришь? Ты на себя посмотри: какой ты нафиг славянин?

— А что, — повертел своей безволосой головой чудик, оглядывая себя. — Очень даже ничего.

— Какое там «ничего»! Славянин — здоровый мужик с русыми волосами типа меня, а ты кто?

— А я — носитель твоих генов в двадцать третьем поколении. Ты не смотри на мой фенотип: главное — гены! Они у нас нарасхват. Запись на шесть лет вперед.

— Что, все хотят такими, как ты, быть?

— Ну, не все, — засмутился обладатель славянского генотипа, — некоторые хотят, например, чтобы их дети походили на китайцев. Но с этими проще. Их у нас двести чистых линий. С негроидной расой тоже неплохо.

— И зачем вам все это? — потрясенно поинтересовался я.

Мой новообретенный дядюшка огляделся по сторонам, присматривая местечко, куда можно присесть. Заметив складной брезентовый стульчик, он устремился к нему и, удобно устроившись, начал менторским тоном:

— Видишь ли... Александр... В отличие от вашего неупорядоченного общества, мы стремимся привнести в нашу жизнь максимум рациональности. Это экономит массу времени и сил. Вот, например, насколько я знаю, в вашу эпоху люди обзаводились потомством, совершенно не представляя, кого они заполучат в результате.

— Что значит «не представляя»? Ребенка они получают, кого же еще?

— Да, ребенка. Но вы не знаете, будет ли это мальчик или девочка, какой у него будет характер, и на кого он будет похож. Правильно?

— На папу с мамой. На кого же еще?

— Не всегда. У ребенка может вдруг, образно выражаясь, проснуться рецессивный ген, и у двух русоволосых родителей появится рыжий сын. Из-за этого у супругов может возникнуть напряженность в отношениях, появятся пагубные привычки и так далее. Мы решили это безобразие прекратить.

— Опаньки! Вы что там, почкуетесь, что ли?

— Почти. Мы решили, что у нас будет банк генов представителей чистых линий, у которых проявления фенотипических, социальных и прочих характеристик будет предсказуемо на девяносто девять процентов. Гены представителей чистых линий у нас используют по всей Земле.

Совершенно обалдев от такой новости, я смотрел на дядю во все глаза. Что-то тут было неправильно. Что-то не давало покоя, вызывая тревогу. Наконец я хлопнул себя по лбу:

— Постой-постой! Я таки не понял: у тебя вообще член-то есть? Или вы там все беспольные как пупсы в «Детском мире»?

— Пол — это атавизм! — великолепно махнул рукой дядюшка. — После ядерной зимы у нас мужчины, в отличие от женщин, потеряли репродуктивную способность и понемногу вымерли. Солнечная радиация, стрессы, холод, нехватка еды, борьба за жизнь... Пришлось изворачиваться.

— То есть ты — не мой дядя, а моя тетя?! — Я был так ошарашен, что даже не обратил внимания на упоминание о планетарном катаклизме.

— Дядя, Александр, дядя. Мне сделали честь, назначив мужчиной.

— Так, стоп! Помолчи секундочку!

Ринувшись к столу, я схватил последнюю бутылку (предпоследняя была уже приватизирована Серегой, который, выбравшись из машины, сидел на земле, уставившись остекленевшими глазами на дядю) и выпил из горлышка добрую половину. Увы, не полегчало. Пришлось вернуться назад в тоске и печали.

— А как же вы занимаетесь сексом?

— Глупости какие! Это занятие для дикарей.

— А это... Хромосомы мужские откуда берете? — Я судорожно вспоминал школьные уроки биологии.

— Да, этот вопрос занимал нас некоторое время, но потом мы научились заставлять соматические клетки делиться не путем митоза, а путем мейоза. Вот и все дела! Единственная проблема — получают только женские особи. Приходится назначать мужчин. Так я стала твоим дядей. Понял?

Я затряс головой и услышал за своей спиной истошный смех. Это у Сереги сдали нервы. Честно говоря, я тоже был близок к истерике. Черт, ну и жизнь у них, бедолаг!

— Значит ты мой дядя, который бывшая тетя...

— Ну, не совсем, — скромно пожал плечами мой непонятно-какого-пола родственник.

Тут на меня накатила непонятная апатия. Мой мозг начал отказываться воспринимать новую информацию. Кому же хочется рехнуться?

— Ну и кто ты? — вяло поинтересовался я, разглядывая верхушки деревьев, отделявшие нас от колхозного поля.

— Я его клон.

— Клон — слон, — пробормотал я невпопад.

— Не говори глупостей! Это совершенно нормально: вместо себя посылать в опасные места клоны. Не могу же я рисковать своим генофондом.

— Ну да... Конечно...

— Вот видишь, ты тоже понял! Похоже, Александр, ты не безнадежен. Вы же тоже, небось, не очень-то хотите сами в шахты лазить или в космос летать?

Ну что тут ему скажешь? Он ведь дикий совсем. Простых вещей не понимает! Где ж я ему клона возьму, если даже собаку крупнее фокстерьера прокормить не могу.

— Слушай, ты... — начал было я, но потом решил оставить эту скользкую тему. — Ты лучше скажи, как сюда попал, если не из дурдома сбежал?

— На... Как это у вас называется... О, вспомнил! На машине времени.

— На чем?!

— На машине времени. Понимаешь, у нас там, — он ткнул куда-то в небо пальцем, — стоит огромный хронотрон, а здесь в нескольких точках ретрансляторы. У вас эти места называются геопатогенными зонами. На Урале есть, в Ростовской области, еще в нескольких местах.

— Значит вот почему вы то исчезаете куда-то, то появляетесь ниоткуда...

Я допил остатки вина в бутылке, наблюдая боковым зрением, как Серый осторожно подбирается поближе. Я всегда говорил, что любопытство его погубит! Но мне некогда было разбираться в тонкой механике серегиной души, и я вернулся к беседе, больше походившей на допрос.

— Ну ладно, вы такие продвинутые, путешествуете во времени... А что у нас забыли?

— Да ничего особенного! Собираем понемногу биомассу.

— Какую еще биомассу? — опасно поинтересовался я, слегка попятившись.

— Обыкновенную. Кушать-то всем хочется.

— И людей тоже едите? — При этом вопросе я почти перестал дышать, а Серега, наоборот, запыхтел, как паровоз.

— Глупости какие, — укоризненно покачал головой дядя, — мы же не каннибалы. Нам подходит любая биомасса.

— И опилки тоже?

— И опилки. Мы вывели несколько штаммов бактерий, которые перерабатывают любую биомассу в суфле. Мы бы, конечно, с большим удовольствием обошлись своими силами, но пока еще с трудом уходим от Катастрофы.

— Катастрофы?!

— Ну да, я же тебе сказал, что у нас была война, потом ядерная зима. И вот сейчас мы стали понемногу от всего этого оправляться... Кстати, пока мы сидели в подводном бункере, пережидая ядерную зиму, наши биологи сделали прорыв и, добавив нам несколько генов тритона, научили организм регенерировать утерянные конечности. Очень удобно.

— Офигеть можно! — выдохнул у меня за спиной Серега. — Послушай, чувак, а зубы у вас тоже вот так запросто отрастают?

— Элементарно! — отмахнулся от такой ерунды СМ2412и190.

— Класс! — восхитился Серега, который с утра ходил к стоматологу. — Вот бы мне туда!

— Ну, у нас тоже все не так здорово, — засмутился вдруг мой дядюшка. — Иногда происходят сбои, и конечности начинают расти сами собой. Мне как-то пришлось лишнюю руку ампутировать. Но это полная ерунда по сравнению с появившимися возможностями!

Судя по тому, что Серега уже не просился в будущее, перспектива отрастания лишнего десятка зубов моего приятеля явно не вдохновила.

Дядюшка тоже подустал от исторического контакта, поэтому переступил с ноги на ногу и робко поинтересовался:

— А что это у вас на столе?

— Ну, это мы решили немного отдохнуть на природе, — промямлил я, не понимая, к чему клонит СМ2412и190.

— А можно попробовать вашу пищу? Мне еще ни разу не приходилось...

Он смущенно посмотрел на меня своими огромными печальными глазами.

— Конечно! Пойдем, я тебя такой колбаской угощу!

— А если он съест нашу пакость из супермаркета и помрет? — тихо прошелестел у меня за спиной слегка оживший Серега. — Потомки нам этого не простят.

— Отрастит новый желудок. Ты же слышал — у них с этим запросто, — парировал я.

И мы принялись за трапезу. Колбасу дядя есть отказался наотрез, а вот хлеб с овощами навернул за милую душу. Мы с Сереегой пошарили в мангале, нашли не до конца обгоревшие кусочки шашлыка и под неодобрительными взглядами любителя ментального общения со свиньями составили ему компанию.

Спустя пару часов начало темнеть. Наши с Сереегой мобильные телефоны раскалились от звонков встревоженных супругов. Дядя стал собираться домой в свое далекое После-после-послезавтра, и мы пошли его провожать.

У кромки леса он вдруг остановился и, помявшись, пробормотал, глядя мне в душу глазами испуганного лемура:

— Саша, не мог бы ты выполнить одну мою просьбу?

— Запросто, — пообещал я благодушно. — Тебе что, ближайшую лесопилку показать?

— Да я не об этом, — махнул рукой дядя, и — мне показалось или нет — у него на зеленых щеках проступил румянец. — Я читал в старинных книгах, но никогда не пробовал... А ужасно хочется...

— Что?

— Не мог бы ты поцеловать меня на прощание? Все-таки я до Посвящения был женщиной...

У меня чуть не сорвалось совершенно нецензурное пожелание идти этой лягушке куда подальше, но, взглянув в огромные, заблестевшие от выступившей влаги глаза, я вдруг наклонился и поцеловал своего дядю, который все-таки остался женщиной, так, как не целовал Светку даже в медовый месяц. За спиной смущенно крякнул Серега...

Тарелка давно уже исчезла за горизонтом, а мы с Серым все смотрели туда, где последний раз мелькнули ее огоньки.

Наконец, Серый тяжело вздохнул и проговорил каким-то извиняющимся тоном:

— Слушай, Санька, поехали домой, а то Ленка заждалась. Она хоть и зараза, но все-таки классная баба. А я перед отъездом так и не вынес мусорное ведро...

* * *

Легко. По линиям воды,
По талым лункам лунных пятен
Мне ночью мир почти понятен,
а утром — бледные следы,
насмешки галок в синеве
над беспризорностью жилища,
в котором я как третий лишний
с ненужным даром в рукаве.

* * *

Когда так много вязкой тишины,
что не уплыть в другую половину.
Когда снега под снегом не видны,
морозом заколоченные в глину,
а до капли, черт возьми, дожить
так хочется, вцепившись мертвой хваткой
в неровный край, пока еще дрожит
кленовый лист — простуженный и ватный —
на нитке потайной.

Когда саднит
молчанием надорванное горло,
и немота беспамятству сродни,
и все твои приметы утро стерло
с ладони января, и не прочесть
на память ни строки. Когда намека
не вымолить на радостную весть,
и эта боль (дремавшая до срока),
коснувшись, не оставила следа
твоей улыбки детской, а минуты
остры, как бритвы.
Наконец, когда
свет перемешан пополам с мазутом,
и время, как ослепшая пчела,
в висок незряче бьется, чтоб начаться,
но нечем: даль вечерне отцвела,
и вроде бы пора уже прощаться...

Мне ангел вдруг слетает на плечо
и тихо шепчет: «Поживем еще».

Оригами

Звенит невлевоневправом ухе,
в затылке тяжесть и ломит плечи —
кажись, сегодня зима не в духе:
с размаху рубит,
с плеча калечит!
Голубоглазый снег озорует:
вселенский мусор в карманы прячет,
тепла остатки легко ворует —
стучит не сердце в груди,
а мячик
по кромке ребер скользит устало
и замирает все чаще... чаще...
И замирает...

Как нужно мало —
проснешься утром
ненастоящим:
бумажным зверем — бери и комкай!
И холод жадной голодной мышью
снует по венам, пустым и ломким,
но ты и это
уже не слышишь.

* * *

Нас утром жизнь отпросит у судьбы,
а ночью смерть надышит медь на веки.
И дни, как придорожные столбы,
потерянно уткнутся в снег. И реки
во сне зайдутся льдом. И облака
нахохлятся... но с ангельской подачи
отыщут нас в глубоких тайниках —
и в голубые травы перепрячут.

* * *

Б. Рыжему

Облака попадали на лес,
парашют луны повис на ветках —
чтобы дотянуться до небес,
нужно просто встать на табуретку.

Душным маем, словно сургучом,
запечатан вдох. Но сколько света
зацепилось за твое плечо,
за хромую ножку табурета,

Миронова Елена Степановна рдилась в 1976 году в городе Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Участница литстудии «Ступени» (г. Н.Тагил). Публикации в журналах «Урал», «Введенская сторона», в «Литературной газете», в коллективных поэтических сборниках и альманахах, в местной прессе.

в комнате, где ты сейчас стоишь,
комкая больную ночь в ладонях...
Звезды на тебя с окрестных крыш
плятятся, гривастые, как кони,
и завидуют, не ведая о том,
что, измерив взглядом дня хоромы,
ты ослеп и непослушным ртом
ловишь воздух. Только встала комом
в горле жизнь. И (так уж повелось)
завернувшись в память, как в рубаху,
ты шагаешь вниз. Один. Насквозь.
Забывая о петле и страхе.

Облака вповалку над тобой.
Под тобой камыш весны вповалку —
там по пояс в хляби голубой
твой сынок играет с жизнью в салки.

* * *

Перезабудь, едва-едва начав, —
зачем будить луну, дыша на блюдца.
И если завтра больше не проснуться —
невелика последняя печаль:
перерасту траву в большой траве,
раздам свои трофейные знамена
и, заглядевшись на кораблик клена,
в какой-то миг забуду о себе.

Из двух причин родится новый свет,
перелистнет задумчивую воду...
А я вдруг отличу свой силуэт
от непогоды...

Осенний марафон

1.
Выпасть из сносок в конце сентября.
Вычесть себя незаметно из суммы
желтых стрекоз. Раздвигая края
времени, больше уже не думать,
сколько еще отцветать на ветру,
плюща зубами огрызок речи,
и, коньяком разбавляя хандру,
в глотку хрущевки втискивать плечи.

2.
Проще простого — свет отменив,
обезоружить любую подробность,
вытряхнуть имя из хроник и книг
и налегке, наплевав на робость,
выскочить разом из всех паспортов,
перезабывать адреса... пароли... —
прочь от тебя! От себя! От той
нежности хрупкой и громкой боли.

3.
Боже! Вот так-то и сходят с ума!
Много ли толку в мушином побеге?!
Самая прочная в мире тюрьма —

тело, твердящее о ночлеге;
пульс, обретающий силу в тепле,
в траченном молью домашнем уюте...
Утро скорее спешит повзрослеть,
чтобы меня научить чему-то.

4.
Вывешу новенький полдень, как флаг —
он мне напомнит о важности вдоха.
Небо нашарит забытый пятак
солнца в кармане торговли-эпохи.
И на последнюю медь сентября
я в магазине куплю карамели,
перелистаю страницы недели,
так же, как в детстве, — листву букваря.

Рис. Яны Ахметшиной

Белое-белое

Белое-белое в варежках детского сна —
Бог поутру надышал этот сон на стекло.
Время болело вчера, а сегодня страна,
переродившись, упрямо встает на крыло.

Тренья пера о неровную кромку небес,
чуткое эхо нездешних глухих голосов...
Падает пух — и глубокий бескровный порез
в стылой земле заживает за пару часов.

Детские люди, к пальто прицепив пару крыл,
дебри зимы обживают без всяких помех,
и от усилий их маленьких трепетных жил
снежный и добрый растет за окном человек.

Ремни

Маленькая повесть

Автор не «дорос» до войны: мне было 16, когда она кончилась. Но я учился с фронтовиками, слышал от них немало такого, чего и сегодня не напечатаете. Одна из историй на всю жизнь врезалась мне в память, — она и легла в основу этой повести. События в ней — подлинные.

— А по-честному, лейтенант, была, поди, мыслишка: пока полгода натаскивают в училище, — глядишь, и война кончится? — с хитроватым прищуром спросил замполит.

— Я офицером хотел... — смешался от неожиданного вопроса Сергей. И уже тверже добавил: — Без мыслишек.

Но это было уже в конце их разговора, через час после того, как лейтенант Шеремет, точно по предписанию, в 15-00, прибыл в расположение батальона. Провели его к командирскому блиндажу, велели подождать. Минуты не прошло, — оттуда вышел замполит. Сказал, что у комбата на проходе большое начальство, и потому поговорят они на свежем воздухе, — благо, стрельба утихла и погода нормалёк. С этими словами повел лейтенанта по глубоко прокопанному ходу сообщения к тому месту, где он немного расширился, образуя как бы небольшую нишу. На дне ее была скамейка, вернее сказать, просто опертая на вбитые колышки доска, — там они и присели.

Шеремет думал: минут на пятнадцать. Но пока замполит придирчиво просмотрел документы новичка и заодно все бумажки в его планшетке, а потом стал прощупывать лейтенанта всякими каверзными вопросами, — стрелка новеньких часов Сергея подползла к четырем. И все это время над передовой, под серым мартовским небом, висело затишье, — ни единого выстрела ни с нашей, ни с немецкой стороны.

— Боеприпасы фрицы беречь стали, — объяснил замполит, крепко с простецким деревенским лицом, на котором читалось, однако, что лыком он не шит, все

уставы и указания сверху знает назубок. — Кенигсбергерто зажали со всех сторон. Сзади только море, а там — наши подлодки...

Он встал с низкой скамейки. Поднялся и Шеремет.

— Хочешь глянуть? — замполит кивнул на бруствер, над которым покачивались на ветру какие-то вытравившие веточки-ростки вперемешку с травяной ветошью. — Это у нас вроде запасного наблюдательного пункта.

От такого предложения — не хочешь, да глянешь. Сергей взялся рукой за вбитую в глинистую стенку палку, вдвинул носки сапог в аккуратно заглубленные чьей-то лопаткой выемки и приподнялся к брустверу.

— Только через ростки г`ляди, — напутствовал голос снизу. — Снайпера у них бьют без осечки.

Ну, эту премудрость еще в училище вдолбили: из окопа зри сквозь траву либо какой кустик. Веточная малышня колыхалась, но глаза Шеремета сразу ухватили и уходящую влево линию наших траншей, и изрытое воронками поле, за которым виднелись кирпичные строения какого-то фольварка, — узла немецкой обороны.

— Слазь! — потянул его за сапог замполит.

Сергей послушно прыгнул на доску, где они только что сидели. Вот тогда вдруг и задан был ему тот вопрос:

— А по-честному, лейтенант, была, поди, мыслишка: пока полгода натаскивают в училище, — глядишь, и война кончится?

— Я офицером хотел... Без мыслишек. — Ответил, вроде бы, достойно, но чувствовал: не укрылось от хитроглазого политрука его секундное смятение.

Михаил Петрович Немченко родился в 1928 г. в Свердловске. Окончил Уральский университет, факультет журналистики. Работал в газетах, редактором в издательстве. Автор семи книг фантастики, юмора и просто прозы. Член Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

— Ну-ну, — на губастом лице замполита мелькнула усмешка. — Ладно, пойду доложу о тебе комбату. Жди. — И ушагал.

А ведь почти угадал, чертяка... Когда пришла Сергею повестка, отец, учитель физики, воевавший еще в Гражданскую, сказал:

— У тебя десятилетка, просись в училище. Время выгадаешь. Фронт-то уже на пороге Германии. Есть же у них поумней генералы, — может, скинут Гитлера да капитулируют. Летом не вышло, вон сколько их перевешал. А теперь, когда отступать уж некуда, — может, у других и выйдет...

В отцовские рассуждения верилось не очень. И все же теплилась в душе тайная искорка: а вдруг и правда... Но пригласа та искорка, когда в марте 45-го легли на курсантские плечи Сергея Шеремета погоны с двумя звездочками, а с ними и направление, — в штаб фронта, в Восточную Пруссию.

Отец, однако, не терял надежды.

— Может, вот сейчас на фюрера своего новое покушение готовят, — говорил он, когда сидели они втроем с дядей, в тот последний вечер, за скудным прощальным столом, на котором, однако же, стоял сбереженный отцом еще довоенный шкалик. — Видят же немцы: капут пришел, обложили со всех сторон. Союзники-то бомбежками город за городом уютжат. И наши бомбовозы дают прикурить. Берлин, говорят, уж наполовину в развалинах.

— Вот и надо их с неба гвоздить, да с моря, да из дальноточных орудий, да блокадой зажать намертво, пока пардону не запросят, — кивал седой головой дядя Павел, старший брат отца. — Гвоздить — и ждать капитулянку! А в наступления эти убойные людей больше не гнать, — хватит уж! И так пол-России трупами устлали... — И безнадежно махал костистой, в набухших венах рукой. — Да нет, все равно погонят. Что ему, царю кремлевскому, людская кровь?! Ему лишь бы поглубже в Европу влезть, побольше земель да стран под власть свою отхватить...

«Ну, «стратег», — усмехался про себя Сергей, прочно усвоивший на политзанятиях, что Сталин — великий вождь и полководец, под чьим водительством раздавлена будет фашистская гадина в ее гнезде, и взовется над Берлином знамя Победы. Усмехался, не принимал дядины словеса всерьез, а все равно жалко было старика с порушенной его жизнью.

Сережа еще во втором классе учился, когда исчезла тетка, жена Павла. Мать на вопрос сына ответила кратко: «Ушла она от него». И правду Сергей узнал только за год до окончания школы. Мать к тому времени умерла, рак у нее оказался. А дядю новая беда подкосила: сын-студент в лагерь загремел всего-то за какой-то анекдотишко. Вот тогда и открыл Сергею отец, куда тетя Поля делась: сгнула в тюрьме за то, что стала хлопотать за раскулаченных своих родителей. Сын дядин, Сережкин двоюродный брат, в лагере, правда, не задержался, — милость к нему проявили: отправили на фронт вину искупать. А через пару месяцев похоронка пришла...

Жалко было сгнувшую родню, тяжело глядеть на постарелого, скелетно исхудавшего дядю, которому, понятно, и на работе, и в коммуналке своей помалкивать приходилось, — только перед братом да племянником выплескивался. Жалко, — но ни тени сомнений не мелькало в правильности самого главного. Отцом еще это было вложено, в школьные Сережкины годы: «Ты погляди, какая стройка кругом кипит! Заводы новые встают, целые города в тайге, крепнет, преобразается страна! А вредителям, врагам всяким это не по нутру. Вот и приходится — облавой на них... А в горячке, в запарке этой и ошибки случаются, честные люди под стальную метлу попадают. Что поделаешь, лес рубят — щепки летят...».

С этой верой и жил, если б постарше был в 41-м, — может, и добровольцем пошел бы в общем порыве. Сейчас-то какой уж порыв, когда похоронки кругом сыплются, а фашизня, идолище это поганое, — похоже, на последнем издыхании. Вот и думалось порой: может, уж без них, курсантов 45-го года, обойдется?

Да нет, не обошлось... Что ж, надо — значит надо. И ехал лейтенант Шеремет на фронт, зная: не сдрейфит, что уж там выпадет на его долю — то пусть и выпадет...

— Занят комбат, — выдернул Сергея из раздумий голос подошедшего замполита. — Велел еще подождать. — И поспешил по каким-то своим делам, оставив Шеремета неловко топтаться без дела в тесной нише хода сообщения.

Прижимался к земляной, на живульку укрепленной жердинами да ветвями из ближнего леска стенке, чтобы дать дорогу то двум связистам, тянувшим какой-то провод, то торопившимся куда-то солдатам. Ни один не козырнул незнакомому мальчишке-лейтенантику. «И не за что, — оправдывал их мысленно Сергей. — Покажи сперва, что ты вправду офицер, а не курсантская зелень»...

А показать мечталось. Коли уж сюда попал, — выбора нет. Как говаривал им в училище майор: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Вот бы сфотографироваться с первым орденом, ну, пусть с медалью, — и послать в Свердловск Вере, с которой была у них любовь с девятого класса. Детская еще любвишка — поцелуи да обнимашки, — на большее она, маменькина дочка, так и не решилась, как ни добивался. Но знал, верил: если вернется, — тогда уж...

И споткнуло мысли на этом «если». В штабе полка дали взглянуть на карту. Только взглянуть, — но и того было достаточно, чтобы сообразить: от этой вот земляной щели до ощерившегося кольцами дотов, рвов, минных полей, бастионов в броне и камне Кенигсберга — километров восемь. И посчастливит ли уцелеть, продираясь сквозь эти нашпигованные смертью километры, — о том лучше не загадывать. А продираться уже скоро, — когда ехал в эшелоне, видел, какая сила сюда валит.

Захотелось еще раз взглянуть на нейтралку. Теперь его никто не торопил, и приподнявшись к брустверу, Сергей внимательно оглядел конопатое от воронок, обтаявшее, но с останцами почернелого снега поле, на

котором немцы, небось, сажали картошку, а может, капусту. Поле было в низине, как и наш передний край, а фольварк стоял попригористой, и протянувшаяся по его краю немецкая траншея тоже угадывалась заметно повыше нашей. Подвезло фрицам с местностью, саму траншею-то едва углядишь: то за кирпичную стену ныряет, само собой, с бойницами, то за кустарником, за деревом таится, то прячется под серыми козырьками каменных укрытий, — дзоты или что-то вроде. Отсюда, из хода сообщения, до немецкой обороны было на глаз метров триста. А от переднего края и того меньше. Чего там о километрах загадывать, ты сперва на этих вот ближних метрах попробуй уцелеть...

Сергей пригнул голову, опустил сапоги на утоптанную земляную твердь, хмуро размышляя, сколько еще будут его тут манежить под равнодушными взглядами время от времени поспешавших мимо окопников. На часах было уже без четверти пять, когда его вызвали, наконец, в командирский блиндаж.

Вошел, напряженный волнением, — а увидел за сколоченным из досок столом наголо бритого малорослого капитана, да еще и в очках, — и зажатость, вроде бы, чуть приослабла. «Лет сорок, а может, и с хвостиком...» — для Сергея это был возраст, уже близкий к старости. Но больше всего поразило, чем занимался комбат: отщелкивал что-то на конторских счетах и записывал на бумажке. Завидев вошедшего, он встал, поправив накиннутую на плечи шинель, отчего чуть колыхнулся огонек горевшего в приплющенной снарядной гильзе фитиля. Вытянувшись перед столом, Шеремет отрапортовал, как положено. Вопросов не последовало, видно, замполит все уже о нем рассказал. Кивнув, капитан сел и снова защелкал костяшками счетов, а Сергей в недоумении остался стоять. «Боезпас, что ли, считает, или раненых да убитых?».

Но продолжалось это с полминуты. Сделав последнюю запись, комбат снял очки и оглядел новичка долгим оценивающим взглядом. Потом повернулся к телефонисту, сидевшему со своим аппаратом на скамье у стены, и проговорил:

— Вызови второго.

Телефонист принялся названивать, но вызываемый нашелся не сразу. Взяв, наконец, трубку, капитан недовольно поморщился.

— Второй, где черти носят? — Выслушав ответ, матюгнулся. — Ну, гляди у меня!... — И заключил: — Посылаю тебе лейтенанта Шеремета — на третий.

Когда вышли с солдатом-порученцем из блиндажа, с угрюмистого предвечернего неба сеялся мелкий, редкий снежок, — тут же и таял, едва коснувшись земли. В траншее и без того было сыро, то и дело хлюпали лужицы под сапогами.

Сергей думал, что ведут его в блиндаж командира роты, — глядь, а тот сам навстречу. Молодой, лет двадцати, не больше, — для солидности, видать, и отрастил старший лейтенант пшеничные, пушистые усы. А голубовато-серые глаза на обветренном лице все равно выдавали недавнее мальчишество: то что-то озорное в них проглядывало, то распахнуто-улыбчивое.

Шеремет козырнул, заученно представился. Выслушав, ротный жестом отослал порученца и протянул Сергею руку.

— Давай, поручкаемся. — Усмехнулся: — Я ведь тоже Ванькой-взводным начинал.

Но едва их ладони соприкоснулись, сумеречную тишину полоснул выстрел.

— Не снайпер, — определил старший лейтенант. — Они в снежную муть не палят. Случайник какой-то... Ладно, пошли в твой третий взвод.

Двинулись рядом, и через несколько шагов ротный вдруг спросил:

— А ты не еврей?

— С чего взял? — выпучил глаза Шеремет.

— Фамилия какая-то не нашенская.

— Казачья фамилия, — внес ясность Сергей. — Дед был из казаков.

— Ну добре, — кивнул старший лейтенант. — А до тебя на взводе чистый еврей был. И имя-то анекдотное: Абрам. Ну, думаю, еще не хватало жида на мою голову. Известно, какая о них молва... А парень-то ничо оказался, свойский — быстряком пообтерся. И пулям не кланялся. Нogu оттяпало миной, с неделю уж... — Он глянул на Сергея и поинтересовался: — Десять-то еще не брякнуло?

— В апреле брякнет, — соврал Шеремет: не обнажаться же, что еще только летом...

Перекинувшись еще парой фраз, остановились перед задернутым плащ-палаткой отверстием, больше похожим на лаз, чем на вход.

— Твоя хата, — проговорил старший лейтенант и, пригнувшись, протиснулся первым. Шеремет — за ним.

Шибануло в нос духотищей запахов, — вонь сохнувших портянок, копоть тусклого фитиля в гильзе, дымок железной печурки в углу, испарения скученных человеческих тел, — все смешалось в будто загустевшем, пропитанном махрой воздухе, несчетное число раз пропущенном через солдатские легкие.

«Как тут дышать-то?» — мелькнуло у Шеремета.

Пока дневальный чеканил рапорт ротному, Сергей оглядел землянку. Глинистый пол, низко нависшие бревна потолка, двухэтажные нары вдоль стен, вповалку, видать, спят, — и все равно не понять, как уместаются в этой норе шестнадцать человек: знал уже от ротного, что столько осталось во взводе. Ну да, всегда кого-то нет, — на дежурстве ли, в боевом охранении, — но и без них тесным-тесно...

При появлении начальства солдаты повставали, оборвав дела, — кто чистил автомат, кто что-то подшивал, кто у печурки возился. Девятеро встали, но один остался лежать.

— Это что у тебя?! — не дослушав дневального, ротный повернулся к белобрысому коренастому парню с сержантскими лычками. «Помкомвзвода», — догадался Шеремет.

— Чирьями его обсыпало, товарищ старший лейтенант. Ломает, мол, всего, — торопливо доложил сержант. — Ну, разрешил малость покемарить...

— Я вам, вашу мать, покемарю! Встать! — рявкнул ротный.

Лежавший вскочил, оказавшись щуплым недомерком с испуганным глуповатым лицом.

— Ну, покажь свои чирьи.

Солдатик задрал гимнастерку вместе с исподней рубахой, — на впалом животе, на груди, у плеча торчали набрякшими гноем шишками четыре фурункула. Повернулся боком, потом другим — и там было по нарыву.

— Еще на ноге начинается, — добавил, опустив гимнастерку. — К фельдшеру ходил. Дал мазь, да ни хрена толку. Мне бы в госпиталь, товарищ старший лейтенант, уколы бы, может, какие...

— Автомат навскидку! — вместо ответа приказал ротный.

Руки недоростка, будто сами собой, дрессированно схватили лежащий тут же на нарах автомат, — миг, и он ощерился дулом, готовым к бою...

— Ага, значит можешь, — пригладил усы командир. — Ну вот, пока можешь, — тут и останешься. А фельдшеру скажу проверить, не сам ли чирьи расковырял. Гляди, если уличит, — это уж вроде самострела, — сразу под трибунал!

— Товарищ старший лейтенант, да вы чо?! — совсем не по уставу загнанно вырвалось у солдатика.

— Чо-чо, да не чо, — поставил точку ротный. И взяв за локоть Сергея, обратился к сержанту:

— Вот ваш новый комвзвода лейтенант Шеремет. — Оглядел солдат. — Ясно?

— Ясно... — вразнобой откликнулась землянка. Все глаза ощупывали его, Сергея. Любопытные, недоверчивые, иные, казалось, и с усмешкой. Дескать, ну, поглядим, кто ты есть...

Пригнувшись на выходе, ротный поманил Шеремета с собой. В траншее проговорил:

— С тебя теперь весь спрос. — И следа не было в построжалом голосе от компанийских ноток первых минут. — Тут головорезы есть, держи ухо востро. — И повернувшись, пошагал к своему блиндажу.

«Курнуть хоть на свежем воздухе», — Сергей достал вышитый Верой кисет, свернул самокрутку. И только пару раз затянулся, из землянки возник белообрый сержант.

— Разрешите обратиться, товарищ лейтенант? — На наспах бритом, в островках мягкой щетинки лице выражение озабоченной старательности. Взгляд прямой, было в нем что-то бесхитростно-надежное.

— Давай уж запросто, без «разрешите», — сказал Шеремет. — Как звать-то?

— Сенин Василий... — И без перехода: — Неладно у нас, товарищ лейтенант. Не хотел при всех... Ремни кто-то ворует. Шинельные. У семерых уже пропали.

— Подозреваешь кого?

— Двое их тут из тюряги. Но один-то, вроде, по-смирней, а вот второй... Верней бы всего, товарищ лейтенант, пошмонать весь взвод!

«Ну да, явился, пороха не нюхнув, — и, пожалте, с обыском», — сразу оттолкнул от себя сержантову задумку Сергей. А вслух произнес:

— Подумать надо, как лучше.

Снежить перестало, но небо уже по-вечернему потемнело, задул сырой зябкий ветер. Последний раз затянувшись, Шеремет бросил под ноги окуроч, и в этот миг жажнуло по ушам отрывистым звуком, и вспыхнула в вышине судорожным белым светом ракета.

— Фрицы кидают, — как о давно привычном проговорил сержант. — Теперь всю ночь будут швыркать. Позавчера наши языка приволокли, — вот они и зачестили с осветиловкой.

Из-за поворота траншеи показался солдат, тащивший тяжелую, видать, канистру из нержавеющей стали. «Ужин», — догадался порядком уже проголодавшийся Сергей.

В землянке, куда они тут же нырнули, помкомвзвода вручил ему котелок и ложку.

— Евреевы были, — поправился, — младшего лейтенанта Вассермана... Но все чисто сполоснуто.

На ужин была пшенка с капелюшным вкраплением постного масла посередине порции. Еще кусок черного хлеба и чай, — крышка котелка служила и чашкой, и блюдцем.

С незавидной едой управились быстро. И Шеремет стал знакомиться с солдатами, выкликая по списку, поданному сержантом. Вроде, все шло как положено, — откликались, отвечали на вопросы, — но чувствовал Сергей свою чужеродность в этой землянке, будто повисла в затхлом воздухе какая-то неловкость. Или таким уж мальчишкой им кажется? Да нет, многие солдаты его же возраста, ну, может, чуть постарше, а заморыш с чирьями и вовсе пацаном смотрится. «Ничо, привыкнут, — постарался успокоить себя Шеремет. — Увидят еще, увидят, что не ударит он мордой в грязь».

И, будто в ответ на его мысли, чернявый, кавказского вида солдат, подбрасывая обрезки досок в печурку, проговорил с легким акцентом:

— Вор у нас завелся, товарищ лэйтенаант.

Надо было сказать, что уже знает, что все сделает, чтоб ущучить прохиндея, — веско сказать, по-командирски, может, и матерком припечатать, уснащавшим тут, на передовой, чуть не каждую фразу. Но не нашлось у него нужных слов под выжидающими взглядами двух десятков зрачков. Произнес обтекаемое:

— Разберемся. — И запоздало хлестнула мысль: «Не то! Не так!..».

Пятеро солдат стали споро собираться. Надели шинели, взяли плащ-палатки, двинулись с автоматами к выходу. Но сержант остановил:

— Доложить надо. — Бросил взгляд на Шеремета: дескать, вам это сказать-то положено.

— Разрешите, товарищ лейтенант, заступить в боевое охранение, — не очень охотно проговорил ефрейтор, старший в этой пятерке.

— Разрешаю. — А сам видел по глазам уходящих: не вмешайся сержант, — не было бы никакого «разрешите». И снова пообещал себе: «Ничо, привыкнете у меня»...

Наполовину опустевшая землянка казалась уже не такой тесной. Только вот духотищи ничуть не убавилось.

— Проветривать надо, братцы-славяне, — Сергею понравилось было, что нашлись свои слова, но тут же и поймал себя на оплошке: славянами-то здесь были не все...

А исполнительный помкомвзвода уже откинул угол «дверной» плащ-палатки, закрепил какой-то прищепкой. Потянуло сырým холодком.

— Тэпло выдует, — пробормотал себе под нос чернявый у печурки.

— Щас наши с постов вернутся, — будто не слыша его слов, произнес сержант. — Товарищ лейтенант, может, выйдем, встретим?

Шеремет охотно кивнул: невтерпеж хотелось курить.

В траншее отошли на несколько шагов, задымили самокрутками.

— Вот и их всех на воздух надо гнать смолить, — сказал Сергей. — А то не продохнуть.

— Да гоню я, но где ж уследишь? Отлучишься куда, — а в хате опять хоть топор вешай...

Помолчали. После неловкостей своих в землянке Сергею словно бы малость полегчало от укутанной в тишь темноты. Но вспорола ее опять взмывшая к тучам немецкая ракета, высветила на миг зоркой вспышкой линии окопов и разделявшее врагов черное поле. И только погасла, — чуткий на слух помкомвзвода проговорил:

— Идут, кажись.

«Глухня», — упрекнул себя Сергей: шаги он услышал, когда солдаты уже приближались. Шли по траншее гуськом. Все пятеро рядком и встали, прислонившись к земляной стенке, пока старший рапортовал сержанту, что все в порядке, новая смена на посты заступила. Сергей не вклинивался, стоял в сторонке, звездочки на погонах в темноте и не разглядишь. Подумалось: «В землянке увидят».

Но помкомвзвода решил иначе. Достал фонарик, направил луч на офицера, — выглядело, прямо скажем, довольно бесцеремонно, — и с резанувшей Сергея ноткой торжественности произнес:

— Это наш новый командир взвода, лейтенант Шеремет. Ясно?

— Ясно, — нестройно откликнулись голоса, и солдаты полезли в свою земляную нору.

Когда последний исчез в проеме, сержант негромко спросил:

— Обратили внимание, товарищ лейтенант, третьим у стенки стоял, бычина такой, выше всех во взводе?

— Ну, заметил, — и что?

— А то, что его-то и подозревают. Я ж говорю: семь ремней пропало.

— И зачем бы они ему? — Странны были Сергею эти ременные кражи. — На жратву менять? Опять же — где?

— А сказать, что думаю? — Помкомвзвода придвинулся к Шеремету и, хоть не было никого поблизости, — прошептал на ухо.

— Да ну... — усомнился в услышанном Сергей. — Нелепо же.

— Вот бы и проверить, — гнул свое сержант. — Тут трое хотели его ночью ущупать, темную устроить, — куда там, разбросал, как котят, сила-то бычья. На взводе-то я один оставался. Еле унял. Еще ладно, никого не порезали, а то бы хана, — прямиком в штрафбат... Нет, надо уж весь взвод обшмонать. И неожиданно, чтоб вороуга перепрятать не успел.

— Подозренья подозреньями, а не пойман — не вор, — напомнил житейское присловье Шеремет. — Хоть и уголовник... А за что сидел-то?

— Ротный сказал — за грабеж. А я думаю, и без мкрушных дел не обходилось. Рожа-то зверючья... Да попади он на фронт года два назад, — сразу бы к немцам перебежал. Щас-то какой уж перебеж, — сами на издохе... И зачем только эту сволоту выпускают — и сюда шлют?

— По сусекам скрести приходится. Вон сколько народу полегло... — И решив, что лучше не продолжать эту тему, Сергей махнул рукой. — Ладно, Василий, пошли в нашу подземку. И занавесь опусти: схолодало.

В землянке, знакомясь с вернувшимися из охранения солдатами, выкликая по списку, Шеремет старался никого вниманием не выделять. Вопросы задавал короткие, одинаковые. Но Чечуев, — такая была фамилия у быкастого уголовника, — все равно будто уловил скрытый интерес новичка-взводного. На вопросы отвечал нехотя, отрывисто, глубоко посаженные глаза под черной густерней бровей («как смотровые щели», — невольно мелькнуло у Сергея) глядели настороженно.

И, правда, было в этом лице что-то зверючие. Главенствовали на нем крепкие челюсти с большим ртом, — остальное гляделось второстепенным придатком. Маленький, словно наспех прилепленный нос, странный на этой широкой физиции. Узковатый лоб с нависшими лохмами волос. Заостренные оттопыренные уши. «Бог шельму метит», — подумалось Шеремету. Но осадил себя опять: «Не пойман — не вор».

— Покемарить бы, товарищ лейтенант, — подал голос недомерок с чирьями.

Сергей взглянул на часы. Ну да, время позднее, неровен час, еще поднимут по тревоге... Но прежде — сказать.

— К утру все украденное выложить на видном месте! — Произнес, глядя поверх голов, никого не задев взглядом. — Иначе все равно прижучим.

И плюхнулся на соломенный тюфяк, — уже знал от сержанта: место предшественника. Прикрывшись шинелью, обвел глазами землянку. И поразился: иные из солдат уже спали, едва угнездившись вповалку на своих нарах. Подумал: «А самому уснуть ли?» Толклось-сплеталось в мозгу все втиснувшееся в голову за этот день, вместивший в себя столько, сколько прежде не вмещалось и за месяц... Лежал, перебирая в памяти все, с первых слов замполита, — и не заметил, как дремалось.

Растолкал его сержант.

— Товарищ лейтенант, посты надо проверить, часовых, — ротный сам по ночам выходит, высматривает.

Если какой взводный заспался, не вылез из землянки, — даст разгон...

Шеремет испытанным приемом покрутил, потискал себе уши, молча поднялся, вышел в темноту. Прошел по траншее, перебрался парой слов с часовыми, — все было в порядке. Возвращаясь, и правда, встретил старшего лейтенанта. Остановился, ожидая вопросов, но ротный без слов прошагал мимо. Уже у входа в землянку столкнулся с соседом, командиром второго взвода, — тоже вышел проверять своих. Днем толком и познакомиться не успели, но и сейчас было не до разговоров, — кивнули друг другу, и Сергей нырнул к себе в нору. Кемарить оставалось часа три, и едва коснулся лежанки, — сон накрыл, будто засыпал его ворохом душистых трав. Не было уже ни духоты, ни портяночной вони — только сладкий, как в детстве, сон.

Вскочил от крика дневального: «Взвод, па-адьем!» Тут же и понял: нет, не тревога, — просто утро. Солдаты, прокашливаясь, протирая глаза, неторопко сползали с пригретой соломки. Сергей сел на жестком ложе и почувствовал, как за спиной шелестнуло что-то бумажное. Повернулся к стенке, взял в руки. Развернул сложенный вчетверо бумажный лоскут, выданный из газеты-дивизионки. Кривыми печатными буквами, видать, огрызком карандаша, было накарябано: «Жид хотел шмонать — ходилку отчекрыжило, гляди, и башку снесет».

Сергей смял бумажку, сунул в карман. «Ах ты, гад! — вскипело в нем. — Припугнуть думаешь, придурок узколобистый? И умишко-то, видать, бычий... Да сегодня же обыщем, прямо вот сейчас!..».

Но тут в землянке появился солдат с канистрой, и все поспешили к нему с котелками. Опять была каша, только другая — перловка, — «шрапнель» по-солдатски, — и не пустая, а с американской тушенкой. «О, второй фронт!» — оживился народ, — нечасто перепадала здесь эта вкуснятина. Но сытный, да еще с тонюсенькой пленкой повидла на хлебе завтрак ничуть не пригасил кипевшей в Сергее злости. Тот, в чьем авторстве почти не было сомнений, сидел в каких-то четырех шагах от Шеремета и удовлетворенно перекалывал вкусную кашу из котелка в рот, куда, наверно, зараз бы вошло еще две полных ложки. «Давай, давай, Че-чуля, заправляйся, — недобро цедило в голове Сергея. — Сытенького и шмонать сподручней. Начнем, уж ладно, не с тебя, а очередь-то все равно дойдет».

Допивали чай, когда в проеме возникла фигура ротного. Солдаты вскочили на ноги, дневальный шагнул рапортовать, но старший лейтенант отстранил его движением руки. И ладонью поманил Шеремета.

В окопе, куда вышли, выдал без предисловий:

— Комбат приказал немедленно явиться.

— Зачем?!

— Вот у него и спроси, — сухо усмехнулся в усы ротный и, повернувшись, ушел.

Пора было светать, но рассвет затерялся где-то в напозвавшем тумане, и сумрачно было в траншее, по которой шагал Сергей, гадая, что ждет его в командирском блиндаже. Вроде, ничем не успел проштрафить-

ся за эти полусуток. Или, может, кто-то настучал про кражи? Да нет, сперва бы уж ротному...

Комбат, стоя, говорил с кем-то по телефону. В шинели, в зимней еще шапке на бритой голове, он не казался Шеремету таким уж малорослым, как в первый раз. И не было ни очков, ни конторских тех счетов, ни бумажек с записями. Вместо них лежала на столе развернутая карта-двухверстка. К ней и подвел комбат лейтенанта, положив трубку.

Таких карт Сергей навиделся на занятиях в училище и сразу усек: красным карандашом обозначен наш передний край, синим — немецкий.

— Вот здесь, — палец капитана ткнул в нанесенный на карту кружок, — одинокое дерево. Правее него — огневая точка. Выдвинута малость впереди их траншеи. Задача: атаковать — и взять.

«Взять... — ошалело отдалось в мозгу Шеремета. — Кому — нам?!».

— Приказ. — Комбат секунду помедлил, ощупывая жестким взглядом лицо вытянувшегося перед ним лейтенанта. — В 9-00 взводу занять рубеж для атаки. Атаковать по сигналу командира роты. Повторите приказ!

«Атака — взводом?..» — это не укладывалось в голове. Но Шеремет слово в слово, как дрессировали курсантом, повторил приказ.

— Вопросы есть?

— Товарищ капитан, но во взводе всего шестнадцать человек. Одним нам не взять...

— Может, и не взять, — согласился комбат. — Но немцы откроют фланговый огонь, и мы сможем точно засечь их огневые точки, вскрыть систему огня. Разведка боем. — Он повысил голос: — Выполняйте!

— Слушаю! — козырнул Сергей. Но, уже шагнув к выходу, не смог сдержаться. Снова повернулся к командиру:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться?

— Разрешаю, — кивнул комбат.

— Товарищ капитан, но ведь в голом поле нас всех... — и осекся, стреножил себя, спохватившись, куда могут завести его эти слова.

А комбат, казалось, ждал продолжения. Видать, учуял, что зеленый этот лейтенантишка едва не проговорился, едва не посмел прекословить. Может, и правда, ждал капитан что-то еще услышать. Но не услышал, — рывком повернувшись, Шеремет вышел из блиндажа.

Теперь предстояло объявить о приказе взводу. И поскорей: до 9-00 оставалось тридцать пять минут. В спешке Сергей чуть не столкнулся в полусвете земляной щели со встречным солдатиком. И только остановившись, разглядел, что это девушка.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — с улыбкой козырнула она, — а я вас еще вчера заприметила, когда прибыли... — И в задорной, с лукавинкой улыбке на обветренных губах, и в игривости взгляда смысл читался один: «Давайте познакомимся!».

Но ничего не стронулось в душе Сергея от девичьего зова, не до того было. Пробормотал: «Спешу» и,

отодвинув медсестру плечом, чуть не бегом припустил к землянке.

Комбат с замполитом появились ровно в девять. Оглядывая каждого, не спеша, прошли вдоль цепи изготовившегося к атаке взвода. Отведя в сторонку командира роты, перекинулись с ним парой фраз — и удалились.

— Запомнить сигналы! — ротный встал позади середины цепи, чтоб всем было слышно. — Один свисток — приготовиться, второй — атака. Вольно! — значит отбой. Все усекли?

— Ясно, — вразнобой отвечивал взвод.

Где-то, может, и рассветало, но здесь света не прибавилось: понизу все стлался густой туман. Вползал в траншею, будто матовой паутиной облепляя людей. Но еще плотней укутана была туманом нейтралка, куда время от времени, поднимаясь к брустверу, выглядывал Шеремет. Для того и поставил его ротный к этой «щелке», где из-за махонького кусточка над окопом можно было наблюдать за вражьей позицией, которую приказано атаковать. Но сейчас и кусточка не надо, — хоть в полный рост становись. Все равно ни тебя не увидят, ни ты ни хрена не разглядишь.

А туманом еще как можно бы воспользоваться, — о таком и в училище говорили. Подползти незамеченными и забросать фрицев гранатами!.. Но тут же мысли Сергея возвращались к реальности. Попробуй, отыщи в белесой мгле то одинокое дерево, — заплутают солдаты, да как бы еще и самим в лапы к немцам не попасть...

И комбату ползание в тумане — ни к чему. Ему же разведка боем нужна. Чтoб при ясной видимости засечь, откуда их на голом этом поле расстреливать будут... Тут уж впору просить: «Не истаивай, батюшка-туман». Сергей криво усмехнулся. Да, так вот оно сцепилось: туман истаивает, — и взводу просигналят истаивать... Три взвода в роте, — почему же именно их-то, за что?! Но знал про себя твердо: не дрогнет. С автоматом на бруствер, — и «Вперед за мной!» А дальше — стоп мысли...

— Товарищ лейтенант, — проговорил стоявший рядом у глинистой стенки помкомвзвода, — мне бы лучше на тот конец цепи. Поприглядывать там.

«Самому надо было послать», — упрекнул себя Шеремет. И кивнул — иди! Но другая внезапно вынырнувшая мысль заставила его схватить сержанта за локоть.

— Погодь, Василий!.. А мы ведь, вроде, ровесники. Тебе тоже девятнадцатый?

— Не, мне двадцатый пошел. Февральский я. — Сержанта, казалось, ничуть не удивил неожиданный порыв командира, словно чуял простой бесхитростной своей душой, что движет сейчас лейтенантом.

— Двадцатый, значит... и мне около того, — не стал уточнять Шеремет. — А я тебе, Вася, и не назвался: Сергей я. — Хотелось сказать: «И к черту чины, перегородки всякие! Пули их не разбирают»... Но не повернулся язык, иные слова прорезались: — Поговорить бы нам так, попросту, — да видишь, как оно... Ну, давай хоть поручаемся!

Но не пожал протянутой руки исполнительный сержант.

— Извиняйте, товарищ лейтенант, — старался не смотреть в глаза Шеремету, — говорят, плохая примета — руки жать перед тем...

И ушел.

«Придуток», — обозвал себя Сергей. Да трижды он прав, этот надежный, старательный парень: ручкаться сейчас — все равно, что прощаться... Трижды прав, кроме одного: другого-то случая, Вася, похоже, не предстается.

Он повернул голову, — теперь его соседом по траншее был чернявый кавказец, тот, что возился в землянке у печурки. За ним прислонился с автоматом к стенке недоросток с чирьями. А дальше в паутинке тумана глыбисто возвышался Чечуев. И взглянув на него, Шеремет ощутил в себе лишь слабый отзвук злобы, вспавшей еще каких-то полтора часа назад. «...гляди, и башку снесет» — всплыли буквы поганого послания на обрывке газетенки. А того не чуял, что накаркал-то, бычина, себе и всему взводу. И уж навряд ли будет кому вспомнить пропавшие ремни после этой разведки убоем. Убоем — иначе и не назвать...

Ремни. Никто их у Сергея не крал, а вот словно бы сползли с него сейчас, свалились куда-то, — не те внешние, что полагались по форме, а — главные, внутренние, которыми стягивал, скручивал себя невидимо для других. В курсантской изнуриловке, когда шатало от недосыпа и хилой кормежки, а все равно — кровь из носу! — приказывал себе в любом марш-броске, на любом занятии быть в первой пятерке. Больно вгрызались те невидимые ремни, но спуску себе не давал, — любой ценой, но среди первых! Потому в числе немногих и был пожалован двумя звездочками, — большинство-то младшими лейтенантами выпустили, а были и такие, что кончили училище всего-навсего с сержантскими лычками.

Гордился, придуток, своим лейтенантством, надежной портупеей воли там, внутри, которая — верил! — не подведет, не даст спасовать в любой переделке. А вот, оказывается, — не в любой, и портупее та будто соскользнула невидимкой... Нет, рвануть через бруствер, поднять за собой взвод, — на это воли еще хватит, — а толку-то?.. Знали бы в училище, что будет он всего-навсего живой мишенью назначен, небось, и лычки бы на такого пожалели. Да чего там лычки, — и учить бы не стали, зачем зря тратиться...

— Передай по цепи: «Вольно!» — оборвал мысли Сергея возникший рядом ротный. И, не дав обрадоваться, добавил: — На пять минут.

Галопом пролетела весть от одного к другому, и зашевелился взвод. Запереговаривались, запереступали подзатекшими ногами и, конечно, первым делом закурили, — Шеремет вместе со всеми. Несколько солдат поспешили в тупиковый окопчик, — оправиться. Иные пили из фляжек сбереженные остатки утрешнего чая. У рукастого Чечуева пить, видать, было нечего, — недолго думая, вырвал фляжку у недомерка-соседа, опрокинул остатнее в свой ротище. Сергей хотел было

гаркнуть на ненавистного бычину, но тут раздался свисток ротного. И разом стихла, замерла взводная цепь. Знали: не просто пятиминутке конец, — вот свистнет сейчас второй раз, — и тогда...

Сергей приподнялся к брустверу, глянул. Нет, время для атаки еще не пришло: туман редел, поднимался ввысь, но видимость все равно была близко к нулю. Мелькнуло: «Может, с часик еще поживем».

Спрыгнул на дно окопа, — и вспомнилось вдруг, как вот таким же сырым туманным утром везли родители его, первоклашку, на попутке в больницу. Дифтерит, да еще запущенный. Молодая участковая врачаха, порассматривав горло, углядела просто ангину. А тревогу забила лишь на третий день, когда он уже метался в жару, бредил на своей койке. Бред напывал и в больнице, где положили его в крошечный застекленный бокс. Потом, дома, когда выписали, наконец, после измотной лежки в общей уже палате, — подслушал, как мать тихонько говорила отцу: «Уж не чаяла, что выживет... на ниточке висело...».

Плакал ночью в подушку от этих слов. Дико боялся мальцом смерти, а она, оказывается, совсем рядышком была... Тогда, первоклашкой, плакал, а сейчас вот подумалось: ну, и порвалась бы та ниточка, — в бреду-то, может, ничего бы и не почувствовал. И не было бы никчемной школярщины, всех этих физик-химий-математик, а потом курсантской мотни-запарки, — всего, что оказалось-то — псу под хвост.

Да разве один он такой? Каждого из этой изготовившейся к смертной атаке цепи кто-то учил, лечил, оберегал, не догадываясь, что старания-то все — впустую. Одному надо было учить: стрелять, ползать да гранаты метать, — остальное — зряшные траты... Ну да, все те миллионы, что уложили и еще уложат в протянувшимся от моря до моря убоище, — растрата в тыщи раз неискупимей, провальная яма в народе, которую, может, и за целый век не заровнять, — но те, по крайней мере, жизнь задаром не отдавали, врагов били, с земли нашей гадов гнали. А тут...

Зябко было в земляной щели, а сердце будто хлыстом стегнули, — колотилось, отдавало биением в виски, от напряга ожидания и непривычных этих мыслей. Никогда их не было, таких, в простой коротенькой его жизни школяра да курсанта, — а вот нахлынули и не прогонишь...

Вышвырнул мысли удар. И сразу за ним — второй, уже ближе, метрах в тридцати. «Мины», — словно само выговорилось в мозгу Сергея, мигом пригнувшегося на корточки вместе со всей цепью, — только каски торчали. Неужто фрицы что-то унюхали, решили предупредить? Да нет, вряд ли, вон и туман еще толком не истаял. Похоже, просто огневой налет.

Наши минометы, за окопами, не задержались с ответом, — полетели немцам встречные гостинцы. Кому они там достались, не узнаешь. А от нового разрыва немецкой мины по цепи прокатилось: «Сенина — осколком... Пальцы оторвало, то ли три, то ли четыре... В медсанбат отправили...».

«Вот, Василий, и примета не помогла, — хмуро подумалось Шеремету. — Так и не поручкались, а все равно... — но перебил себя, — да нет, не все равно. Он в госпитале полегит, ну, пальцев будет недокомплект, — а в живых! В разведке боем такое мало кому светит».

Немцы выпустили еще пару ничего больше не причинивших мин, — и умолкли. «Боеприпасы стали беречь», — вспомнились Сергею слова замполита. Наши минометчики были щедрей, — саданули по фольварку еще раз пять и тоже замолчали.

В наступившей тишине приподнявшись к брустверу, Шеремет углядел, наконец, одинокое дерево, указанное ему на карте. В истончившейся матовой кисее силуэт был еще смутным, размытым, но цель проступила, в атаке не заблудишься... Только короткой будет та атака. До фрицев метров двести с лишним, и одолеть ли половинному его взводу под перекрестным огнем хоть половину злосчастливого поля...

Вернулся на свое место у окопной стенки, бросил взгляд на обреченно ждущую цепь, — и уже не было сил топить, гнать точившую все эти часы мысль, — она впрыгнула в мозг, сорвавшись со всех привязей: «А зачем?!» Охапками, будто дрова, швырять жизни в ненасытную топку... Когда начнется близящийся штурм, уж не на взводы, не на роты пойдет счет, — от полков, от дивизий клочья останутся... А зачем его, спрашивается, штурмовать-то, этот чертов Кенигсберг, окруженный со всех сторон?! Да — гвоздить с воздуха, бить из дальнбойных, сплошняком пускать ко дну морской подвоз, — и, пусть через месяц, через два, — сдадутся, как миленькие! Гитлеру-то в берлинской норе все равно скоро полный капут... И в быстрине непривычных, никогда еще не заглядывавших в голову Сергея мыслей даже и не вспоминалось, что почти то же самое говорил в прощальный вечер седой дядя Павел, чьи слова племянник тогда всерьез и не принимал.

А время все текло, и, казалось, застопорились уже и мысли, будто завязли в сгустившемся измытарившем ожидании. Истаял туман, светило в предвесеннем небе солнце, и в любой миг могли они раздаться, те два свистка... Но вместо них ротный громко скомандовал:

— Вольно! На обед!

Ринулись в землянку, в минуту набились битком. После стылой окопной ожидаловки прислониться к своим нарам, даже и прилечь чуток, — было отдохновением. Надолго ли?.. Принесли в канистрах обед, и Шеремет достал котелок, заранее зная, что не больно-то полезет в горло эта, может, последняя в жизни еда. По лицам солдат видел: и у всех настроение не лучше. Но тут вдруг:

— Фляжек не вижу! — с хмылкой возгласил ефрейтор с кухни. И стал разливать в мигом протянутые со всех сторон сосуды наркомовские сто грамм.

Но все же знали, — и Сергей тоже, — что водку дают по-разному: иной раз после боя, а чаще — перед атакой. И это, скорее всего, могло означать, что взбадривают к броску... Однако, глотнув из фляжек, за еду солдаты

принялись, вроде бы, с аппетитом. Может, заставили себя? Сергей уж точно заставил... А обед был неплох: наваристый борщ и ячневая каша, опять же со «вторым фронтом» — американской баночной колбасой.

Допивали чай, когда в землянке появился ротный. Шеремет вскочил, было, рапортовать, но старший лейтенант остановил его взмахом ладони. Объявил:

— Приказ атаковать отменен. Отдыхайте пока. — И вышел из повеселело загомонившей землянки.

Сергей ошеломленно поспешил за ним, догнал в траншее.

— Товарищ старший лейтенант!..

— Ну, чего? — повернулся к нему ротный.

— Что это было?! Как понимать?..

— Так и понимай: приказал комбат, а потом раздумал.

— А смысл?

— Смысла еще захотел... — Командир роты пригладил пушистые усы, словно размышляя, стоит ли продолжать разговор. — Может, он хотел тебя, зеленого, испытать, заодно и весь взвод. Если б кто колебнулся, посмел прекословить приказу, — тут же бы под трибунал. Да и сверху могли позвонить...

— Позвонить? — Шеремет непонимающе глядел на старшего лейтенанта. — О чем?!

Но тут разговор прервался, — оба посторонились, пропуская идущую по траншее девушку, ту самую, что встретила Сергея утром. Улыбчиво стрельнув глазами, она козырнула офицерам, и видно было, что очень даже не прочь с ними постоять. Однако уловила, что им сейчас не до нее, и с сожалением улыбкой прошагала дальше.

— Небось, и тебе строила глазки? — усмешисто поинтересовался ротный.

Шеремет кивнул, хотя сам ждал ответа совсем на другой вопрос. А старший лейтенант, похоже, и не собирался на него отвечать.

— Давалкой стала Катюха, в любом закутке обслужит, — проговорил вслед удаляющейся фигурке. — А сперва-то совсем другой была, строжистой. Пока Райке, подружке ее, тоже санинструкторше, пуля в лоб не угодила. А ползти-то рядом. Вот и прострелило страхом... С того дня как подменили Катюху. Дело свое делает, не укоришь, а задумка одна: вырваться. Вот и загуляла. Да никак не получается...

— Чего не получается? — не понял Сергей.

— Дуб ты, что ли? Да забеременеть хочет, чтоб поскорей в тыл отправили! Это у баб верняк-выход. Хочет, а не фартит, — может, невсхожая. И на тебя вот глаз положила. Гляди, клонешь на эту наживку, — еще и заразишься...

— Не собираюсь, — мотнул головой Шеремет. И поспешил вернуться к тому, что ошарашило: — Ты сказал: «могли позвонить». Кто? О чем?

— Мне-то откуда знать? — недовольно глянув, закрыл тему ротный. — Ладно, хватит трепаться, — повернулся и пошел к своему блиндажу.

Взвод в землянке всю пользовался разрешением отдыхать. Измотанные ожиданием атаки, многие

дремали; двое что-то писали, наверно, письма домой; неутомимый кавказец, — зябко ему тут, что ли, южанину, — опять возился у печурки. Сев на свой тюфяк, Сергей глянул на осиротевшие нары сержанта. Передали ему, что Василий уже в госпитале, — но вот кто его заменит, на кого теперь опереться, и сутки-то еще не пробыв взводным? В раздумье обвел глазами свою едва знакомую боевую единицу, пожалованную за нервотрепную «испыталку» роздыхом, да неожиданной отрадой во фляжках, — и наткнулся на сторожкий взгляд глубоко посаженных под кустистыми бровями зрачков. Чечуев... А ведь, вроде, дремал, когда Сергей вошел. Дремал, но каким-то нутряным чутьем учуял лейтенанта, приоткрыл свои смотровые щели. И недобрая опаска, сквозившая из них, была для Шеремета еще одним доказательством авторства той поганой утрешней цидули. Подумал: «А не прижучишь вора, — хрен признает взвод твое командирство... Нет, сегодня шмона не получится. Часа через два надо всех поднять, проверить готовность, отправить боевое охранение, и прочее, и прочее... Не до обыскиванья. Но уж завтра — непременно!».

А назавтра утром, снова напозавшем туманом, в батальон прибыло пополнение. Хлопот сразу подвалило всем, само собой, и лейтенанту Шеремету, чей взвод увеличился почти до полного состава — двадцать восемь душ. Были среди прибывших и уже повоевавшие, выписанные с залеченными ранениями из госпиталей, были и новобранцы, только-только из учебных полков. С каждым надо хоть бегло да перемолвиться, прикинуть, оглядев, кто чего стоит. А главное, в одной землянке уж никак не поместиться, — нужно было срочно соорудить вторую.

И тут Сергей вновь ощутил в себе ладную, надежную португепю уверенности: в училище фортификацией занимались до позеленения в глазах, руки были в мозолях от перелопаченной земли. Вот и здесь подал пример, — споро начал копать вместе с половиной взвода. Другая половина доски подтаскивала, обтесывала для будущих нар. Спешили, в поту вкалывали. Зато к вечеру выкопана была солдатская нора точно по размеру, стены укрепили и начали сколачивать нары. Дня, понятно, не хватило, но приятно было видеть Шеремету: сработали в полную силу, людей расставил толково, сам везде поспевал и поторопить, и подмогнуть, — какому-то неумехе стгоряча и по шее отвесил, — и смотрели на него теперь поуважительней, чем поначалу.

На другой день, — длилось, слава богу, затишье, — все закончили: и нары, и бревенчатый потолок в два наката, сверху еще слоем земли покрыли. Командир роты придирчиво все осмотрел, покивал одобрительно, сказал, что обогнали соседей, — второй взвод со своим «землестроем» подотстал. И приказал лейтенанту в 21-00 явиться к нему вместе со старшим сержантом Боровковым, похоже, самым навоевавшимся из взводного пополнения. Плечистый, присадистый, с плутоватыми навывкате глазами, Боровков успел уже порассказать, что и на Курской дуге участвовал, и Днепр форсировал, Киев брал, и на Сандомирском

плацдарме закреплялся, — там-то его крепко и ранило. Кто знает, может, и привирал половину, но о том, что фронтовик он бывалый, свидетельствовали и две медали «За отвагу», и три нашивки за ранения — два легких и одно тяжелое.

Когда вошли они вечером в блиндаж ротного, тот отдыхал — лежал на складной немецкой койке, прихватил, видать, в каком-то прусском городке. Сразу встал, выслушал, как положено, рапорт и объявил:

— Старший сержант Боровков назначается помком взвода. Вопросы есть?

Если уж честно, не лежала у Сергея душа к самохвалистому мужичку, в чьих глазах читалось еле скрытое сознание превосходства над желторотым мальчишкой-лейтенантом, которого был он лет на шесть постарше. Не лежала душа, — да разве скажешь? Сказал другое:

— Есть личный вопрос, товарищ старший лейтенант.

— Ну, слушаю, — отослав Боровкова, произнес ротный.

— Я к позавчерашнему разговору... — Шеремет покосился на сидевшего на скамье телефониста с аппаратом, запоздало соображая, что при нем все равно ответа не получит. И все же договорил: — О том, что «могли позвонить»...

— Все доискиваешься? — с недоброй усмешкой глянул на него командир. — Я уж про ту трепотню забыл, — и вспоминать не хочу... Можешь идти!

Вернулся лейтенант в свой взвод, а новопоставленный пом. уже с предложениями: назначить новых командиров отделений, мол, и кандидатуры присмотрел, — ну, и уравнивать населенность землянок. По первому пункту Сергей поставил Боровкова на место, сказал, что сам подберет людей. А с землянками и спорить не о чем: новая-то повместимей получилась, а в старой теснотища, — прямой смысл перевести оттуда двоих, а то и троих.

Сам-то решил остаться на прежнем месте, — не с Боровковым же соседствовать. Сел усталый на свою лежанку и спросил наработавшихся, располагавшихся уже покемарить солдат, кто хочет перейти в новую землянушку. Тут же и смекнул, что необдуманно брякнул, — потому что первым откликнулся Чечуев: «Я!» Это в планы Шеремета не входило: не вышаривать же обыском в обеих землянках. Нет, бычина, — хоть не пойман — не вор, — здесь останется. И, не взглянув на Чечуева, Сергей велел троим солдатам с верхних нар, где самая спертость, перебраться к соседям-новоселам.

Потом, уже растянувшись на тюфяке, попрекнул себя, что не удосужился, пусть коротенько, черкнуть отцу и Вере, решил: завтра уж обязательно! Еще подумал, что осложняется все с задуманным шмоном: не сказать Боровкову нельзя, да он и сам разнохает, а узнает — может тут же ротному доложить, чтоб насолить лейтенанту... Эх, был бы рядом свойский надежный Василий, — да не вернешь... Уснул с мыслью, что, так ли, эдак ли, завтра же с кражами надо разобраться, найти пропавшие ремни, пока не поздно.

А под утро, темно еще было, роту подняли по тревоге. Торопким марш-броском двинули в тыл. И не их одних, — впереди поспешала колонна первой роты. Куда — никто не знал. Остановились часа через два, когда уже вовсю светало, и увидели перед собой на невысоком взгорье фольварк, похожий на тот, что стоял напротив их переднего края. Только из этого фрицев выбили еще в первой волне наступления.

Подвезли ротам завтрак, и сразу после него появился перед построеными шеренгами высокий крупнолицый полковник в начищенных сапогах, длиннополой шинели и папахе. Громким, хорошо поставленным голосом сказал, что близится наступление, а точнее — штурм Кенигсберга. И чтобы лучше подготовиться, в войсках проводятся учения. Задача — взломать оборону противника, овладеть прикрывающими фольварк траншеями со всеми огневыми точками. Но сегодня — только начало. Пока — пальба холостыми и гранаты учебные, а потом будут боевые стрельбы. Цель — максимальное приближение к условиям боя.

И началось... Атаковали ротами — каждая в своем секторе. И к каждому взводу был приставлен инструктор-наблюдатель — офицеры из полкового штаба. Обороняющиеся строчили холостыми очередями, но не могли заглушить доносящихся со всех сторон наставничьих выкриков: «Как ползешь?! Да тебя уже дважды убило! В землю, в землю вжимайся!» «Это что — перебежка?! Да такими перебежками вы к завтраму до фрицев не доберетесь!» «Смелей надо — и гранатами, гранатами!» «Ефрейтор, — лычку с тебя содрать! — куда отделение заколбасил — в ловушку?!».

И еще, и еще доносилось, — нескончаемо. Да только не в таком переводе, — мат хлестал через каждое слово. И если взвод действовал не так, как требовал приставленный, — солдат возвращали на исходный рубеж, и все начиналось сначала. А то и всю роту возвращали. Может, и был от таких учений какой-то прок, но куда больше — усталости и злости на штабных указчиков, которые сроду ни в какие атаки не ходили.

После обеда дали полчаса передохнуть, — и опять то же самое. В сумерках уже двинулись обратным маршем на передовую, где оставалась прикрытием третья рота. Тут уж броска не вышло: умаянные, уляпаные грязью люди шагали на пределе сил. И едва добравшись до нар, проваливались в сон.

Гоняли роты на учения еще два дня. Тут пользы было побольше: боевые стрельбы. Били по макетам немецких дзотов и прочих укреплений из минометов и пушек, поливали автоматным огнем, подползая поближе, забрасывали окопы гранатами. Пользы побольше, но и риска тоже. Ранило сержанта из второго взвода, да не куда-нибудь — в задницу, — вот уж обсмеют, а кто и вдоволь поиздевается в госпитале... Но видел Шеремет по лицам, нутром чуял: многие бы, — да, может, все до единого, — еще и не на такое бы согласились, зная, куда их вот-вот бросят, какая хлынет кровяца.

После вымотавших учений затишье на передовой роздыхом могло показаться. Но какой там роздых, когда в воздухе предчувствие висело, будто вдыхалось

при каждом вдохе: может, завтра и начнется... Никто не уточнял, но приказ говорил сам за себя: проверить боеготовность личного состава, оружия и всего снаряжения. Вот этим и занимался Шеремет с самого утра, — вместе с Боровковым ощупывали до последней железки каждый автомат, осматривали диски, гранаты — весь боекомплект. Время от времени заглядывал в землянки ротный, тоже выборочно проверял. Он-то, конечно, знал, когда что начнется, но и взводным пока о том ни слова.

Как назло, зашел командир роты в момент осмотра оружия у Кувайкина — такая была фамилия у малорослого солдата с чирьями. А тот возьми да пожалуйся:

— Ремень у меня шинельный утащили. Вечор-то был, а проснулся — нетути...

«Восьмой, — отсчиталось в мозгу Сергея. — Этого только не хватало, да еще сейчас... Скользнул взглядом по лицу ротного: неужто при всех начнет распекать-выяснять?»

Но старший лейтенант словно пропустил жалобу мимо ушей. Подошел к другому солдату, велел показать автомат, оглядел придиричиво, — и на выход. Обернувшись, сказал Шеремету:

— Зайдешь ко мне в 21-30. — С тем и удалился.

Чечуев, конечно, все видел и слышал, — в трех шагах сидел. Сочувственно башкой покачал, матерок даже пустил в адрес затаившегося вора. И продолжал писать что-то карандашом на листке бумаги. Может, матери письмо? Ну да, кто-то же его, бычатицу, выродил... И спокоен гад, — знает, что уж сегодня-то никакого обыска точно не будет.

Тут вспомнил Сергей, что так и не написал еще ни отцу, ни Вере. И едва закончили они с Боровковым приказанную проверку, — сел за письма. Только вот — о чем? Про то ожиданье «разведки боем», про неурядки во взводе, про висящее в воздухе предчувствие, — и думать нечего: цензура не пропустит, на то и бдят над каждой цидулькой с фронта... И остаются обтекаемые слова, — что жив-здоров, все нормально, ну, и что помнит, любит, мечтает поскорей встретиться. Да, в общем-то, это для них и главное: цел, раз своей рукой пишет...

Прервался на минуту, обвел глазами землянку, — почти все тем же и занимались, — засеивали буквами листки. Строчили, хоть и знали фронтовое поверье: неважная примета перед боем писать, куда лучше бы — после него. Но и другое знали: с того света письма не ходят. А кому посчастливит в нависшем пекле уцелеть, — неведомо.

В назначенный час пошагал Сергей к командиру роты. Ничего хорошего от этого вызова не ожидал и почти не удивился крику, которым встретил его старший лейтенант:

— Ты, мать твою, что во взводе развел?! — Покосился на сидевших у стенки ординарца с телефонистом, показал на дверь: дескать, — выйди, пока не позову. И едва остались с Шереметом одни, заорал еще громче: — Какой ты, на хрен, взводный, если вора не можешь ущучить?! Ждешь, когда все без ремней останутся?!

«Боровков донес, — понял Сергей. — Разнюхал — и сразу сюда. Помощничек»...

Сказал, что ремни стали пропадать еще до него. А он хотел шмон устроить, да никак не получалось: то мандражная ожидалка «разведки боем», то землянку спешно ладили, то учения эти... Сегодня и можно было бы обыскать, — да, честно сказать, рука не поднимается.

— Не поднимается, — неожиданно помягчав, согласился старший лейтенант. Раздумисто пригладил усы. — Приказано не разглашать, а, небось, все догадываются, что завтра начнется... Говорят чего?

— Может, промеж собой. А так — не слышно.

— Ну ладно, о ремнях — в другой раз, — чуть помолчав, подытожил ротный, и его голубовато-серые глаза, как в тот их первый разговор, глянули на Шеремета по-доброму улыбочиво. — Давай пожелаем, чтоб другой раз состоялся. И чтоб в срок тебе девятнадцать стукнуло. Лады?

— Лады! — с готовностью откликнулся Сергей. И подумалось: пока ротный в настроении, — и задать бы тот свербивший все эти дни вопрос. Будет ли еще случай?.. Проговорил: — Вот только застряла в башке непонятица — что комбату тогда «могли позвонить». Кто? О чем?! Меня же никто и...

— Выкинь из башки! — оборвал старший лейтенант. — И шагай! — Но когда Шеремет повернулся идти, его остановило неожиданное: — Стой!

Никого кроме них в блиндаже не было, но, жестом вернув Сергея к своему столу, ротный спросил вполголоса:

— Чем СМЕРШ занимается, знаешь?

— Само собой.

— А есть еще в полках и дивизиях особисты. Ну вот, с тех верхов и могли комбату звякнуть.

— Про меня?! — потрясенно вырвалось у Шеремета.

— Да кому ты на фиг нужен... — Старший лейтенант поморщился и замолк, похоже, уже и жалел, что вляпался в небезопасный разговор. — Все это — гаданье на кофейной гуще, понял? Было ли, нет ли, — не узнать... Зряшный треп. Я уж тебе, любопытнику, только ради завтрашнего дня...

Вот тут бы и кончить расспросы, пока не нарвался на командирский гнев. Но как-то само собой произошло:

— Да о чем бы им звонить-то?

— Тьфу, залипучил!.. — в сердцах плюнул ротный. — Улов им нужен, понял? Шпионов ловят, лазутчиков, диверсантов, — да маловато их, видать, стало, фрицам уж не до того... Вот и высматривают зорче нашего брата, — крамолу всякую ищут, самострелов, ослушников приказов... — Он придвинулся к Шеремету вплотную, и уже не полуголос это был — полупшепот. — А за плохой улов тех смершистов-особистов начальство в окопы может шугануть с теплых-то местечек. Они и шустрят, названивают в полки да батальоны. Чтоб бдили, разоблачали, жестким гребнем ряды прочесывали... Ясно? И заруби себе: я ничего не говорил, а ты ничего не слы-

Рис. А. Митрофановой

шал! Вякнешь где, — сам в силки и угодишь. У замполита в каждом взводе осведомители...

«Боровков уж точно», — тут сомнений у Сергея не было.

— И кончили! — уже громко обрубил разговор старший лейтенант. — Иди! — Указал рукой на выход.

...Едва рассвело, — исчезли все человечьи звуки, — все заглушил, запечатал вырвавшийся из сотен стволов, сотрясающий небо и землю грохот. Залпы тяжелых орудий и выползших из капониров самоходок, огненные стрелы «катюш», яростный клекот дивизионных минометов — все слилось, спаялось в испуганный, наспигованный смертью рев. И не рассказы бывалых фронтовиков о таких вот артподготовках вспомнились в те минуты Сергею, — древняя бабка вспомнилась, стоявшая у единственной уцелевшей в их городе церкви, ее грозный неведомо кому перст и слова: «Будет, будет вам светопреставление, и земля-то вся зашатается».

А она, и правда, шаталась, надсадно дергалась от залпов и взрывов, сыпалась с бруствера глина на каски изготовившегося к атаке батальона. Время будто остановилось. Не было конца громовому смерчу, земной дрожи под ногами. И приходило вдруг в голову, что, может, вусмерть осточертело ей, Земле, терпеть, что творят с материнской ее плотью и сами с собой двуногие, которым зачем-то дала расплодиться. Вот лопнет ее терпение, разверзнутся глубины, — и провалятся в тартарары

и немцы, и русские, и все прочие терзатели тверди со всеми своими пушками, окопами, бастионами...

Немцы отвечали на наш огневой шквал, но куда слабей. И чем больше рвалось и взрывалось в гривах дыма и языках пламени там, в глубине их обороны, тем заметней слабел ответный огонь. Но ни те, ни другие не били по переднему краю: узковата нейтралка, можно попасть по своим.

Здесь, над изрытым воронками полем, шла другая — ближняя дуэль. Стреляли прямой наводкой по вражьи дзотам и окопам батальонные пушкисорокапятки, окрещенные фронтовиками невеселым прозвищем «Прощай, Родина!». Остервенело изрыгали мины придвинутые поближе к переднему краю минометы. Но пригнувшейся в окопах пехоте ничего не было видно, да и не слышно в оглушающем, закладывающем уши реве.

...Едва оборвался внезапной тишиной ревущий шквал, — взмыла к облакам красная ракета: сигнал к бою.

— Вперед, за мной! — Шеремет первым выскочил из траншеи. И тут же понял, что разом ополовинилось его командирство, а может, и до четвертушки ужалось.

Нет, солдаты поднялись из окопов все, — и у него, и у Боровкова, на левом фланге взвода. Поднялись, но через десяток шагов залегли уже без никаких команд — велеием собственной шкуры. Потому что главнее взводного были сейчас стеганувшие вихри

немецких пуль и разрывы мин. «Успей убить, пока тебя не убили» — старая солдатская истина, ее и в училище майор не раз курсантам повторял. Но чтобы порешить фрицев, — которым, дуракам, давно бы уж сдать пора в своей окруженке, — чтобы ворваться в их траншею, надо сперва продрасть сквозь это конопатое от воронок расстрельное поле с останцами почернелого снега. И тут уж не тебе, лейтенанту, впервой порошу нюхнувшему, приказывать, когда ползти, когда перебежку делать, — каждый сам для себя решит. А ты, взводный, в этой рассредоточившейся, неумолимо редееющей от вражьего огня цепи по сути-то такой же солдат с автоматом. С автоматом, но еще и обязанный направленье на цель держать, соображать, как лучше твоим людям к ней подобраться, — указанной ротным недоброй памяти огневой точке у одинокого дерева.

Наверно, комбату на наблюдательном пункте видна была вся картина боя. А Шеремету — мелькающим пунктиром обрывков — лишь самая близость. Пригревало уже вставшее солнце, и многие распахнули в поту шинели, грязные, как и перемазанные землей лица. Перебегали и падали, — кто для нового броска, кто — насовсем... И не подползешь, не глянешь, может, еще успеть перевязать бы, — да запрещено: ослабнет, захлебнется атака... А совсем уже рядом — пролаз в проволочном заграждении, ночью саперами проделанный... И немецкий пулемет вдруг смолк. Осечка или просто на секунду? — Сергей не успел и подумать: тело сработало само — первым перекинулось на ту сторону проволоки. Следом кавказец Раджабов, тот хлопотун у печурки...

И в этот миг снова сыпанул свинцом пулемет, — похоже, фриц выждал, когда враги подтянутся к пролазу. Тут и пришило бы Шеремета, если б не воронка, куда рывком скатился, ощутив, как ожгло, проклюнуло болью левую руку повыше локтя. Успел столкнуть туда и кавказца, но поздно: две пули впились в грудь, — уже не дышал... И почувствовал: под рукавом потекло.

Лежа, кое-как выпростался из шинели. Так и есть: рукав гимнастерки намок кровью, алая струйка показалась из-под обшлага. Засучил намокшее, зубами разорвал санпакет, перевязал, как мог, одной-то рукой. Течь перестало, но бинт на глазах пропитался, закровенел, — и ранка-то, вроде, маленькая, сквозная, да, видно, какой-то сосуд задет. Повезло еще, — хоть кость цела... Осторожно опустил оба рукава, — и нательный, и гимнастерочный, — и опять увидел ползущую по запястью красную струйку, потоньше прежней, но неостановимую.

И что теперь? Ползти в тыл, в медпункт? Солдаты его уцелевшие, небось, думают: убит. А он к фельдшерам потащится... Да если б и решился, — живым доберешься ли? Бой в разгаре, пулемет этот лупит, пули чуть не над головой... И там, левее, у Боровкова, густерня стрельбы, — видно, не могут взять приказанный ротным дзот... Выходит, остается ужаться рядом с мертвецом в этой ямке и ждать?.. И ощутил, как напряглись там, внутри, невидимые ремни, портупея его воли. Нет, только не это! Будь что будет, — но не отсиживаться!

Минуты три прошло, как скатился он в воронку, а, казалось, невесть сколько... Отодвинуть убитого было некуда, — протиснувшись по его ногам к другому краю ямки, Сергей вжался подбородком в землю и выглянул. Сразу увидел: маленькая промоинка, может, след от талого ручейка, — и тянулся он туда, где с невысокого взгорка бил пулемет. Бил по продиравшимся через заграждения, но пули пролетали и тут, хоть и пореже. И — была, не была — Сергей по-змеючьи выволокался из воронки и, погружаясь лицом в черную сырь, пополз по промоинке.

Сразу ощутил: под рукавом потекло, как до перевязки, может, и бинт сорвал... Но не о том мелькали ключьями мысли. Спасенье в одном: если только не заметят... Подползти поближе, чтоб — наверняка... Сжав зубы, тянул, волочил свое тело, и не было конца измятой черепашьей ползучке. Еще метр, еще хоть полметра... Но лежа толком не бросишь, а приподнявшись, верняком словишь пулю... Текли секунды, — и не мог себя заставить... Пока те внутренние ремни не вгрызлись, не сдавили так, что его словно оттолкнуло от земли, — встав на колени, метнул гранату. Уже падая в черную сырь, услышал взрыв, — и пулемет оборванно смолк.

Смолк! Но — насовсем или опять на миг?.. Распластавшись на земле, он ждал, только сейчас почувствовав боль в боку. Ощупал рукой, — кровь, но куда меньше той, что текла из левого рукава. Задрал гимнастерку и рубаху, глянул: просто царапина кровящая, — милостиво обошлась с ним пуля, которую мог бы и словить...

А пулемет все молчал, хотя прошла уже пара минут. И Сергей решился: приподнялся на колено, чтобы встать. Тут же инстинктивно пригнулся, услышав там, в пулеметном гнезде, короткую автоматную очередь. Но сразу же осознал: не немецкая это очередь — наша! И уже уверенно двинулся путем своей гранаты.

И десятка шагов не прошел, — выглянул из окопа (вот уж кого не ожидал!) Кувайкин, тот недорослый солдатик с чирьями. Тот, увидев его, крикнул обрадованно:

— Товарищ лейтенант! А мы уж думали... — И тут только, видать, до него дошло. — Дак это вы их — гранатой?!

Шеремет не ответил, лишь кивнул. Молча подошел к проклятому убойному гнезду, оберегая кровотокающую руку, осторожно перелез через сложенное из камня ограждение, в амбразуре которого торчал ствол заткнувшегося пулемета. Спустился к Кувайкину, стоявшему возле двух мертвых немцев, и непривычным самому себе охриплым голосом проговорил:

— Перевяжи.

— Ого, садануло вас... — глянув на текущую по ладони лейтенанта взбухающую красную струйку, кропящую землю, солдат споро загнул залипший от крови рукав, разрезал ножом сползший, закровенелый бинт, стал туго бинтовать свежим, из своего санпакета.

Бинтовал, а сам торопливо рассказывал, как оно одновременно почти вышло: те, кто с Боровковым, —

самого-то убило, — одолели все же, взяли дзот, — и тут ваша граната хайло убойцам заткнула... А ворвались в траншею, — только вдогонку постреляли: драпанули фрицы на вторую свою линию укреплений...

Сергей слушал вполуха, смотрел в узкий проход, соединявший вынесенный вперед пулеметный окоп с траншеей: не появится ли еще кто из своих. Про царапину на боку и говорить не стал: мелочь, авось, сама присохнет. Спросил:

— Сколько во взводе осталось?

— Не считал. Сам вот дивлюсь, что цел, — чирьи только содрал, гноищем всего умазало... — Кувайкин кончил бинтовать, затянул покрепче узел. — Ну, человек двенадцать-то есть, может, и четырнадцать.

«Половина»... — эхом отдалось в голове Шеремета.

— А чего ты тут стрелял после гранаты?

— Вбежал сюда, — один-то гад начисто уделан, а второй еще живой валялся. Увидел меня и руки вверх расшеперил — в плен, дескать, берите. Черта с два, думаю, тебе, расстрельщику, — да и прошил его очередью!

Шеремет посмотрел на немца, пособлявшего тут, похоже, вторым номером. Немолодой, лет под полтинник, фолькштурмовский, значит, тотальник, из последних заскребышей. И, может, был у него родитель, какой-нибудь дряхляк-бюргер на восьмом десятке, который втихую сыну нашептывал, что, авось, пронесет, не заскребут, — генералы, глядишь, вот-вот Гитлерюгу кокнут, — и войне конец. Да зряшно старикан надеялся, как и его отец там, на Урале... И оборвал себя Сергей, отвратны стали собственные мысли. Чего равнять-то вздумал?! Если б сдался этот заскребыш, не искровавил себя убойством, тогда, может, и посочувствовало бы. А они, собаки, с напарником сколько наших уложили, — смерть собачью и получайте!

— Ротный!.. — перебил мысли Шеремета сдавленный — от неожиданности, что ли? — голос Кувайкина.

И Сергей увидел входящего в окоп из траншеи старшего лейтенанта. Позади двое автоматчиков.

— Ну и видок у тебя, — поморщился командир, глянув в черное от грязи лицо взводного. — Негра негрый...

— Мордой землю пахал, пока полз, — объяснил Шеремет.

— Товарищ старший лейтенант, это он гранатой огневую точку подавил, — подал голос Кувайкин.

— С первой гранаты?!

— А второй бы уж и не было, — уточнил Сергей. — Не попал бы, тут же б всего изрешетило...

Но ротный, вроде, уже и не слышал. Оглядел залубеневший от присохшей крови левый рукав Шеремета, приподнял обшлаг гимнастерки, из-под которого опять потекла тоненькая красная струйка. Повернулся к Кувайкину:

— Когда перевязку сделал?

— Да трех минут не прошло. Натуго стянул.

— Дрянная рана, — мотнул головой ротный. — Навидался я таких... Тут жгут надо наложить либо давя-

щую повязку, — в медсанбате решат. Давай, лейтенант, дуй туда, да пошустрей, а то кровью изойдешь.

Это был приказ. Да Сергей и сам понимал: надо идти. Но ушлепать прямо вот сейчас, даже не повидавав своих уцелевших...

— Товарищ старший лейтенант, неловко сказать, но так уж вышло: со взводом своим разминулся. А от него, вроде, и половины не осталось. И мне бы...

— Да, потери тяжелые, — перебил ротный. — Мы-то еще посередке, — хуже всего первой роте досталось. Стены те с бойницами штурмовали, потом и в траншеях бились... Но теперь вся линия — наша, и хоть негусто нас, — фрицам не сунуться. Пока мы тут их оборону прогрызали, танки с флангов обошли, весь укрепайрон — в клещи! С тыла будут их давить.

«А если в клещи, — зачем атака эта расстрельная?» — так и подмывало спросить. И еще то, запавшее в голову в первом окопном стоянии: «Да на хрена его штурмовать-то, чертов Кенигсберг, все равно обреченный сдать?» Но понимал Сергей: не к ротному вопрос, да и не к комбату. Другое сказал:

— Мне бы на солдат своих глянуть...

— Выполняй приказ, лейтенант! — построжал голос ротного.

И Шеремет стал выбираться из пулеметного гнездовища. Но, то ли неудачно ступил, то ли подслабли ноги, — поскользнулся и шлепнулся на задницу рядом с одним из мертвых немцев. Пока поднимался, командир принял решение.

— Пойдешь с ним! — подтолкнул недорослого солдата. — Подмогнешь, если что. А то еще и не дойдет... Проводишь — и сразу назад!

— ...А я заодно и чирьи свои покажу, — ухмыльнулся Кувайкин, когда отошли от немецкого окопа. На его глуповатом, ничегошеньки не умевшем утаить лицо прочитался приятный расчет на собственную пользу от этого провожания. — Может, уколы бы какие, или в госпит...

Его оборвал громкий стон где-то совсем близко. И оба лишь сейчас увидели: слева, за голым низеньким кустишком — раненый. Наверно, он только услышал их, — глаза, все лицо были залиты кровью. И, призывая помощь, застонал еще громче.

— Видать, принял нас за санитаров, — наклонившись к уху Кувайкина, произнес Сергей. — Тут тихо надо говорить. А лучше — молчать.

Стоны слышались по всему искромсанному взрывами полю, но чаще — слабые, глухие, из последней мочи. Наверно, если закрыть глаза, могло почудиться, будто сдавленно стонет сама земля, — от бессилия разорвать круг нескончаемо творимого на ней злодейства...

Но стон — пусть зыбкая, да зацепка за жизнь, за краешек надежды. Может, услышит, подоспеет кто из санинструкторов, хоть мало их тут, вдсятеро меньше, чем рухнувших в атаке. Авось, сумеют доволочить до медсанбата, — туда и тащит на плащ-палатке дюжего раненого вон та согнувшаяся от тяжести медсестра.

— Да это ж Катюха! — вырвалось у Кувайкина.

— Сказано: тихо, — Сергей прикрыл ему рот ладонью.

— Сперва-то морду воротила, не хотела давать, — понизив голос, не свернул с темы провожатый. — Не приглядник, мол, ростом не вышел... А потом в темнотке зажал ее у стенки, дак ничо... — Лицо недоростка осветилось приятством воспоминаний. — Я тогда чистак был, без никаких чирьев.

— Заткнись! — не выдержал Шеремет. Невмоготу было это слышать, видя, как выбивающейся из сил клячей волочит она свой живой еще груз — несчастная простреленная страхом девчонка, чьей единственной надеждой вырваться из пекла было забеременеть, все равно от кого.

Несколько минут шли молча.

— Товарищ лейтенант, может, накинули бы мою шинелку. — Кувайкин, похоже, старался пригасить раздражение взводного. — Коротковата, но все ж... А то продует в одной гимнастерке-то.

— Не надо, — отмахнулся Сергей, только сейчас вспомнив собственную шинель, оставшуюся в той воронке. Да и была бы она на нем, — скинул бы. И не в том даже дело, что хорошо уже пригревало с ясного неба предапрельское солнце... Все текла из рукава набухающей стружкой кровь, тяжелели ноги, стало подкруживать голову, — какой там еще лишний вес — шинель...

— Взять, что ли, ремень? — Кувайкин в раздумье остановился над убитым. Нагнулся и помотал головой: — Нет, истертый, мой поновей был...

А Сергею подумалось, что вот уж Чечуеву бы тут раздолье — бери, сколько влезет, пока похоронщики не явились... А что, если жив бычина, в потемках точно выйдет на промысел, мародеры, они всегда ночью... И никаких тебе шмонов.

Они дошли лишь до середины поля, еще столько же надо было проташиться мимо мертвых и умирающих под отрешенно сияющей весенней голубизной. Где-то недалеко, за фольварком, а может, внутри него снова вскипал бой, — в рычании танков, в яростном лае выстрелов, грохоте разрывов. А здесь слабеющие стоны будто вязли, истаявали в навечном молчании тех, кого срезало насовсем. «Пол-России трупами устали»... — всплыли в памяти слова дяди. Да, вот и Европе полив устраиваем нашей кровушкой. Корневища жизни выкорчевываем, от которых уж ни единой поросли не будет, — одна яма провальная в народе...

И опять удивился Сергей непривычности мыслей, которые никогда и не забредали в голову в простой, коротенькой его школьной да курсантской жизни. Не забредали, пока одним махом не перевернуло, не овзрослило его то стоянье в траншее в ожидании «разведки боем». Овзрослило так, что теперь уж и самому не понять, сколько ему на самом-то деле лет.

А кровь стекала по ладони, алой каплей пунктирила их путь. Навалилась усталость. И понял: если не забинтовать еще раз, туго-натуго не обмотать руку, —

дело швах. Но когда уже хотел сказать Кувайкину, чтоб доставал бинты, тот вдруг вскрикнул:

— Чечуев!

И торопливо подойдя, они увидели...

Шеремета на секунду только хватило, больше не мог. Отвернулся, — и вырвало, вывернуло всего наизнанку. Но увиденное будто фотографией в мозг впечаталось, перед глазами стояло.

Он лежал на спине в распахнутой шинели. И все остальное было распахнуто, только не им, — осколком мины, вспоровшим от груди чуть не до паха и гимнастерку с рубахой, и брюшину, из которой сизокровавой слизистой кучкой вылезли кишки. Замершие руки, видно, пытались втиснуть их обратно... И взьерошенно торчали края перерубленных осколком, — может, и не одним, — ремней, плотно, один к одному, стягивавших живот...

Так вот для чего крал бычина те ремни! Не поверилось, когда Василий шепнул ему тогда, в темноте траншеи, свою догадку. А оказалось, прав был сержант. Жалкая в призрачности, иллюзорности своей надежда: авось, застрянет в пряжке пуля на излете, авось хоть малость ослабнет ударом осколок, пробивая ремень, и вонзится не так глубоко, как мог... Сила-то была зверючья, а умишко совсем недалекий, как и в той утренней цидуле. И с каждым краденным ремнем казался себе, небось, хоть немного да защищенной, хотел весь ими опоясаться... Всего-то навсего выжить хотел, да не согласилась немецкая мина с тем хотеньем.

Не было жалости к неюди. Но что-то всколыхнули в Сергее эти обрубыши ремней над кровавой слизью вылезших кишок. Будто заново высветило беззащитность голой человеческой плоти перед нацеленной в нее смертью, изобретенной в бесчисленных обличьях и видах. А сколько еще наизобретают!.. И подумал: был бы аппарат, — заставил бы себя еще раз взглянуть и сделать снимок. Нигде бы, конечно, не пропустили, — ни в газете, ни на какой там фотовыставке. Но, может, когда-нибудь другие, родившиеся через много лет люди захотят узнать всю правду об этой войне. И стал бы снимок пусть малой частицей той голой правды, — и об этой, и обо всех войнах... С ходу и оборвал себя. Да окажись в его руках аппарат, — немедля отобрали бы, а самого — в СМЕРШ...

— Товарищ лейтенант, а мой-то ремень целехонький, — проговорил склонившийся над мертвецом Кувайкин. — На самом низу потому что... Вот я его сейчас отцеплю.

— Не смей! — вырвалось у Шеремета. Но тут же и подумалось: «А почему не смей-то? Пусть»... Махнул правой рукой: — Да ладно, снимай. — И передернуло от мысли, что его будут перевязывать возившиеся на трупе пальцы.

К черту! Он забинтуется остатками санпакета сам, одноруко, как может. И — пусть шатаясь, пусть где и волочась, хоть ползком, — дойдет, доберется до медсанбата!

Если хватит крови.

Андрей СКОРОБОГАТОВ

Паспорт*

— Да, любимая... Уже подъезжаю... Что, заказала, киска моя? — Женщина лет сорока с короткой стрижкой вошла в речной трамвай. Увидев стоящего рядом Поля, она с нескрываемой ненавистью посмотрела на него, продолжая разговаривать по медиафону. Он безразлично отвел глаза, потому что демонстрировать свою нелюбовь к лесбийскому движению считал бессмысленным. Ну есть оно и есть, что он может с этим сделать? Что может изменить человек, когда он один в бетонных джунглях сошедшего с ума мегаполиса?

К тому же, бросать взгляды на женщин считалось противоправным.

Речной трамвай отошел от станции и двинулся дальше по реке вдоль стеклянно-бетонных улиц столицы.

Полю тридцать лет. За два года до его рождения, как раз после распада Евросоюза и последовавшего политического кризиса, власть в республике попала в руки Национал-Феминистической Партии Европы. Во главе партии в то время стояла Инесса Зайнер, известная феминистка и защитница прав секс-меньшинств, владелица крупнейшего в регионе медиа-холдинга. Позднее подразделения партии и партии-двойники появились во многих соседних странах центральной и западной Европы. Программа НФПЕ изначально носила социальный характер, что позволило партии быстро завладеть электоратом, однако через некоторое время стали проявляться истинные цели фанатиков из партийного руководства...

Огромные рекламные растяжки с лозунгами «Понимание», «Толерантность» и «Свобода» на улицах. Видеоизображения целующихся геев и лесбиянок на каждом углу. Детские передачи по телевидению, которые превращают подрастающее поколение в извращенцев. Информационная блокада страны, контроль Интернета и всех средств связи, уничтожение старой бумажной литературы. Закрытие учебных заведений, как оплота

«шовинизма», и переход на индивидуальное обучение. Принудительные аборты и стерилизация «нетерпимых». Массовые отказы родителей от детей и уничтожение института семьи. Иногда Полю кажется, что это какой-то чудовищный заговор... Заговор против его страны и западноевропейской цивилизации в целом. А может, это все неизбежно? Ответ не известен...

В речном такси было человек пятнадцать, в основном средних лет. Двое мужчин были нарочито неопрятно одеты и носили бороду — признак антисексуалов. Поль уважал подобных людей, по сути, он сам был таким же, только бороду не носил. Это намного лучше, чем... Пока еще этих бородатых парней не «запретили», тем более что женщин-антисексуалов тоже хватает.

Четверо китайцев сидели отдельно, как это обычно бывает. «Понимание» касалось и приезжих, которых пускали в страну на короткий период по трудовому найму, чтобы хоть как-то восполнить дефицит рабочих рук. Тем не менее, ассимиляцию пресекали, а всех забеременевших азиаток и негритянок ждала или высылка из страны, или, того хуже, принудительный аборт, поэтому трудовая иммиграция была почти полностью мужской. Поль поймал себя на мысли, что за последнюю неделю не видел ни одного ребенка — еще бы, ведь единственным «нешовинистическим» способом получить потомство, по сути, осталась «пробирка». За последние двадцать лет население страны, как и в большинстве других стран региона, сократилось на пятьдесят с лишним процентов.

...Он начал понимать, что все вокруг не так, еще в лет пятнадцать—шестнадцать. В то время один за другим его знакомые ребята стали строить друг другу глазки и расходиться по парам. Полю это почему-то казалось противоестественным и неприятным. Позднее он узнал, что подобных ему называют «устойчивым гетеросексуалом», и что инстинкт отторжения со временем все равно сработал бы, вне зависимости от школьного воспитания и телевизионного внушения.

Окончательно все встало на свои места, когда ему в почтовый ящик закинули рекламную листовку одного клуба. Парень рискнул и зашел в это подвальное помещение на окраине. Там был запрещенный спутниковый Интернет, трафик которого не фильтровался. Поль ходил туда несколько месяцев и до сих пор помнит все, что он там увидел и прочитал.

* Рассказ занял 5 место на конкурсе короткого рассказа фестиваля «Аэлита-2008»

Андрей Валерьевич Скоробогатов родился в г. Екатеринбурге (Свердловске) в 1987 г. В 2006 г. окончил Уральский политехнический колледж по специальности «Техник-наладчик ЭВМ». В настоящее время работает инженером компьютерного центра Европейско-Азиатского института управления и предпринимательства. Данный рассказ Андрея Скоробогатова — его первая публикация в печатном издании.

Через два года клуб закрыли, организаторов посадили и стерилизовали, а на всех посетителей, включая Поля, надели электронный «браслет шовиниста», через который фиксировалось каждое передвижение субъекта. Свободу он обрел через четыре года, в полной мере осознавая, что надо что-то менять в своей жизни. Хладнокровно, расчетливо Польш двигался к цели, и похоже, что именно сегодня это «что-то» может поменяться.

* * *

Предпоследняя станция, надо выходить. Вслед за Полем из речного трамвая вышла молодая девушка в серой куртке. Сначала он не обратил на нее внимания, но внезапно заметил странный взгляд из-под длинных ресниц. Когда на него так смотрели, Польш всегда терялся и не знал, что делать. Точнее, он знал, как делали раньше — подходили, знакомились, встречались, но ведь это все — раньше, а сейчас за такое могут и посадить. Он пошел, не оглядываясь, по проспекту Равенства в сторону дипломатического квартала.

Поток машин — бензиновых, водородных и электромобилей лился по проспекту, сотни безликих менеджеров, консультантов, юристов ехали по своим делам, каждый по одному, в своей машине. Удивительное дело, в сотый раз подумал Польш, — мест в автомобиле четыре, а ездят все по одному. Ведь было же время, когда люди объединялись с соседями, ездили на работу вместе, чтобы не создавать пробок.

Хотя, что удивительного? Посадишь сейчас в машину друзей, коллег — намек на домогательство или ущемление «свободы». Вот и получается, что машина — маленький домик на колесах, ракушка для одинокой улитки. И если раньше люди стремились завести друзей, найти любовь и создать семью, то сейчас большинство стремится накопить денег побольше и купить автомобиль красивее и современной...

Польш отвлекся от мрачных мыслей, когда заметил, что та девушка из речного трамвая идет следом за ним. Вот было бы здорово, если она идет туда же, куда и он, промелькнула мысль, но такие совпадения случаются редко. А вот и то самое кирпичное здание с флагом. «Обязательно посмотрю потом, что обозначают эти три цвета...», — подумал Польш и резко свернул с проспекта, почти бегом направляясь к воротам.

* * *

— Извините, вы за паспортом? — спросил Польш у высокого мужчины лет сорока из очереди.

— Привет, — дружелюбно ответил тот и протянул руку. Польш удивленно взглянул на него, но руку все же пожал. — Если тебе получить — то сюда, а если сдавать документы — то это в сто пятнадцатую комнату. — Мужчина добавил, улыбнувшись: — И не смотри так странно. Там, куда мы все собираемся, так принято здороваться, и в тюрьму за такое не посадят.

— Мне получить, — Польш кивнул и тоже улыбнулся.

— Это хорошо. Билеты купил?

— Сегодня поеду за ними.

Человек усмехнулся.

— Тоже не терпится? Смотри, там ведь свои трудности, Церковь, к примеру, климат хуже. Хотя... это все мелочи, по сравнению с тем, что здесь.

— По крайней мере, там здоровых людей не стерилизуют и принудительных абортот не делают, — послышался голос из очереди.

— Вот ведь, интересное дело — еще полвека назад все переезжали оттуда — сюда, а сейчас, вот уже лет десять — наоборот, — продолжил разговор первый собеседник.

— Режим, — вздохнул Польш.

— Но почему именно к ним? — спросил мужчина. — Ведь есть же еще и Греция, Латинская Америка, там тоже не все так плохо, как у нас.

Польш пожал плечами.

— Я почти сразу решил ехать туда, сейчас даже и не помню, почему.

— У меня сын там уже семью завел, — подключилась к разговору пожилая дама из очереди, на глазах у нее были слезы радости. — Наконец-то мы сможем с ними общаться, ходить друг к другу в гости, а то я уже целых семь лет могла разговаривать с родными только раз в неделю.

Польш погрузился, вспомнив о своих родителях. Когда их лишили родительских прав, как и большинство других семей в начале правления НФПЕ, мать с отцом, потеряв надежду, тоже переехали в другую страну. След их затерялся. Полю тогда было лет шесть, и он не сразу осознал весь ужас произошедшего — ведь его мозги были «промыты» телевидением и психологами-воспитателями. Что и говорить, одно время даже сами слова «папа» и «мама» были запрещены как неполиткорректные и ущемляющие права гомосексуальных пар. После двадцати лет желание увидеть родных разгорелось с новой силой, и сейчас он знал, что после переезда обязательно найдет родителей, в какой бы точке нормального мира они ни жили. Лишь бы живы были...

— Извините, вы последний за паспортами? — спросил звонкий женский голос за спиной, и Польш, обернувшись, с удивлением обнаружил там девушку в серой куртке. Она улыбалась.

— Да, а как вас зовут?

* * *

— Рады? — спросила женщина, вручая паспорт. Ее прическа, одежда и макияж явно служили для того, чтобы привлечь внимание мужчин, а платье ярко контрастировало с безликими серо-деловыми костюмами эмансипированных горожанок. На территории посольства каждый чувствовал себя в безопасности. Будет ли так же в стране, куда он собирается уехать?

— А как же! — воскликнул Польш. Язык за последние три года он выучил почти в совершенстве. — Не представляете, как я вам всем благодарен.

— Вы не одни такие. Ладно, не задерживайте очередь, пусть следующий заходит.

Счастливый Польш вышел в коридор и намеревался идти к выходу, но его остановил тот самый высокий мужчина из очереди.

— Погоди... Ты когда собираешься уезжать, не на этой неделе?

— Как только будут билеты, так сразу, а что?

— Просто послезавтра ежемесячный гей-парад, и у меня есть одна идея... Не новая и рискованная, конечно, два года назад за такое даже арестовывали парочку. Но мы же теперь с двойным гражданством, да тем более, какой страны! Нам почти ничего не угрожает... О, и вы, Катарина, подождите. — Мужчина остановил девушку, выходящую из кабинета с паспортом. — Вы как раз можете составить ему пару.

* * *

На бульваре Зайнер шел праздник. Колонны раскрашенных и переодетых в женское юношей проходили мимо зрителей, большинство из которых с кислыми лицами смотрели на шествие. Мужчины стояли на правой стороне, женщины на левой. Посещать подобные праздники часто обязывала корпоративная этика предприятий, кто-то ходил из-за боязни, что его посчитают «нетерпимым». Однако были и те, кто наблюдал за происходящим с явным удовольствием.

— Этот Мюль такой милашка, — сказал Полю стоящий рядом «парень», показывая на кого-то с очередной платформы. Нормы хорошего тона обязывали согласиться, но Поль усмехнулся и сказал:

— А по-моему, он просто придурок, — и подмигнул Катарине, стоящей на противоположной, женской стороне бульвара.

Место и время было заранее оговорено еще в сольстве, Поль волновался, что она не придет, но все же они оба пришли, как и договаривались. Мимоходом он заметил еще двух девушек с противоположной стороны, которые не глядели на платформы, а высматривали кого-то среди мужчин. Поль знал, что они с Катариной сегодня не одни.

Главная колонна с «Королем праздника» приближалась, все камеры репортеров, ведущих прямую трансляцию, нацелились на платформу, и Поль поднял руку — условный знак.

Парень с девушкой синхронно перелезли через полосу ограждения и выбежали на середину бульвара. Поль крепко обнял Катарину и на глазах у изумленной толпы, под прицелом десятка камер поцеловал в губы...

Одновременно еще две таких же пары перешли через ограждение и повторили их «преступление против толерантности». Платформа остановилась, комментатор замолк, полицейские подскочили к целующимся и потащили их в разные стороны.

На них попытаются надеть наручники, отвести в участок, возможно, будет допрос и даже суд. Но Поль знал, что с принятием гражданства Федерации их будущему вряд ли что-либо угрожает. Страна, занимающая одну седьмую часть суши, сможет защитить своих новых граждан. И он был рад тому, что отомстил этим фанатикам, был счастлив, что они с Катариной скоро покинут этот сошедший с ума город и начнут строить новую жизнь.

ГАНЗЕН Анна Васильевна (урожд. Васильева; 1869 — 1942), переводчица.

Род. в г. Касимове в купеч. семье. Выйдя замуж за литератора-датчанина Петера Ганзена, выучилась датскому, а затем норвежскому и шведскому языкам. Неоднокр. ездила в Данию и Швецию, помогала мужу переводить скандинавских авторов на рус. яз. С 1894 г. супруги стали подписывать свои переводы «А. и П.Ганзен». Свои переводы они предваряли статьями о творчестве писателя. Они впервые перевели с датского сказки Х.К.Андерсена (до этого сказки переводились со швед., нем. и др. переводов). 4-томник Андерсена в переводе А. и П. Ганзен, украшенный гравюрами проф. Ганса Тегнера — одно из лучших русских изданий датского сказочника (переиздан в Москве в 2005 г. изд. ОЛМА —Пресс). Высокую оценку современников получил перевод полн. собр. соч. Г.Ибсена, который сопровожд. основательным исслед. «Жизнь и деятельность Ибсена». Опубликовали 13 сборников «Фиорды», куда вошли переводы 30 совр. им сканд. авторов. Самостоят. Г. выполняла гл. обр. стихотв. переводы: драматич. сказку Х.Драхмана «Тысяча и одна ночь», драматич. поэму Т.Гедберга «Гергард Грим». Др. «Человеконенавистник» Ф.Шиллера, пьесу «Король Генрих У» У.Шекспира, трагедию А.Эленшлегера «Ярл Гакон». После отъезда мужа в Данию в 1917 г. продолжала переводческую деятельность в Сов. России. Авт. «Письма о Л.Н.Толстом» — «Звезда», 1978. № 8. С. 144-145. Погибла во время блокады Ленинграда. О ней: Шеваров Д. Дюймовочка из Касимова \ \ Освещенные солнцем: Добрые лица XX века. М., 2004. С. 86-91.

Русские писатели (портр.); Венгеров. Источ.; Брауде Л.Ю.; ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 418.

ГАНЗЕН-КОЖЕВНИКОВА М Петровна (1889 — 1974), авт. воспоминаний.

Дочь А.В.Ганзен (см) и П.Г.Ганзена. Оставила воспоминания «Как переводчица супруги А. и П.Ганзен работали над сказками Ханса Христиана Андерсена? Из архива М.П.Ганзен-Кожевниковой. Л., 1973 (рукопись).

Брауде Л.Ю.

ГАНСОН В.

Не она ли (Е.В.Гансон) участв. в лит-худож. сб. «Волжская вольница». Н.Новгород, 1920. Упом. в кн. «Сто одна поэтесса серебр. века», с.5.

Розанов.

ГАНЦОВА-БЕРДНИКОВА Вера Александровна (1892 — ?), историк.

Авт. ст. в сб.: «Декабристы на Украине». Киев, 1926. — В.Г.-Б.

Масанов.

ГАНШИНА К.

«Новые языки в средней школе». — «Журн. мин. нар. просв.», 1917, № 2.

ГАПЕЕВА А.Н., авт. воспоминаний.

«Воспоминания об А.А.Гапееве». — В кн. «Вопросы геологии угля: Сб., посв. памяти Александра Александровича Гапеева», Алма-Ата, 1962, с.30-45.

ИДРДВ, т.4, ч.3, № 5134.

ГАРГАНОВА Е.П.

Авт. брош. о гражд. браке (Харьков, 1905). Венгеров, Источ.

(Продолжение на стр. 69)

Тварь*

Подиумной, словно летящей походкой Сатина вышла из просторного зала заседаний и стремительной серебряной пулей врезалась в тесноту дымящей шумной тусовки.

Огромный, почти тысячеметровый балкон Дома Советов тлел под сумрачным Альбигойским небом сиянием женских коктейльных платьев и ровным матовым блеском нейлоновых мужских туник, отливающих в свете гигантских софитов таинственным ультрафиолетом. Вечеринка казалась космической фантазмагорией, танцем цветных бабочек под умирающей луной. Точнее — лунами, ибо над Альбигойей их плыло целых три...

Сатина шагнула вперед и резким толчком хрупкой тонкой ладони смела со своего пути огромного охранника в черном. От этого короткого, но злого удара двухметровый детина сложился вдвое и со смятыми ребрами отлетел в сторону, как мешок с дерьмом.

В это мгновение «party» переживало свой пик, вершину, за которой все последующие часы остроты мероприятия будет скатываться по нисходящей. Уже отзвучали пышные речи двух местных Архонтов, уже вознесены хвалебные здравицы виновнику торжества, уже отыграл уникальный для Альбигойи живой человеческий оркестр.

Виновник — стоял перед ней. Высокий и мощный, с жесткой щеткой усов и глазами, пронзительными, как луч бластера.

Он был холоден. Он был уверен в себе, в своей непробиваемой правоте, которую гарантируют таким, как он, сытым подонкам богатство и власть. И он был — ВИНОВЕН!

— Департамент Геноцида, — представилась Сатина и коротко кивнула, не отрывая, впрочем, своих чудесных сияющих глаз от лица собеседника, — Сатина Дээрта, порядковый номер 19-700!

** Рассказ занял 6 место на конкурсе короткого рассказа фестиваля «Аэлита-2008»*

Илья Борисович Тё родился 4 декабря 1975 г. во Владивостоке. Среднюю школу окончил с серебряной медалью. В 1998 г. окончил юридический факультет Дальневосточного государственного университета. С 2002 года работает генеральным директором ООО «Красный Мамонт».

Три десятка стоящих вокруг людей, услышавших ее слова, вздрогнули.

Показалось, что замогильный, ледяной, обжигающий саму душу ветер прошел по прекрасным, развевающимся в его порывах платиновым волосам Сатины и застыл ледяною коркою перед бездонными озерами ее черных, немигающих глаз. А еще показалось — вместе со словами этот ветер разнес вокруг плотный, почти осязаемый ужас.

Услышав чудовищное признание хрупкой маленькой девочки, почти ребенка, гости и слуги отхлынули от именинника, как от чумного! Ропот прокатился по пространству гигантского балкона из конца в конец, и, казалось, сами три луны Альбигойи осветились кроваво-алым вместо обычных розового, вишневого и золотого...

Однако, несмотря на страшное напряжение рокового для него мига, лицо виновника торжества оставалось совершенно невозмутимым.

— Так вы, значит, клон? — сказал он спокойно. — И чем я обязан высокой чести?

— Тридцать минут назад, — ответила Сатина, — санитарным надзором Альбигойи вам предъявлено официальное обвинение в Заражении.

Криво и зло дернув усом, собеседник Сатины усмехнулся. В его глазах читалось презрение. Сатина скосила глаза. В правой руке мужчина сжимал сигарету. Слушая ее, он затаился. Пальцы не дрожали, а значит он был и вправду спокоен.

— Исполнительное производство, не так ли? — снова спросил мужчина. — За этим прибыли?

— В том числе! — Сатина поморщилась. — Но прежде всего, разумеется, для проведения тестов. Будьте любезны, руку.

На этот раз мужчина не стал кривляться, а просто откровенно расхохотался. Открытым и дружеским смехом, который вряд ли можно было ожидать от стопроцентного ходячего трупа перед лицом своего такого маленького, хрупкого, но запредельно смертоносного палача.

— Пожалуйста, — сказал он и протянул ей ладонь. — А знаете, что меня всегда удивляло? Почему на роль палачей Корпорация всегда нанимает женщин? А также то, почему эти женщины столь сногшибательно

выглядят? Согласитесь, сударыня, это ведь нелогично! Абсурд! Если ваш работник должен проводить силовые акции — то зачем использовать для этой работы хрупкую девушку? А если уж вы и взяли девицу на роль убийцы, то почему она не коренастая уродина со стальными костями и крепкой челюстью?

Пока он все это говорил, Сатина залезла себе в «пупок», вытащила из небольшой емкости внутри живота маленький смартфон и набрала на нем несколько цифр, снимающих кодировки. Емкость в ее животе представляла собой некий «мешок», подобный сумке кенгуру, только более... аккуратный, что ли? Ни идеальную фигуру, ни плоский живот клонированной красавицы «тайник» не портил.

— А в чем вы видите нелогичность? — поинтересовалась она, активируя свой страшный прибор. — Женщины в силовые группы набираются небольшого роста и хрупкой комплекции по единственной причине — они легче. Следовательно, их тела открывают больше возможностей для спецопераций. Мы пролезем там, где двухметровый громила не пройдет — в любую щель, в окно, в форточку, даже в шахту вентиляционной трубы. Нам легче прыгать с высоты и проще лазать по стенам, используя магнитные присоски. Так что все совершенно логично. Что касается чисто «силового» потенциала, то... вы же знаете, современные возможности генной модификации способны творить чудеса.

И она выразительно посмотрела на сломанного ее коротким ударом охранника, который распластался на полу в пятнадцати метрах от них. Из развороченной грудины торчали ребра и рыхлое мясо.

— Вы — «хомо милитарис», — печальным голосом то ли спросил, то ли констатировал обреченный.

— Да, — кивнула Сатина, — а Вы «хомо трупс»... Это шутка. Палец давайте!

Совершенно безропотно мужчина придвинул свою руку ещё ближе. Вставив его указательный перст в отверстие в углу смартфона, Сатина приступила к анализу.

Индикаторы пискнули. Микроигла, впившись под кожу, взяла пробу крови и тут же провела анализ ДНК. Одновременно электронные сканеры прошлись биорезонансными волнами по всему организму мужчины, рассчитав количество сперматозоидов в половой системе, тестостерона — в кровеносной и остаточные явления от выделения эндорфинов в мозгу.

— Подтверждено, — произнесла она, отступила и быстро выхватила из поясной портупеи второй столь необходимый в ее работе предмет — «Правительственную Модель», старинный бластер с тупоносым рылом короткого, рубленного ствола. Голос девушки стал холодным и жестким. — У Вас, сэр, есть пятнадцать минут для подготовки к казни. Вы имеете право на один телефонный звонок для совершения причастия, один звонок оформления завещания и, конечно, один звонок в похоронную компанию для согласования кремации. Время пошло!

Мужчина вздохнул.

— Подтверждено... — повторил он за Сатину. — Так значит она все же беременна?

— Заражена! — поправила девушка. — А чем еще может окончиться столь длительная серия половых актов без применения надлежащих средств защиты?

— А Вы не думаете, что когда-то было естественным рожать детей именно так, как хотели сделать мы? — вспыхнул мужчина.

— Каннибализм тоже был когда-то естественным. Вот только менее болезненным по сравнению с беременностью и родами! И потом, Вы подумали о ребенке? В нашем мире идеальных клонированных тел родиться с телом *естественного* происхождения...

Сатина аж задохнулась, а к горлу ее подкатил рвотный спазм. Ее не тошнило даже во время страшных хирургических операций, на которые работникам Департамента Геноцида приходилось регулярно являться для тренировки нервов, но вот сейчас — накатило.

— Это... это отвратительно, — прошептала она. — Я не являюсь работником санитарной инспекции и не мне судить Вас, сэр, но коль скоро у нас начался приватный разговор и Вы спросили моего личного мнения, то скажу Вам не как офицер, а как женщина — то, что Вы сделали, это... просто мерзко! Ребенок мог родиться с отклонениями в развитии, с жидким мозгом, да просто уродом. Только полные и конченные подонки могли пойти на подобное. Только конченные подонки!

— Подонки?! А что вы сделали с ней?!

— Успокойтесь! В ситуации, сложившейся во время ее задержания, убийство обвиняемой прямо предписывалось мне Уставом хедхантеров Департамента. Так что нормы закона соблюдены, вам незачем волноваться.

— О нет, нет! — Он покрыл ладонями голову. — Закон предписывает казнь только особи мужского пола, участвовавшей в Заражении, а для женщин — только принудительный аборт и тюремное заключение!

Сатина покачала головой. «Как глупо!» — подумала она. Ей было немножечко неприятно.

— Вы правы, — произнесла она холодно. — У нас гуманное общество. Для женщин за это нарушение предусмотрены тюремное заключение и аборт. Но только — если они не оказывают сопротивления при аресте.

— А она? — с испугом спросил несчастный.

— Оказала! В этом случае хедхантерам предписано подавить у задержанного волю к сопротивлению методом банального избияния. Так что мы совместили обе процедуры в одну. Я имею в виду аборт и подавление воли. От одного из ударов в живот произошел выкидыш. Я застрелила ребенка еще не покинувшим тело задержанной — из влагалища торчала одна голова. Выстрел прошел через низ ее живота, в спину младенца. От выстрела, естественно, задержанная скончалась. Смерть была быстрой. Но вот роды...

— Но за что?! — вскинул руки мужчина в бессильной ярости. — Мы с женой всего лишь собирались...

— С женой?! — Сатина прищурилась. — О, я вижу, в вашей криминальной истории, сэр, добавляется нечто новое. Браки запрещены законом!

— А закон придуман шлюхами вроде Вас!

— Насчет шлюх, надеюсь, Вы пошутили, сэр? Свободный секс — это одно из фундаментальных гражданских прав.

— Да бросьте! Как я могу шутить сейчас, как? Они убиты — за что?!

— Ваше время уходит, сэр!

— А вот тут ты врешь, тварь! Мое время — только начинается!

И отбросив в сторону окурков, осужденный плавным движением достал из-за пояса пистолет.

Сатина снова прищурилась. Тело ее во время этого финта оставалось совершенно расслабленным и спокойным. «Правительственная Модель», сжатая маленькой женской ладошкой, покоилась у нее на бедре.

— Я вижу, Вы несколько раздражены, сэр, — заметила она, постучав ногтем по стволу своего оружия, не отрывая его, впрочем, от собственной стройной ножки. — Вам стоит вести себя сдержанней. Как официальный представитель Департамента Геноцида, я призываю Вас к порядку, ибо в противном случае...

— И что ты сделаешь со мной, тварь, в противном случае?!

— Вы ведь осознаете, сэр, что Вам не переиграть в реакции и умении владеть бластером специализированного военного клона. И Вы зря меня оскорбляете. «Тварь» здесь — Вы, а не я. А ну-ка, бросьте игрушку!

Но тут, внезапно, вместо бессмысленного выстрела из оружия обвиняемый щелкнул пальцами. Звонко и хлестко. В неподвижной тишине, раздираемой только воплями их спора да напряженным дыханием поверженных в шок гостей, щелчок прозвучал громко, как выстрел.

С тигриной грацией из толпы зевак выделилось несколько силуэтов. Разного роста и возраста, с бластерами в руках, вокруг Сатины и ее жертвы плотным кольцом встали четырнадцать человек — четырнадцать хмурых мужчин.

Мужчин? Тонкий слух Сатины не улавливал биения их четырнадцати сердец. И четырнадцать грудных диафрагм не нагнетали кислород в четырнадцать человеческих легких. Но зато микроскопический прибор, смонтированный в ее внутреннее ухо, уловил пульсацию радиации где-то внутри четырнадцати черепов — то сияли тихим урановым светом ядерные движки хантер-роботов...

— Боевые роботы? — спросила Сатина, подняв бровь. — Это ведь секретные разработки, они используются только военными. Откуда?

— О, сударыня! — торжествуя, перебил ее собеседник. — Как примитивен все-таки женский мозг! Вы до сих пор не уловили из нашей беседы простейшую вещь! Я — богатейший из жителей Альбигои, мне плевать на закон! Зачем чиновникам Министерства отказывать мне в продаже секретов? Из чувства патри-

отизма? Небольшая сумма наличными — и вопрос решен. Причем Ваш вопрос, мадам, — решен также. Пушку — на пол! Бросай, я сказал!

На мгновение Сатина застыла неподвижной статуей. Четырнадцать металлических убийц стояли вокруг нее. Но на самом деле — хватило бы и одного. Каждый из роботов превосходил ее в силе, скорости и реакции настолько же, насколько она превосходила обычных людей. Значит любое сопротивление обречено.

Тонкая ладошка разжалась и выпустила оружие. Скользя по ее бедру, бластер стукнулся о мрамор балкона, подпрыгнул и упокоился на одной из плит примерно в центре образованного бойцами-роботами круга.

— Так Вы знали, что я приду?

— Не знал даты, но о самой возможности — догадывался, конечно. Ваш Департамент следит за мной еще с той поры, как я баллотировался на выборы. Конечно, я дурак — думал, можно что-то изменить в вашей скотской системе!

— Чтобы подобные Вам подонки наплодили ублюдков? Людей с дефектами, обреченных на муки, вместо гарантированного здоровья клонов?

— Это были бы ДЕТИ, тварь! Нормальные человеческие дети! А не гротескные создания-функции, сука, не знающие родительской любви и похожие на тебя!

Обвиняемый злобно выматерился, достал свободной рукой новую сигарету и прикурил, с облегчением затягиваясь.

— А теперь прикинь, — сказал он совершенно будничным голосом. — До города — почти три тысячи километров, а это сорок минут хорошего лета даже на спортивном каре, не говоря уж о ваших полицейских машинах... Ты ведь пришла одна, верно? О, эти всезнающие умники из Департамента Геноцида! Самоуверенные кретины! Ненавижу их! На заднем дворе моего дворца примерно в метрах двухстах отсюда стоит яхта. Вы, сударыня, возможно, слышали о ней, ее несколько раз показывали по ТВ. Это яхта «Стрела» — самое быстроходное судно нашего Сектора. Дальше продолжать? Примерно через тридцать минут я буду в космосе, а Ваше несчастное тело — будет украшать собой мой балкон.

Сатина нахмурилась — продуманный, подонок.

— И чего же Вы медлите? — спросила она. — Полчасика это не так уж и много.

— Для кое-чего мне хватит!

И он кивнул своим псам. По этому сигналу два робота отделились от окружавшего их кольца и шагнули к Сатине.

Удар! Жесткий тычок в спину повалил ее на колени. Чьи-то грубые манипуляторы-руки, выкрутили ей запястья. А затем — одним рывком сорвали с нее шорты... Что?!

Ее враг улыбался.

— Да-да, сударыня, не округляйте глаза, — сказал он довольно, пока роботы срывали с Сатины остатки одежды. — Я сделаю с Вами то, в чем Вы обвинили мою супругу. Вы ведь вполне нормальная зрелая женщина,

способная к репродуцированию, не так ли? Клон Вы там или не клон, но ДНК у нас одна, а это значит...

Сатина лишь оскалилась.

— Да ни хрена это не значит, сволочь! Пистолет, СВЕТ!!!

И ее древний бластер подпрыгнул ввысь на собственной гравитационной тяге! А там, на высоте почти двадцати метров над балконом, вспыхнул чудовищной вспышкой и громогласным ревом, выбивая все стекла в здании, заставляя лопаться барабанные перепонки людей и сгорать звуковые датчики роботов. Одновременно ультразвук прошёл окружающее пространство незримыми волнами, промчавшись по электронным мозгам компьютеров. И все технические устройства в радиусе тысячи метров умерли, превратившись в бесполезный металл и пластик.

С обожженной сетчаткой глаз, лишённые слуха и зрения люди попадали на пол. Механизмы и роботы, напротив, застыли в безмолвии, напоминая своими неподвижными телами немые статуи древности. В заполненном стенами пространстве Сатина медленно поднялась с колен.

Одна! Особые закладки в ушах и тонированные хрусталики уберегли ее от участи остальных. Полностью обнаженной, в одних лишь высоких кожаных сапогах, она шагнула вперед, наклонилась, и ее маленькие упругие груди нависли над сжавшимся в комок обвиняемым. От боли тот тихо скулил, закрывая руками то сожженные глаза, то разорванные уши.

— Приведено в исполнение! — сказала Сатина, и каблук её сапога — огромная стальная шпилька — вонзился мужчине в висок, прошел через мозг и упёрся в пол.

Обнаженная девица в последний раз осмотрелась вокруг. Разорённый волновым взрывом балкон дворца, усыпанный осколками стекол, битой посуды, осыпавшейся от ультразвука штукатурки и полностью лишённый какого-либо искусственного освещения, напоминал сценку из клипа адской рок-группы — полный декаданс! Богатое убранство в обломках роскоши под светом трех полных лун...

А в осколках стекол лежали копошащиеся, скулящие инвалиды без глаз и без барабанных перепонки. Над человеческими телами стояли четырнадцать замерших навсегда стальных фигур роботов. Роботами, впрочем, они сейчас не казались. Скорее — проклятыми за грехи демонами, превращёнными в статуи волею мстительного божества.

Сатина закрыла глаза, глубоко вздохнула и с наслаждением улыбнулась. «Свободный секс — это фундаментальное право нашего общества, но убийство — куда как слаще!» — подумала она, и все той же стремительной, «подиумной» походкой обнаженная двухсотлетняя девственница вышла с балкона вон.

А сквозь прозрачную пелену бездонного космоса удивленно смотрели вниз три кровавых луны, в который раз удивляясь тому, что случилось с родом человеческим...

ГАРДНЕР Екатерина Ивановна (урожд. Дыхова; псевд. Доливо, К.; де-Пайва-Перера, Г.; 1849 — 1936), писательница и переводчица.

Дочь арт. генерала. Мать поэта Вадима Гарднера. Активная деятельница русского феминистского движения. Окончила Казанский ин-т для благородных девиц. Получила разрешение императора поступить на женские медицинские курсы при СПб Академии, но не дождавшись их устройства, уехала изучать медицину в Америку и в Филадельфии со своим будущим мужем Даниэлем Томасом де Пайва-Перера Гарднером. Супруги переехали в СПб. а в 1880 купили в собственности землю на Карельском перешейке. Сotr. в «Энци. слов.» Брокгауза и Ефрона (ее фото в т. 82, прил., с.25), в журн. «Дело» и «Знание», в америк. изданиях. В журн. «Дело» под псевд. К.Доливо был напеч. ее ром. «На новом пути» (1870. № 1, 2, 3). В том же году вышел ее ром «Гордая воля». Ей принадлежит некролог «Надежда Васильевна Стасова». — «Мир. Божий», 1895. № 11. С.238-242. В 1918 г. прокинула СПб и обосновалась в своем имении Ваммелсуу на Карельском перешейке. Вскоре по Тартусскому мирному договору это имение оказалось за пределами Советской России. С ее участием вышел в свет последний прижизненный сб. стихотв. В.Гарднера «Под далекими звездами», посвященный матери.

Масанов; Венгеров. Источ.; ЛЗР; ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1789, 1791; Диаспора. 4 (в ст. «Вадим Гарднер: материалы к библиографии»).

ГАРДНЕР Ольга, поэтесса.

Сotr. «Рус. голоса» (Владивосток. 1920-е гг). Здобнов.

ГАРДНЕР Раиса Александровна (урожд. Коренева; печаталась под этим псевдонимом; 1840 — 1916), прозаик.

Двоюродная сестра Д.И.Писарева и приемная дочь его матери В.Д.Писаревой. Драматич. история взаимоотношений Писарева и Г. в свое время наделала шуму (см. Арбат Ю. «Фарфоровый городок». М., 1957. С.89-99). Пов. Г. «Пустушково» и ром. «Всякому свое» носят автобиограф. характер (в гл. героине угадыв. черты В.Д.Писаревой). Написала кроме того воспоминания «Варвара Дмитриевна Писарева». — «Рус. старина», 1880. Т.29. № 12. С.1007-1014. Живя в Москве, вела обзор. журналов в журн. «Друг женщин» (1885). Переводила с польск. Участв. в подготовке предпринятого В.И.Писаревой и Ф.Ф.Павленковым, но не состоявшегося издания писем Д.И.Писарева. Р.А.Гарднер ошибочно приписан, как выяснил Масанов, псевдоним П.А.Очкиной — Авенерок.

Русские писатели (портр); Масанов; Венгеров. Источ.

ГАРЕЛИНА Любовь Васильевна (урожд. Соболева; псевд. Либина, Н.; Лилина; Несказаева; 1824 — 1885), поэтесса, драматург.

В 1866 г. отозвалась стихами в охранительном духе на выстрел Д.В.Каракозова. Во Владимире (1867) вышел сб. «Стихотворения элегические, лирические и дидактические». Вышли также «Стихотворения» (М., 1870) — Либина, Надежда. Мелодрамы Г. о злоключениях сирот и несправедливо обиженных кончаются счастливыми развязками («Сиротинка ох!, а за сиротинкой Бог», «Тогда и цену мы узнаем, когда навеки потеряем», «Приемыш»). Писала пьесы и из жизни высшего круга («Не к месту», «Игра судьбы»). Те и другие ставились провинциальными театрами. Видимо она автор «Рассказов маленьких детей. Сочинение» (М., 1877; отз. «Жен. образ.», 1878, № 3) и «Катя и Лиза» Пер. с англ. М., 1878 — Лилина. Написала «Масляница и пост в провинции» (М., 1870) — Несказаева.

Русские писатели; Масанов; Слов. рус. писательниц; Венгеров.Источ.

ГАРИНА

Пер. кн. Сильвио Пеллико «Мои темницы» (М., 1896).

(Продолжение следует)

Яков Свердлов и покушение на Ленина

Яков (Янкель) Михайлович (Мовшевич) Свердлов (Розенфельд) — один из наиболее видных большевистских вождей. Ему благоволил В.И. Ленин, учитывая, прежде всего, его опыт вовлечения рабочих «низов» и люмпенских элементов в антиправительственное движение, боевые террористические группы (на деле — боевые отряды народного вооружения — БОНВ). Они занимались терактами, грабежами, добывая для партии, ее эмигрантской части (лидеров) огромные средства. Свердлов (находясь в ссылке) был избран в состав ЦК РСДРП(б). В 1917 г., после Февральской революции, он вновь вошел в состав ЦК, являлся его секретарем. Яков Михайлович активно участвовал в организации Октябрьского большевистского переворота, а вскоре стал и председателем Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК), формально — высшего государственного органа. Над ВЦИК фактически довлел Центральный комитет партии большевиков, на руководящей работе в котором Свердлов оставался.

Он всегда поддерживал Ленина, образно говоря, «шел в его кильватере» даже в период резкого обострения противоречий в советских верхах в связи с заключением Брестского договора с Германией (на этом яростно настаивал председатель Совнаркома Ленин; Брестский договор являлся, по существу, антигосударственным, антinationальным; собственно, и Октябрьский переворот был совершен под руководством вождя большевиков, при поддержке Германии и ее финансировании). К лету 1918 г. авторитет Ленина (как председателя

Свердлов и Ленин. Москва. 1918 год

Совнаркома, вождя) заметно снижался, в то время как, говоря современным языком, рейтинг Свердлова шел вверх, хотя и он в вопросе «по Бресту» также выступал за кабальный для России договор. Его роль в партийно-советских кругах, аппаратных структурах возрастала. Просматриваются личные устремления Свердлова к выходу на позиции первого лица в государстве, тем более что он формально возглавлял и государственные, и партийные

органы по всей их вертикали. Фактически он был заинтересован в дальнейшем оттеснении Ленина как вождя, на «второй план». Особенно явно это проявилось после покушения на Ленина 30 августа 1918 г., в следующие за этим событием дни и недели. Этот короткий период давно привлекает внимание историков и публицистов, это — особая страница в жизни и деятельности Свердлова, очень запутанная и до конца не исследованная.

...Вечером 30 августа 1918 г. — ровно 90 лет назад — Ленин выступал с речью на снарядном и машиностроительном заводе Л.А. Михельсона. Когда митинг закончился, он в толпе участников мероприятия направился к выходу с завода, к машине, где его ждал шофер С.К. Гиль. Близ машины и раздались выстрелы (три или четыре). Ленин был трижды ранен (одна из пуль попала в руку оказавшейся рядом с ним М.Г. Поповой). Ранения оказались тяжелыми, но не смертельными (распространенная версия о том, что пули, попавшие в Ленина, были отравлены, несостоятельна). Присутствовавшая на митинге старая большевичка Д.К. Гончарова (фельдшер по образованию) оказала Ленину первую помощь и сопровождала его до кремлевской квартиры, куда прибыла и группа видных врачей.

Вождь лечился и на три недели отошел от дел.

Обстоятельства покушения на Ленина следствием до конца выяснены так и не были. Стрелявшей в вождя была признана Фани (Файга) Хаимовна (Файвеловна) Каплан — эсерка, в прошлом анархистка. Показания же свидетелей относительно лица, покушавшегося на Ленина, были крайне противоречивыми.

...После выстрелов толпа стала разбегаться. У находившегося на месте событий участника митинга, помощника комиссара одной из дивизий московского гарнизона С.Н. Батулина убегающая (или быстро уходившая) Каплан вызвала подозрение. Батулин ее задержал и передал чекистам. Некоторые свидетели — участники митинга — «узнали» в Каплан стрелявшую, бросившую затем пистолет системы «Браунинг». Противоречивые показания и Батулина, и Гилия, и других сходились в основном лишь в одном — стреляла женщина, видели женскую руку с оружием и т.п.

Каплан поначалу утверждала, что не стреляла в Ленина; в дальнейшем она была признана совершившей теракт, однако и данные ею сведения были противоречивыми (показателен и тот факт, что при

В. И. Ленин произносит речь перед войсками Всевобуча на Красной площади. Москва. 1918 год

задержании в руках у Каплан были ридикюль (сумочка) и зонтик, — представляется нелогичным, чтобы покушавшаяся «заняла» руки перед акцией).

К следствию по факту покушения по собственной инициативе подключился Свердлов. Утром 31 августа он прибыл в ВЧК, где в это время Я.Х. Петерс производил допрос Каплан. Какими вопросами интересовался Свердлов, как себя в тот момент проявил — не известно. Представляется, что у него зрело решение прервать ход расследования и «прибрать» подследственную к своим — кремлевским — рукам. Что же в итоге? В разгар следствия Свердлов приказал коменданту Кремля П.Д. Малькову расстрелять Каплан. 3 сентября в 4 часа Мальков, конвоируя Каплан, убил ее выстрелом в затылок. По приказу того же Свердлова труп эсерки был сожжен в бочке с бензином. В печати прошло сообщение, что Каплан расстреляна «по постановлению ВЧК», однако такого документа найдено не было нигде (в т.ч. в постановлениях и протоколах ВЧК).

Каплан была убита без суда и еще до завершения расследования. И в этом просматривается какая-то личная заинтересованность Свердлова в этом вопросе. Получается, что он, отдавая приказ об убийстве Каплан, пренебрег всеми правовыми нормами. Поче-

му? Большая историческая загадка. В дальнейшем в следственном деле Каплан обнаружилась пропажа нескольких листов. В них вполне могло содержаться и кое-что о Свердлове.

Итак, после заключения «Брестского мира» авторитет вождя даже в большевистских партийных, а также властных кругах начал стремительно падать. И Свердлов постепенно начинает выходить на «первый план». Этот процесс обстоятельно рассматривается историком Ю.Г. Фельштинским в монографии «Крушение мировой революции. Брестский мир». Ленин постепенно уходит в тень, что обуславливается унижительными ультиматумами Германии в Бресте, а также общим шатким положением большевистского режима. Свердлов же все явственнее (и настойчивее) пользуется своим фактическим положением — официального главы РСФСР (председатель ВЦИК), руководителя партийного аппарата (секретарь ЦК РСДРП(б)). Различные проекты Ленина в этот период на съездах, совещаниях и т.п. блокируются, отвергаются соратниками; предложения Свердлова, напротив, получают одобрение. В качестве примера можно вспомнить, что предложенная Лениным Конституция РСФСР была отвергнута V съездом Советов, а после выступления по этому вопросу Сверд-

Фанни Каплан. Москва. 1918 год

лова — принята. Именно Свердлов к лету 1918 г. сосредотачивает в своих руках назначение и распределение партийно-советских кадров, а также занимается подбором чекистских кадров.

Стремление Свердлова к ослаблению влияния Ленина в партии и стране в целом было явным. Это так или иначе увязывается с обстоятельствами покушения на Ленина 30 августа 1918 г., со странными действиями Свердлова по отношению к Каплан. Убийством Каплан Свердлов, возможно, хотел что-то скрыть, не дать выплыть наружу в ходе дальнейшего расследования.

Наиболее определенно по этому поводу высказывается тот же Ю.Г. Фельштинский. В основу его утверждений положена версия о том, что Свердлов знал о готовящемся покушении на Ленина, не сомневался в успехе акции, в конечном итоге — в смерти вождя. Фельштинский и его сторонники рассмотрели группу временных рамок вечерних событий 30 августа 1918 г. Они обращаются, главным образом, к показаниям Гиля и заявлению Свердлова по поводу покушения в официальной печати. Рассмотрим факты.

О времени приезда Ленина на завод его шофер С.К. Гиль на первом допросе 30 августа говорил: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера... По окончании речи Ленина, которая длилась около часа,

из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа...». Итак, в показаниях Гиля фиксируются приезд Ленина, начало его речи и ее окончание примерным временем с 10 до 11 часов вечера. За подписью Свердлова было обнародовано «Обращение ВЦИК ко всем Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем...», в котором говорилось следующее: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина». Подписав обращение, Свердлов как председатель ВЦИК зафиксировал время: «10 часов 40 минут». Это — время более раннее, чем в показаниях Гиля (примерно 11 часов). Учитывая то, что для составления «Обращения...» требовалось время, авторы версии приходят к выводу, что этот документ был составлен до покушения на Ленина, и Свердлову было известно о нем заранее.

Полагаю, что такой подход к оценке источников — без обращения к другим, без оценки их совокупности — несостоятелен. И особенно — по отношению к такому важному вопросу. Здесь дата Я.М. Свердлова фиксирована официально, а дата другая — С.К. Гиля — отнюдь, она из свежих, но все же воспоминаний (к тому же человека, предельно взвинченного трагическими событиями). Надо также иметь в виду и то, что только

что было произведено смещение времени суток (на час вперед).

Обратимся к другим источникам, их совокупности.

Уже в 11 часов 40 минут вечера начался официальный допрос Каплан и свидетелей. И это — после их перемещения в другое место, после связи с ВЧК, по приезде их сотрудников, на что потребовалось, конечно, никак не менее часа. К этому времени Гиль доставил Ленина на квартиру, врачи были уже в сборе. Свердлов все узнал «из первых рук». К тому же ему могли позвонить и сообщить о событиях и с завода еще до доставки Ленина на квартиру, а составление короткого «Обращения...» — дело десятка минут.

Допросы Каплан и других шли и ночью, и в последующие дни. Показаний было зафиксировано много. В протоколах допросов ВЧК (ряда лиц, включая и Каплан) есть указания на время разворачивавшихся на заводе Михельсона событий. Каплан говорила, что приехала на митинг «часов в восемь». По некоторым данным, Ленин в это время уже выступал. К.С. Московкина сообщала, что пошла на митинг, перед тем «посмотрев на часы» — «было около 6 часов вечера», и когда она и ее спутница пришли, «Ленин уже говорил». Конечно, Московкиной и ее спутнице (М.Г. Поповой) потребовалось время, чтобы дойти до завода, но не несколько же часов! А.И. Хворов показал: «Около 8 часов вечера я шел на митинг на завод Михельсона, где в это время говорил тов. Ленин. В это время, я помню, обогнал двух женщин, которые направлялись на митинг», Ленин уже выступал и — вскоре — закончил свою речь. И.В. Полуторнов пришел на митинг заранее, как он сообщил, «в 5 часов». Он потом сопровождал раненного Ленина в кремлевскую квартиру, сев в его машину. По словам Полуторнова, это происходило «...засветло», а ведь уже подходил сентябрь.

Начало митинга на заводе Михельсона было назначено на ранний вечер за два дня до событий, конкретно — на 18 часов. По всем данным, он открылся именно в это

Павел Мальков

время. Выступление Ленина, разумеется, планировалось на завершение мероприятия, однако не на 22 же часа!

Все приведенные данные свидетельствуют о том, что Ленин приехал и начал выступление в районе 19-20 часов и завершил его где-то в 20-21 час.

Таким образом, выступление Ленина и покушение на него произошли значительно раньше, чем сообщил Гиль, который разошелся в показаниях со всеми, кто в свидетельствах касался временных рамок. Позднее Гиль называл совсем другое время прибытия с Лениным на завод Михельсона — «18 часов 30 минут», причем поправляя уже и других. Не исключено также, что 30 августа при допросе сообщенное Гилем время неточно зафиксировал протоколист.

Наконец, еще один документ с официальной датировкой события — сообщение управления делами Совета народных комиссаров о ранении Ленина и его состоянии. В нем говорилось: «30 августа 1918 года в 11 часов вечера констатировано два слепых огнестрельных поражения»...

К 11 часам вечера, по окончании речи Ленина, произошли следующие события: он вышел в сопровождении толпы к машине; отвечал на вопросы; был ранен; при нем произошел захват подозрительных лиц, в том числе Каплан; ему оказывалась первая помощь, решался вопрос о сопровождающих; маши-

Председатель ВЦИК Яков Свердлов в рабочем кабинете. 1919 год

на следовала к Кремлю из значительно удаленного от него района; созвонившись с видными врачами, послали (очевидно) за ними машины (кто-то добирался до Кремля сам); произошло тщательное обследование тела пострадавшего, проведены операции, извлечены пули; состоялось совещание по завершении этой работы, составлено врачебное заключение. К 11 (23) часам все было завершено. Поэтому очевидно, что Ленин закончил речь и после этого был ранен никак не позднее 9(21) часов и вскоре был привезен в Кремль. На квартиру Ленину все время звонили. Звонил, конечно, и Свердлов (скорее всего, ему позвонили и сообщили о случившемся уже с завода Михельсона). И, без всякого сомнения, о ранении Ленина Свердлов узнал где-нибудь между 20 и 21 часов вечера, никак не позднее 10 часов 40 минут вечера, обозначенных в подписанном им документе.

Приведенные документальные данные полностью опровергают версию, представленную, кстати, как доказанную, нежели гипоте-

тическую. Но ряд вопросов все же существует.

Факты таковы: противоправные действия (даже с точки зрения большевиков) Свердлова по отношению к Каплан и в отношении всего следственного дела; распоряжение об убийстве Каплан — она взяла вину за покушение на себя, но отказалась назвать сообщников, руководителей заговора (могла сделать это впоследствии). Не касались ли не сообщенные ею сведения лично Свердлова? В ходе процесса над эсерами в 1922 г. были установлены руководители террористических акций этой партии — А.В. Коноплева, В.А. Новиков и Г.И. Семенов. Они так или иначе брали на себя ответственность за действия Каплан (вопрос о ней не снят — полуслепая, по свидетельству близких, как она могла стрелять?!). Удивительно, что тогда наказания они не понесли и были освобождены из-под ареста.

Уместно упомянуть о проявленном удовлетворении, даже радости Свердлова по поводу временного отхода (вследствие ранения) Ленина от дел. Об этом свидетель-

ствовал В.Д. Бонч-Бруевич, тогда — управляющий делами Совнаркома, ближайший сподвижник и друг Ленина. Свердлов горделиво сказал Бонч-Бруевичу: «Вот, Владимир Дмитриевич, и без Владимира Ильича справляемся».

Учитывая сложившуюся в стране к концу лета 1918 г. ситуацию, можно допустить, что Свердлов мог все же, по крайней мере, знать о готовящемся покушении на Ленина и не принял мер по его предотвращению. Последнее предположение близко к истине. Свердлов, по целому ряду данных, был одним из организаторов (или главным организатором) намеченных заранее и проводившихся 30 августа 1918 г. в Москве митингов на предприятиях (с выступлением видных советских руководителей, в том числе — Ленина).

В тот же день, 30 августа, в Петрограде был убит С.М. Урицкий — один из большевистских вождей, председатель ЧК и одновременно нарком внутренних дел Северной области. Днем руководство страны получило сообщение об этом. Казалось бы, что Ленина в такой день на митинг не пошлют. И он сам колебался — ехать ли? Но твердого совета на этот счет не последовало, и Ленин поехал. Казалось подозрительным (и кажется до сих пор!), что уж об охране-то (и личной, и на заводе Михельсона) должны были позаботиться. Наоборот, председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского отпустили в Петроград — для работы по делу об убийстве Урицкого.

Сомнения, вопросы по поводу обстоятельств вокруг покушения на Ленина 30 августа 1918 г. есть и в публикациях историка Б. Сударушкина. Приведу цитату: «Последний зафиксированный допрос Каплан состоялся 31 августа, а расстреляли ее 3 сентября. Не начала ли она давать показания, которые не устраивали следствие (добавлю: лично Свердлова? — И.П.), потому так поспешно ее и перевели из ВЧК в Кремль? Не появилась ли вероятность, что ее придется вернуть на Лубянку? Не связана ли эта вероятность с возвращением из Петрограда Дзержинского? Не потому ли и

В. И. Ленин. Горки

поторопились с расстрелом, совершив его в Кремле, где никто не мог помешать?».

Согласен, такие вопросы, в основном кратко рассмотренные выше, возникают. А главное, фигура Свердлова — в самом центре описанных событий! Можно еще добавить, что Свердлов решил (на какой-то «всякий случай») изолировать Каплан и в Кремле. Охрана ее состояла из латышей, плохо знавших (а то и вовсе не знавших) русский язык и явно не располагавших ее к общению. Свердлов без протокола и свидетелей беседовал с Каплан перед ее расстрелом. Что же она сообщила? Что произошло бы со страной, если к реальной власти пришел бы Свердлов — малообразованный, с ранней юности

ориентированный на террор революционер («Яшка-хулиган», как его называли в близкой ему — еврейской — среде). Думается, ничего хорошего. В сентябре 1918 им официально был объявлен «Красный террор», немного времени спустя — инициировано «раскалывание» (истребление тысяч и тысяч донских и других казаков)... Но Ленин выздоровел. Авторитет его вновь повышался — и в связи с ранениями (мученик за идею), а особенно — с ноября 1918 — после поражения Германии и расторжения кабального Брестского договора. Отношение Свердлова к вождю вновь стало меняться. Он, как и в первые послеоктябрьские месяцы, поддерживал Ленина и шел в его «кильватере».

Позывные Герда Буркхарда

Герд Буркхард с братом и сестрами в 1950 году

Правду говорят, что «язык до Киева доведет». Однако меня он увел еще дальше — в южную Венгрию. Все началось с экскурсии по залам музея истории ЗАО «Курорт Усть-Качка» в 2002 г., где состоялось мое случайное знакомство с одним из посетителей. Отдыхающий из Нижней Туры Юрий Михайлович Палькин поведал, что в венгерском городке Хёдьес живет некто Герд Буркхард — бывший немецкий военнопленный в СССР в 1945–1950 годах, принимавший участие в строительстве курорта, а ныне — радиолюбитель, и пообещал помочь добыть его адрес. Мои сомнения по поводу общения (а в багаже знаний у меня «немецкий со словарем» и не более) он развеял фразой: «Немец вовсю говорит и пишет по-нашему». А раз так, то написать письмо и отправить его большого труда не составило. Ответ от заграничного адресата с желанием продолжить общение пришел через месяц.

Остался «кусочек от сердца»

Уже с первого письма стал вырисовываться неординарный образ моего нового знакомого. Родился он в семье потомственного немецкого рабочего из Рура, на юные годы пришлось время власти Гитлера. Но душу этого человека не смогли ожесточить ни фашистская расовая теория, ни советский плен. Друже-

любие, уважительное отношение к людям навсегда остались главными чертами его характера. Герд благодарен судьбе, что время, проведенное в России, оказалось богато на встречи с простыми, но очень добрыми людьми. Не очень сытые сами, они могли поделиться с ним куском хлеба, угостить картошкой... Именно они научили его понимать и говорить по-русски, невольно пробуди-

ли интерес к культуре победившей страны. Больше полувека прошло с тех пор. Казалось бы, новая, более интересная жизнь должна была все расставить на свои места. Однако и сегодня в его личной библиотеке, наряду с книгами немецких писателей, есть томики классиков российской литературы, начиная с Пушкина, Гоголя и заканчивая Горьким, Пастернаком, Солженицыным.

А в свободное время он любит слушать музыку Глинки, Чайковского и Шостаковича. По словам Герда Буркхарда, у нас в России он оставил «кусочек от сердца». Несколько его писем-воспоминаний и о себе, и о товарищах-военнопленных той далекой войны, и о многом другом легли в основу последующих строк.

Встреча с Россией — в Удмуртии

К началу летней кампании 1944 года немецкое командование уже не помышляло о походе на Москву, его больше волновали другие вопросы. И как только Герду исполнилось 18 лет, его досрочно призывают в армию. Воевал недолго: весной 1945-го на реке Одер в Померании он попадает в плен к советским солдатам. А дальше были фронтной лагерь, спецэшелон и долгий путь. Проехали Польшу, Белоруссию, казалось, всю Россию... Место остановки называлось Уралом, УДМУРТИЕЙ!

Весь этап — 964 военнопленных — направляют валить лес в тайгу, на голое место. Жилплощади нет никакой, кроме собственноручно вырытых ям-землянок, в которых лапник служил крышей, а солома — постелью. Через восемь месяцев из-за поистине адских условий содержания умирает 680 человек. Буркхарду повезло, но он был измотан до крайности и сильно истощен. Его, весившего всего 43 кг, отправляют в госпиталь в Глазов, где он находится почти год.

Потом были погрузочно-разгрузочные работы на заводах Ижевска и в подсобном хозяйстве одного из них. Затем снова отправляют в лес, но еще дальше — в Кировскую область. Часть военнопленных вместе с Гердом Буркхардом оставляют на станции Фосфоритная железной дороги Яр — Рудничный. Теперь он работает на пилораме, до ноября 1948 года, до того момента, пока он и некоторые другие, овладевшие в плену или имеющие прежде строительные специальности, не понадобились для строительства курорта Усть-Качка.

1949 год. В числе первостроителей курорта Усть-Качка (Буркхард - первый справа)

Строители «Уральской Мацесты»

Их — первых строителей нового комплекса здравницы, бывших военнослужащих германской армии — было не более 300. Все, за некоторым исключением, — рядовые и унтер-офицеры. Офицерское звание имели лишь 5-6 человек: 3 медика и пропагандисты от «Комитета Свободной Германии». Буркхард писал, что пленные были также набраны в производственных зонах МВД, располагавшихся в Глазове, Ижевске, Краснокамске, Кизеле. «В отличие от других мест

на стройплощадке курорта мы работали без охраны. Всю ответственность нес бригадир, которому под расписку из зоны выдавалось необходимое количество людей. Уровень механизации работ был низким, но за 6 месяцев появились не только четыре брусчатых корпуса курорта, но и 35 щитовых одноквартирных домов для его специалистов. Питание было скудным: 600 г хлеба, суп трижды в день и ужин, дополненный кашей. Все постное, изредка появлялась рыба, но чай всегда сдабривался ложкой сахара».

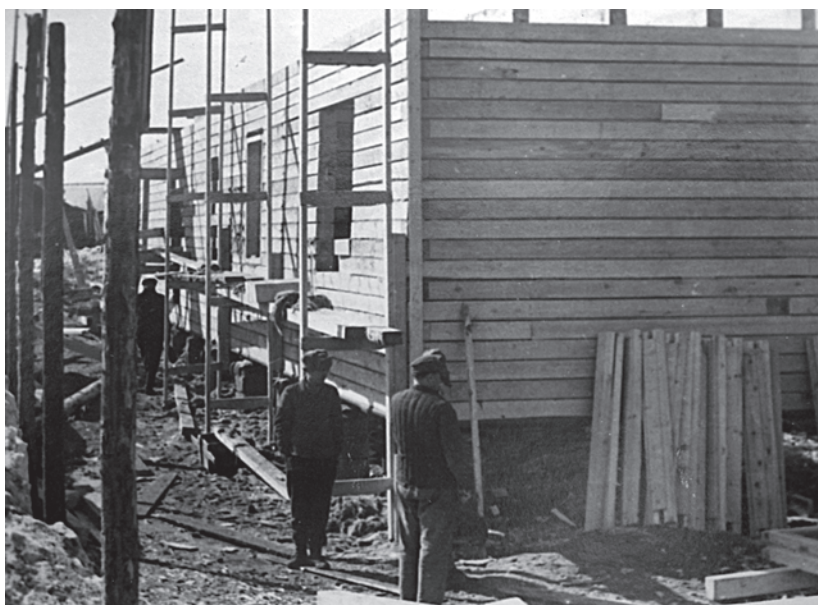

Комиссия у одного из домов для специалистов курорта.

Приятное впечатление у 23-летнего немца оставило лето 1949-го, когда военнопленные вели строительство автодороги до Култаево. «Тогда мы были слишком свободны. Охранник с дробовиком из вольнонаемных позволял 3-4 пленным отлучаться на «шашку», и к обеду бригада имела дополнительное блюдо из заработанной картошки, капусты, крупы, нередко — с жиром или с салом. А когда удалось достать патроны к ружью (!) — на нашем столе появилась дичь: пока мы работали, наш дружелюбный охранник охотился».

Визитеры

О том, что зону ожидает посещение гостей, узнавали сразу по поведению персонала: бросались в глаза чересчур опрятный вид охраны, бесконечная суетливость русского начальства. Как-то в Усть-Качке побывала комиссия из Мо-

Усть-Качка, 1949 год. На стройплощадке нового комплекса курорта

сква. Высокие гости первым делом прошли на строительную площадку. Оглядев вооружение строителей, имевших лишь лопаты, ломы и ручные пилы, а для подвозки

стройматериалов — тачки, конную повозку да несколько стареньких автомашин ЗИС-5, переглянулись и уехали. А вскоре пленных дооснастили мотопилами, баграми,

Шахтеры — первые отдыхающие курортного сезона 1949 года

Усть-Качка в 1950-е годы. Корпус № 3 — один из объектов, постороенных немецкими военнопленными

а на стройку пригнали бульдозер, грейдер и даже около 20 новых автомашин ЗИС-250.

Однажды побывал фотограф, снимал строящиеся объекты. Но вот в конце сентября 1949 г. вдруг приехал сотрудник МГБ. Было предчувствие, что ничего хорошего этот визит не принесет. И все же вызов к нему был для Буркхарда неожиданным. На чистом немецком языке, без акцента следователь попросил подробно расска-

зать о себе, о службе в вермахте. А выслушав, заявил: «А ведь ты не с 26-го, а с 22 года рождения, и в дивизии этой служил с 1942 г.!». Беседа продолжилась и на другой, и на последующий день. В очередной раз, когда Герд заметил, что в 42-м он был еще в школьном возрасте, услышал в ответ: «Это ничего не значит, ты служил в воинской части, солдаты которой участвовали в военных преступлениях против гражданского населения на

территории Орловской и Курской областей в 1942 г.!». И офицер вызвал конвоира.

Каторга и... неожиданная свобода

Этот допрос в первых числах октября был последним, как и дни, проведенные в Усть-Качке. После ареста Буркхарда сначала отправляют в Краснокамск, где находилось управление лагеря, в зону Камского ЦБК. Здесь он находился целый месяц не без дела — работал в жестяном цехе. Но 2 ноября, в сопровождении двух солдат-конвоиров, его увозят в Молотовскую центральную тюрьму. Не очень многолюдная камера становится новым пристанищем. Сокамерниками были трое русских: двое обвинялись в совершении убийств, третий — в дезертирстве из армии. В этой компании, в ожидании суда, он встречает новый 1950 год, проводит весь январь. Некоторое знание языка делает заточение не столь томительным, к тому же он углубляет свои познания: знакомится с богатством и многообразием русского языка.

Заседание военного трибунала состоялось в начале февраля. Увы, он признан виновным и пригово-

Обход комиссией новостроек курорта (третий слева - директор курорта А.И. Ланда)

Буркхард с женой и тещей в 2001 году

рен к 25 годам каторжных работ. Местом отбытия срока указывалось строительство курорта. Герда возвращают в Краснокамск, но с дальнейшей отправкой почему-то не спешат. В конце концов, его вместе с другими осужденными немцами этапируют в кизеловское отделение лагеря.

Заканчивался март, когда в шахтерский Кизел пришла неожиданная весть об амнистии и репатриации. Радости не было предела, но порой Герду Буркхарду все же не верилось, что его «одиссея» закончилась. В том, что это так, он окончательно убедился, лишь ока-

завшись на пороге родного дома, увидев мать и младшего брата с сестрами. На календаре было 2 мая 1950 г.

С Анной-Лизой и со всем миром

О том, чем заниматься в мирной жизни, Буркхард решил сразу: пойдет на завод, где работал отец. Его приняли, и десять лет он проработал там слесарем, хотя в душе больше желал быть шофером, и в совершенстве овладеть водительским мастерством. Эта мысль не давала ему покоя до тех пор, пока

у Герда не появилась возможность поступить в автошколу. В 1960-1961 г. г. он проходит обучение на водителя-инструктора, успешно сдает экзамен и устраивается на работу по своей специальности. В 1963 г. знакомится с девушкой, Анной-Лизой, делает ей предложение.

Семейная жизнь, как и дела на новой работе, складывались удачно: родился сын, потом еще два; организовано свое дело — частная автошкола в г. Вуппертале, которая приносила неплохой доход (к 1984 году их стало уже две). С 1991 года г-н Буркхард перестает сам вести свой бизнес и становится... активным членом местного радиоклуба. Собственный передатчик позволяет ему устанавливать связь с радиолюбителями не только из Европы, но и Азии. Его позывные за полтора десятка лет были услышаны в 276 странах мира, а в России — и на Дальнем Востоке, и даже за Полярным кругом: на островах Врангеля и Медвежий. Свидетельством тому служит толстая пачка почтовых QSL-карточек в его архиве. Несмотря на возраст, 80-летний радиолюбитель полон энергии — каждый день он выходит в эфир. Может, и в эту минуту на радиоволне звучит его: «Всем, всем... на 22 метрах...».

Усть-Качка, 2000 год. Корпус Славянский (быв. корпус № 3)

О самоцветах — по Ферсмановски

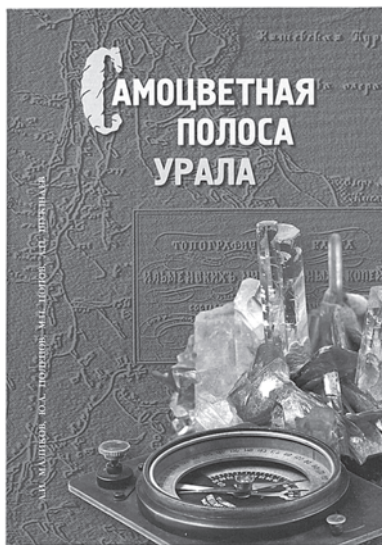
Маликов А.И. Самоцветная полоса Урала: Учебн.-справочн. пособие / А.И. Маликов, Ю.А. Поленов, М.П. Попов, А.П. Шукшаев. — Екатеринбург: «Сократ», 2007. — 283 с., ил.

Получив в подарок эту книгу, «адресованную прежде всего школьникам и педагогам, юным геологам и краеведам, но интересную и для большинства жителей и гостей Уральского региона», я прочел ее с большим удовольствием.

Оказывается, всю свою трудовую жизнь я провел в пределах этой Самоцветной полосы. Да и теперь живу в центральной ее части, которая в книге романтично названа «Русской Швейцарией». Думаю, такое сравнение в равной степени должно льстить и Швейцарии, и России, и Уралу. Севернее нас в полосе — Вишневые горы, богатые минералами и редкоземельными элементами. Далее — легендарные копи изумрудов, александритов, аметистов, топазов и разных бериллов в районе знаменитой Мурзинки. А южнее — вообще «минералогический рай» Ильмен и «Русская Бразилия» между речками Каменка и Санарка, где есть практически все: алмаз, александрит, изумруд, турмалин, эвклаз, горный хрусталь и многие другие минералы. Нахлынули воспоминания...

Впрочем, вернемся к книге. Одно наслаждение читать о самоцветных сокровищах Урала, об ученых и первооткрывателях, любителях камня и его обработчиках, трудившихся здесь. О геологах, количество которых счастливо перешло в качество открытых ими сокровищ, о красотах нашего горно-озерного края (ненавязчиво «сопровождавших» нас в элемен-

** От редакции: Заметим кстати, что «Уральский следопыт» в шести (3–8) номерах журнала за 2003 год печатал «Записки горного егеря» одного из авторов книги — Анатолия Шукшаева.*

тах декоративного оформления каждой страницы). Много здесь и фотографий, рисунков, схем, карт, разрезов. В последней, 12-й главе рассказывается о жизненном пути и творчестве замечательного ученого-естествоиспытателя XX века, академика Александра Евгеньевича Ферсмана, отдавшего много сил изучению геологии и минералогии Урала. В конце книги — приложения, содержащие рекомендации к организации минералогических экскурсий по Самоцветной полосе Урала. В виде большой таблицы приведены физические свойства наиболее распространенных минералов. Далее — словарики устаревших терминов, мер и весов, специальных геологических терминов, раздел «Персоналии» и список использованной литературы.

Язык книги прост и доходчив, дух ее — ферсмановский, оформление — великолепное. Очень хочется надеяться, что она дойдет до своих адресатов. Их много, особенно у нас, на Урале. Кстати, в нашем городе Озерске при станции юных техников с 1962 г. работает детский минералогический кружок. Его участники ходят в походы по маршрутам, указанным в книге, ищут и находят минералы и горные породы, о которых пишут авторы. И это вовсе не значит, что книга

опоздала с выходом, ведь все время появляются новые поколения юных краеведов. Два года назад бывшие кружковцы А.А. Кашицин и Е.Л. Томашевич написали и издали в Озерске небольшую, но содержательную книжечку «Искатели форта» — своеобразный отчет о проделанной за сорок четыре года работе...

И все же к книге «Самоцветная полоса Урала» у меня имеются и замечания. Во-первых, есть несколько уральских самоцветов, очень известных не только у нас, но и во всем мире, «обиженных» теперь на авторов этого издания. Это в первую очередь малахит, родонит, селенит, яшма и даже агат. Они очень просят уделить им внимание. И, мне кажется, не столь уж важно, что многие их месторождения «расположены в других геологических провинциях». Я бы простил им то, что они «родились» не в «Полосе», — но ведь на Урале же!

Во-вторых, хотелось бы больше узнать о том, куда все же уходит эта «Полоса» на севере, и есть ли перспективы что-либо обнаружить «под чехлом осадочных пород». А на юге? На карте, приведенной на странице 37, видно, что на юге «Полоса» значительно расширяется. Может быть, там есть нечто, из-за чего стоит посетить Оренбуржье? Я даже догадываюсь, что — прославленные орские яшмы! А что — в Северном Казахстане?..

И еще. Мне кажется, авторы немного недооценивают своих будущих молодых читателей, «специалистов очень широкого профиля». Ведь они идут в поход не только за камнями. Их интересуют и археологические объекты, а также представители растительного и животного миров, особенно — уральские «эндемики». Может быть, эти моменты стоит учитывать, хотя бы с точки зрения экологии? Ведь редкие растения и животные, стоянки древнего человека, старые выра-